

**ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

29 АЕК 2000

11 MAR 2013

15

... реформы Солгона были до-
менил существовавшую до этого
«— «род») — власть родовый ари-
мократией («тимае» — «цена, стоим-
ой на имущественном цензе, лишив та-
ко привилегий, связанных с переж-
дсе граждане Атики были разделены на
и, «Шественному цензу. За основу ценза
овар, «ый доход от земельного. К первому разря-
-еве граждане, получавшие со своей земли до-
ли, «е 500 медимнов сыпучего или жидкого про-
ра объема; в разное время она составляла о-
да). Они назывались пентакосимедимны, т. е.
Ко второму разряду причислялись граждане,
своей земли доход в размере не менее 300 меди-
вались всадниками, так как должны были служи-
на собственном боевом коне. К третьему разряду
граждане, получавшие со своей земли доход в р-
200 медимнов. Их называли зевгитами («зевго-
т. е. имеющими собственную упряжку волов. Они
служить в пехотном ополчении и иметь собствен-
оружие. К четвертому разряду относились т-
шие доход менее 200 медимнов. Они называлис-

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. В. КУЙБИШЕВА

ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ

Под редакцией д-ра юрид. наук В. Ф. Воловича, д-ра
юрид. наук Б. Л. Хаскельберга, д-ра юрид. наук
В. Н. Щеглова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1987

Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования:
Сб. статей /Под ред. В. Ф. Воловича и др.— Томск: Изд-во Том.
ун-та, 1987. — 336 с. — 2 р. 80 к. 500 экз. 1203050000.

Сборник включает работы преподавателей Томского, Алтайского, Омского и Кемеровского университетов, в которых рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования ряда общественных отношений: гражданских, семейных, трудовых, колхозных и гражданско-процессуальных.

В публикуемых статьях дается анализ положений Конституции СССР изданных на ее основе законов и других нормативных актов, а также материалов судебной, арбитражной и иной юридической практики. Вносятся предложения, направленные на дальнейшее совершенствование действующего законодательства.

Для работников правовой службы, судебных, прокурорских и иных органов, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Рецензент— канд. юрид. наук Р. П. Мананкова

П $\frac{1203050000}{177(012)-87}$ 37-86

© Издательство Томского университета, 1987

Раздел I

ГРАЖДАНСКОЕ
И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

И. В. ФЕДОРОВ

Планирование хозяйственной деятельности предприятий и объединений, как известно, является центральным звеном системы государственного управления социалистической экономикой. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно заботятся о повышении качественного уровня и эффективности плановой работы, определяют пути, методы и средства ее улучшения¹. В решениях XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС даны руководящие установки по дальнейшему совершенствованию народнохозяйственного планирования².

Особую актуальность на современном этапе развития экономики СССР приобретают проблемы улучшения работы по планомерному формированию рациональных хозяйственно-договорных отношений. Товарно-денежные взаимосвязи, складывающиеся в сфере общественного производства между социалистическими хозяйственными организациями, составляют в своей совокупности необходимое структурное звено единого народнохозяйственного комплекса. Как и общественное производство в целом, они также являются предметом централизованного государственного планирования³. Уро-

¹ См.: Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695. — СП СССР, 1979, № 18, ст. 118.

² См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 34, 148, 330—331; Материалы Пленума ЦК КПСС 16 июня 1986 года. М., 1986, с. 32, 35; Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 9—10, 89.

³ См.: Разнатовский И. М. Правовое регулирование планирования народного хозяйства СССР. Киев, 1977, с. 186—191; Николов Х., Петков Т. Планирование и хозяйственные договоры. М., 1978, с. 167—

вень и результативность руководства экономикой в немалой степени зависят от научной обоснованности актов планирования хозяйственно-договорных отношений. Только экономически обоснованное плановое задание, содержащее исходные параметры планируемого договорного обязательства, разработанное компетентным органом управления в установленном законом порядке и своевременно доведенное до исполнителей, может служить предпосылкой успешного формирования рациональных хозяйственных взаимосвязей между предприятиями и объединениями⁴.

Значимость экономически грамотного планирования хозяйственно-договорных отношений в настоящее время существенно возрастает в связи с проведением в нашей стране мероприятий по перестройке системы управления и хозяйственного механизма, по расширению прав и самостоятельности производственных предприятий и объединений, повышению их ответственности за результаты работы⁵.

Деятельность госорганов по планированию хозяйственных связей осуществляется на основе действующего законодательства, она совершается в рамках определенных правовых форм и нуждается в четкой юридической регламентации. Общеизвестно, что эффективное правовое регулирование этой деятельности — одно из неперемennых условий ее высокой результативности⁶. Вот почему в комплексе мероприятий по совершенствованию плановой работы в данной сфере экономики обязательно должны быть предусмотрены меры по дальнейшему укреплению правовой основы народнохозяйственного планирования. Под правовой основой здесь понимается совокупность разноотраслевых юридических норм, регулирующих упомянутую деятельность, а также система за-

170; Медведев В. А. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. М., 1983, с. 113—115.

⁴ См.: О серьезных недостатках в соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции и повышении ответственности министерств, ведомств и предприятий в этом деле: Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1983 года № 316 (Изложение). — СП СССР, 1983, Отд. 1, № 11.

⁵ См.: О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1983 года № 659. — СП СССР, 1983, Отд. 1, № 20, ст. 109.

⁶ См.: Омаров А. М. Управление социалистической экономикой. М., 1979, с. 90; Теоретические проблемы хозяйственного права/Под ред. В. В. Лаптева. М., 1975, с. 166—168.

конодательных и подзаконных актов, закрепляющих эти нормы.

Ст. 9 Конституции СССР содержит принципиальное положение о необходимости постоянно укреплять правовую основу государственной и общественной жизни. Исходя из этого, советская юридическая наука и правотворческие органы государства должны проявлять повседневную заботу о совершенствовании хозяйственного законодательства и практики его применения в соответствии с требованиями экономики развитого социализма.

Отправные нормативные положения о народнохозяйственном планировании закреплены в Конституции СССР и конституциях союзных республик, а также в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695⁷. Что же касается правовых норм, устанавливающих порядок планирования хозяйственной деятельности в различных звеньях экономики, то они рассредоточены по многочисленным подзаконным нормативным актам. В экономической и юридической литературе неоднократно отмечалось, что действующее советское законодательство о планировании хозяйственной деятельности предприятий и объединений не отвечает в должной мере потребностям динамичного развития социалистической экономики, ее интенсификации и ускорению научно-технического прогресса⁸.

Законодательство о планировании хозяйственных связей⁹, как составная часть советского хозяйственного законодательства, включает в себя значительное число различных по юридической силе и значимости нормативных правовых актов преимущественно подзаконного характера. В большей части это ведомственные акты: положения, правила, особые условия, инструкции, методические указания и т. п., изданные Госпланом СССР, Госснабом СССР, Министерством торговли СССР, иными министерствами и ведомствами.

Характерной чертой данного законодательства является то, что оно в своем составе не имеет стержневого законода-

⁷ СП СССР, 1979, № 18, ст. 118.

⁸ См.: Хозяйственный механизм на современном этапе/Под ред. П. Г. Бунича. М., 1980, с. 72; Советское законодательство и хозяйственный механизм. М., 1984, с. 33—34; Инициатива, организованность, эффективность.— Правда, 1985, 12 апр.

⁹ Термин «законодательство» здесь употребляется в широком смысле: для обозначения всей совокупности законодательных и подзаконных нормативных актов.

тельного акта, закрепляющего основополагающие принципы и содержащего общие правила, обязательные к соблюдению при планировании хозяйственных связей во всех звеньях экономики. Ввиду этого нормативные правовые акты о народнохозяйственном планировании, взятые в совокупности, не составляют единой системы взаимосогласованных юридических установлений, способных в каждом конкретном случае обеспечить четкий порядок планирования хозяйственных связей с учетом их специфики. В составе этого законодательства, как уже отмечалось в документах партии и правительства, все еще имеются акты, не увязанные между собой, противоречащие друг другу¹⁰. Поэтому в практике плановой работы по формированию рациональных хозяйственно-договорных отношений нередко выявляются такие случаи, когда одни и те же вопросы в разных ведомственных нормативных актах решаются по-разному, зачастую с позиций узковедомственных интересов. Вполне обоснованно Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на Пленуме Центрального Комитета КПСС 23 апреля 1985 г. сказал, что «нужно резко ограничить число инструкций, положений, методик, которые подчас, своевольно толкуя решения партии и правительства, сковывают самостоятельность предприятий»¹¹.

Существенным недостатком является также то, что в действующем законодательстве о планировании хозяйственных связей не предусмотрено таких правовых средств, которые бы надежно гарантировали стабильность плановых заданий, обеспечивали бы сбалансированность планов материально-технического снабжения с планами производства участников хозяйственного договора и с реальными пропускными и провозными возможностями транспортных магистралей, связывающих их.

Отмеченные обстоятельства, как об этом не раз сообщалось в печати, снижают эффективность правового регулирования рассматриваемых отношений, а следовательно, и качественный уровень плановой работы¹². Факты экономической действительности, таким образом, настоятельно требуют

¹⁰ См.: О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 года № 558.—СП СССР, 1975, № 16, ст. 98.

¹¹ Правда, 1985, 24 апр.

¹² См.: Асцатрян Е. План и договор.—Соц. индустрия, 1985, 2 марта; Канторович Л. Единая транспортная.—Соц. индустрия, 1985, 3 апр.

дальнейшего безотлагательного укрепления правовой основы планирования хозяйственно-договорных связей.

Главные направления этой работы представляются следующим образом. Прежде всего, нужно разработать и закрепить в нормативном порядке систему основополагающих принципов народнохозяйственного планирования. Эти правовые принципы должны служить юридической базой разработки текущего законодательства, регулирующего отношения по планированию хозяйственной деятельности предприятий и объединений во всех сферах общественного производства.

Принципы народнохозяйственного планирования должны быть зафиксированы в специальном законодательном акте об основах государственного планирования¹³. Наряду с принципами в содержание указанного закона должны быть включены правовые нормы, определяющие основные права и обязанности планирующих органов, общие правила о порядке разработки плановых актов, о последствиях нарушения этого порядка, а также установленных законом сроков доведения плановых заданий до исполнителей. Создание упомянутого законодательного акта в настоящее время представляет собой неотложную задачу.

Не менее важным направлением является разработка системы эффективных юридических гарантий соблюдения планирующими органами государства правовых принципов народнохозяйственного планирования. Такие гарантии должны быть предусмотрены в законе. В особом разделе законодательного акта следовало бы зафиксировать нормативные положения об основании, условиях и видах ответственности планирующих органов за допущенные ими нарушения установленных законом порядка и сроков планирования, за принятие экономически не обоснованных плановых заданий. На

¹³ О необходимости разработки и принятия общесоюзного закона о государственном планировании неоднократно указывалось в юридической литературе. См., напр.: Правовые вопросы планирования промышленности в СССР/Отв. ред. В. В. Лаптев. М., 1964, с. 9—10; Советское законодательство и хозяйственный механизм, с. 34, 96. В постановлении Совета Министров СССР от 30 декабря 1977 г. № 1135 «Об организации работы по приведению законодательных актов СССР и решений Правительства СССР в соответствие с Конституцией СССР» (СП СССР, 1978, № 2, ст. 8) было предусмотрено поручить компетентным органам государства рассмотреть вопрос о необходимости разработки законодательного акта об основах государственного планирования. Однако окончательно этот вопрос до сего времени не решен.

необходимость выполнения этой работы было указано в решениях XXVI съезда КПСС¹⁴.

В законодательстве о народнохозяйственном планировании должны получить соответствующее выражение особенности планирования хозяйственно-договорных взаимосвязей предприятий и объединений. В частности, при разработке правовых принципов планирования указанных отношений надо иметь в виду такую его особенность, что принимаемые органами управления плановые решения в этой области должны быть всецело подчинены задаче обеспечения производственно-хозяйственной деятельности обоих участников планируемого хозяйственного договора.

Основная цель названных актов — обязать адресатов путем соглашения установить в соответствии с плановым заданием взаимоприемлемые условия обмена на товарно-денежных началах своей деятельностью или ее результатами и тем самым создать для себя необходимые предпосылки рационального хозяйствования. В связи с этим необходимо при помощи правовых средств добиться такого положения, чтобы планирующие органы в каждом конкретном случае, действуя в рамках установленных законом правил, находили оптимальный вариант структуры договорных связей и своевременно выдавали бы субъектам планируемого обязательства тщательно выверенное плановое задание, обязывающее их заключить соответствующий договор. Причем в адресованном им плановом акте должны быть указаны только общие данные, предопределяющие содержание формируемого обязательственного отношения. В пределах этих показателей стороны должны иметь возможность, исходя из реальной обстановки, детально отработать условия их производственного сотрудничества, достичь при заключении договора наиболее полного сочетания своих хозяйственных интересов с интересами всего народного хозяйства.

Потребностями рационального хозяйствования объективно определяется комплекс основополагающих требований, которые должны предъявляться к планированию хозяйственных связей, к разработке каждого планового задания, выда-

¹⁴ В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» записано: «Повысить ответственность министерств и ведомств СССР, советов министров союзных республик, а также объединений за обоснованность планов и своевременное их доведение до исполнителей» (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 198).

ваемого участникам формируемого хозяйственно-договорного обязательства. Суть этих принципиальных требований выражается в следующем. Индивидуальный плановый акт, содержащий предписание адресатам заключить хозяйственный договор, должен быть, во-первых, экономически обоснованным, во-вторых, изданным компетентным органом хозяйственного руководства с соблюдением требований закона, в-третьих, сбалансированным с планами производства договаривающихся сторон, в-четвертых, должен обладать стабильностью. Изложенные требования надлежит закрепить в законе; они должны быть сформулированы в качестве правовых принципов, обязательных к неуклонному соблюдению.

С точки зрения отмеченных положений можно прийти к выводу, что принципы экономической обоснованности, законности, сбалансированности и стабильности плановых заданий на заключение хозяйственных договоров составляют в своей совокупности сердцевину правовой основы планирования хозяйственных связей в СССР.

В системе указанных принципов первостепенное значение имеет правовой принцип экономической обоснованности актов планирования хозяйственно-договорных отношений. В законе о народнохозяйственном планировании принципиальное требование об экономической и научной обоснованности принимаемых органами государственного управления плановых решений по организации рациональных хозяйственно-договорных связей между социалистическими предприятиями в сфере общественного производства должно быть конкретизировано путем установления нормативных положений, определяющих условия, которым должно отвечать обоснованное плановое задание. В частности, было бы целесообразно в законодательном порядке предусмотреть следующие положения. Плановое задание, обязывающее его адресатов заключить хозяйственный договор, должно: а) правильно выражать интересы народнохозяйственного комплекса в целом; б) полностью соответствовать производственно-хозяйственным потребностям и возможностям обеих сторон планируемого договорного отношения, правильно выражать их хозяйственные интересы; в) содержать в себе лишь исходные данные, предоставляющие адресатам (исполнителям) достаточный простор для проявления инициативы и самостоятельности в углубленной разработке и согласовании всех пунктов заключаемого ими договора с учетом конкретных условий хозяйствования; г) разрабатываться на основе вы-

бора оптимальной для данного хозяйственного отношения и наиболее экономичной для народного хозяйства структуры договорных связей.

Существенная роль в повышении эффективности правового регулирования отношений по народнохозяйственному планированию принадлежит принципу социалистической законности. В целях конкретизации содержания данного принципа применительно к деятельности по планированию хозяйственных связей было бы желательно в законодательном порядке установить нормативное положение, согласно которому разработка индивидуальных плановых актов, обязывающих адресатов заключить хозяйственный договор, должна осуществляться компетентными органами хозяйственного руководства с соблюдением предусмотренных в законе порядка и сроков, а также и правил определения структуры договорных связей. Во исполнение этих принципиальных требований закона следовало бы в подзаконных нормативных актах, регулирующих отношения по планомерному формированию различных видов хозяйственно-договорных связей, уточнить и конкретизировать порядок и сроки разработки плановых актов, порядок и сроки заключения на их основе хозяйственных договоров, конкретизировать правила выбора рациональной структуры договорных связей. Особое внимание при этом должно быть уделено установлению правильного соотношения сроков разработки плановых актов по распределению продукции (товаров), плановых заданий по оказанию заказчикам хозяйственных услуг со сроками разработки и доведения до адресатов планов производства¹⁵.

Не менее важной представляется задача зафиксировать в нормах права принцип сбалансированности упомянутых актов планирования хозяйственных связей с производственными планами участников планируемых договорных отношений. Требование о сбалансированности плановых заданий в сфере общественного производства касается различных сторон и направлений планирования хозяйственной деятельности предприятий и объединений¹⁶. Прежде всего, плановое

¹⁵ Несогласованность сроков разработки и утверждения планов производства и плановых актов на материально-техническое снабжение зачастую вызывает серьезные затруднения в организации рациональных хозяйственно-договорных связей. О фактах такого рода сообщается в печати. См.: План и договор.— Соц. индустрия, 1985, 2 марта.

¹⁶ О значении сбалансированности актов народнохозяйственного планирования см.: Хозяйственное право/Отв. ред. В. П. Грибанов, О. А. Кра-

задание, на основе которого его адресаты обязаны заключить договор, должно по своему содержанию в полной мере согласовываться с вытекающими из плана производства потребностями в соответствующих материальных ресурсах и хозяйственных услугах. Далее, содержащиеся в данном акте предписания по своим количественным показателям и иным характеристикам должны соответствовать плану производства адресата, обязанного по планируемому договору передать потребителю (получателю, заказчику) продукцию (товары), выполнить работы, оказать услуги¹⁷. Кроме того, указанные плановые задания должны быть сбалансированы с планами грузовых перевозок соответствующих транспортных организаций, с их реальными провозными возможностями¹⁸. По общему правилу, плановые акты на поставку продукции (товаров) должны выдаваться с учетом схем нормальных грузопотоков. В качестве необходимой предпосылки правильного решения вопроса о сбалансированности актов планирования хозяйственных связей с иными народнохозяйственными адресными планами в законе должно быть предусмотрено правило о том, что эти акты следует разрабатывать и выдавать адресатам после утверждения и доведения до них планов производства.

Принцип стабильности актов планирования хозяйственно-договорных отношений также нуждается в законодательном закреплении. Суть этого правового принципа выражается в том, что разработанное с соблюдением требований закона и своевременно доведенное до исполнителей плановое задание в течение установленного срока его действия не должно изменяться или отменяться по произвольному усмотрению органа, выдавшего его¹⁹. Внесение изменений в плановый акт, на основе которого заключен договор, или отмена этого

савчиков. М., 1977, с. 101; Колесниченко А. Важное условие интенсификации. — Правда, 1985, 27 апр.

¹⁷ В печати сообщается о многочисленных фактах нарушения принципа сбалансированности плановых актов. (См.: Сов. юстиция, 1983, № 12, с. 23); Сапиро Е., Демиковский Ф. Осознавая новое. — Соц. индустрия, 1985, 19 февр.

¹⁸ См.: Улучшить работу железных дорог. — Правда, 1985, 15 апр.

¹⁹ К серьезным нарушениям принципа стабильности актов народнохозяйственного планирования приводит порочная практика необоснованных корректировок плановых заданий в сторону их уменьшения. О негативных последствиях, вызываемых в народном хозяйстве такими корректировками, см.: Чернецкий Ф. В вихре корректировок. — Известия, 1985, 27 апр.; Минин И. Трудно быть «толкачем». — Правда, 1985, 18 марта.

акта могут быть допущены лишь в исключительных случаях. Перечни таких случаев должны быть предусмотрены в соответствующих нормативных правовых актах.

В современных условиях, когда широким фронтом разворачивается работа по перестройке всего хозяйственного механизма, особую актуальность приобретает проблема правового обеспечения неуклонного соблюдения принципов народнохозяйственного планирования. Не затрагивая всех сторон этой сложной, многоаспектной проблемы (она должна быть предметом специального комплексного исследования), остановимся на разработке и включении в действующее хозяйственно-договорное законодательство правовых гарантий осуществления упомянутых принципов. Одной из таких, на наш взгляд, весьма действенных гарантий могло бы служить установление в законодательном порядке общего правила о том, что акт планирования хозяйственных связей, изданный с нарушением принципиальных требований закона, не приобретает юридической силы; его адресаты в этом случае вправе заявить в установленном порядке отказ от заключения предусмотренного в данном акте договора. Действие этого правила должно распространяться на все виды планируемых хозяйственных договоров. Такое юридическое последствие нарушения принципов планирования может стать надёжным средством охраны хозрасчетных интересов предприятий и организаций и, что особенно важно, препятствовать заключению реально неисполнимых хозяйственных договоров.

Эффективным инструментом укрепления правовой основы планирования хозяйственных связей должна послужить юридическая ответственность органов, планирующих эти связи, и соответствующих должностных лиц, виновных в принятии экономически не обоснованных, противоречащих законодательству плановых решений. В сфере управления экономикой такого рода действия указанных лиц надлежит рассматривать, как противоправное поведение, которое должно влечь за собой юридическую ответственность. Последовательное применение к правонарушителям в этой области мер ответственности представляет собой эффективную гарантию принципа законности. Однако в действующем законодательстве о народнохозяйственном планировании, как уже было сказано, вопросы ответственности за нарушение установленного

порядка и сроков разработки плановых актов, к сожалению, не получили должного решения²⁰.

Такое положение не отвечает потребностям времени. Практика социалистического хозяйствования на современном этапе требует установления в законодательстве научно обоснованных правил об ответственности за правонарушения, допускаемые планирующими органами. В безотлагательном решении нуждаются, в частности, вопросы об условиях возникновения и реализации этой ответственности, о характере, размере и системе санкций (мер ответственности) и порядке их применения к правонарушителям, о способах и порядке возмещения имущественного ущерба, причиненного хозрасчетным предприятиям органами планирования в результате принятия экономически и юридически не обоснованных плановых решений. Большая роль в этом деле принадлежит советской правовой науке. Она призвана способствовать правотворческим органам государства в решении поставленных вопросов, давать им необходимые теоретически обоснованные рекомендации. В системе мероприятий по укреплению правовой основы планирования хозяйственных связей научной разработке указанных проблем принадлежит важное место.

²⁰ В юридической литературе и в периодической печати неоднократно выдвигались предложения об установлении конкретной ответственности планируемых органов за принятие плановых решений, не соответствующих требованиям закона. См.: Теоретические проблемы хозяйственного права, с. 304—305; Договор и арбитраж.— Соц. индустрия, 1985, 6 апр.; Петров С. В поиске верных решений.— Правда, 1985, 10 апр.

ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А. Ф. СКУТИН

В ряде основополагающих нормативных актов закон наряду с субъективными правами различает такие категории, как «охраняемый законом интерес» и «законный интерес». Конституция СССР говорит об обязанностях граждан «уважать права и законные интересы других лиц» (ст. 65). В Законе о судеустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1938 г. предусматривалась защита «прав» и «охраняемых законом интересов» граждан, учреждений, предприятий и организаций (ст. 2). Аналогичная норма содержалась в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о судеустройстве 1958 г. (ст. 2). В действующих Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г. также говорится о «правах» и «охраняемых законом интересах» (ст. ст. 2, 5). Одной из задач, закрепленных в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г., является охрана «прав» и «законных интересов» предприятий, учреждений и организаций (ст. 1). Согласно ст. 2 Правил рассмотрения хозяйственных споров 1980 г. предприятия, учреждения и организации вправе обращаться в установленном порядке в государственный арбитраж за защитой нарушенных либо оспариваемых прав или охраняемых законом интересов¹.

Категория «охраняемый законом интерес» как в гражданско-правовой, так и общетеоретической литературе разработана недостаточно глубоко и всесторонне. Д. М. Чечот прав, когда замечает: «Нужно либо доказать, что никаких интересов, которые защищаются законом, помимо субъек-

¹ В статье приведен далеко не полный перечень нормативных актов, содержащих упоминание о «законных интересах» или «охраняемых законом интересах».

тивных прав, не существует, а поэтому использование в основных нормативных актах понятия «охраняемый законом интерес» ошибочно, либо, признав правомочность этого понятия, необходимо подвергнуть его исследованию как в общетеоретическом плане, так и в сфере отраслевых наук².

В правовой науке долгое время господствовало мнение, согласно которому интересы физических и юридических лиц охраняются только субъективным правом. Такая мысль была высказана еще в дореволюционной литературе³. Подобный подход к проблеме правовой охраны социальных интересов необоснованно сужал сферу действия права, препятствовал выявлению всех особенностей воздействия права на поведение личности. Поэтому вполне закономерно появление в сочинениях авторов, в которых обращалось внимание на то, что правовая охрана интересов не всегда означает охрану соответствующих субъективных прав⁴. Некоторые исследователи в своих работах отмечали, что в гражданском праве имеют место юридические явления, которые невозможно объяснить с позиции субъективного права. Так, М. М. Агарков указывал на наличие «секундарных прав», которые, будучи правовым средством воздействия на поведение лиц, в то же время, по его мнению, существенно отличаются от известных субъективных прав⁵. В дальнейшем категория «охраняемый законом интерес» получила права гражданства и в науке теории права. Так, Г. В. Мальцев пишет, что «при социализме юридической защитой пользуются не только интересы, нашедшие выражение в нормативных актах, субъективных правах и обязанностях, но и другие интересы, не обеспеченные особыми субъективными правами, которые в нашем законодательстве и юридической литературе охватываются термином «законного интереса» или «охраняемого законом интереса»⁶. Различает категорию «охраняемый за-

² Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968, с. 43.

³ Известный дореволюционный юрист Г. Ф. Шершеневич писал, что «вне» субъективного права юридически защищенные интересы не могут иметь места (Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912, вып. 3, с. 60).

⁴ Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М., 1941, с. 112—113.

⁵ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940, с. 70—71.

⁶ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1968, с. 134.

коном интерес» и Л. С. Явич⁷. В связи с тем, что «охраняемые законом интересы» впервые нашли свое закрепление в процессуальных нормативных актах, наибольшее внимание этой проблеме первоначально было уделено в гражданско-процессуальной науке⁸.

В юридической науке не сложилось определенного представления о сущности категории «охраняемый законом интерес», кроме того, во многих работах она отождествляется без каких-либо оснований с категорией «законный интерес»⁹. Так, Р. Е. Гукасян полагает, что «охраняемый законом интерес» и «законный интерес» выражают одно и то же понятие, поэтому они могут использоваться как равнозначные, и необходимо поставить вопрос, по его мнению, об упорядочении терминологии¹⁰. Думается, дело не в неточности терминологии основополагающих нормативных актов, а в том, что это различные понятия, имеющие свое специфическое содержание, в силу чего они не идентичны друг другу. Объединяет их тот факт, что они существуют независимо и наряду с субъективным правом, но категория «законный интерес», в широком смысле слова, более объемная чем «охраняемый законом интерес». Она включает в себя как субъективные права и «охраняемые законом интересы», так и интересы, являющиеся законными (в узком смысле слова), но не правовыми. К законным интересам в узком смысле слова относятся интересы, не противоречащие букве и духу закона; будучи законными, они остаются не обеспеченными ни субъективным правом, ни «охраняемым законом интересом» (например, различного рода безвозмездные имущественные услуги, оказываемые гражданами друг другу).

Представители гражданско-процессуальной науки обращали внимание прежде всего на процессуальные стороны проблемы «охраняемого законом интереса». Так, М. А. Гур-

⁷ Явич Л. С. Общая теория права.— Л., 1976, с. 188—189.

⁸ См.: Юдельсон К. С. Советское гражданское процессуальное право. М., 1965, с. 9; Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия.— Труды ВЮЗИ, 1965, т. 3, с. 81—87; Гукасян Р. Проблема интереса в советском гражданско-процессуальном праве. Саратов, 1970, с. 38; Чечот Д. М. Указ, соч., с. 28—41.

⁹ Явич Л. С. Указ, соч., с. 189; Гукасян Р. Правовые и охраняемые законом интересы.— Сов. государство и право, 1973, № 7, с. 116; Малейн Н. С. Охраняемый законом интерес.— Сов. государство и право, 1980, № 1, с. 27.

¹⁰ Гукасян Р. Правовые и охраняемые законом интересы. — Сов. государство и право, 1973, № 7, с. 116.

вич писал, что «охраняемый законом интерес» есть выгода, обеспеченная не нормой материального права, а правоохранительной, прежде всего процессуальной¹¹. Р. Гукосян видит в «охраняемом законом интересе» социальные потребности, взятые под охрану путем предоставления их носителям не субъективных материальных прав, а права прибегнуть к судебной или иной форме защиты¹². Сугубо процессуальный подход к определению категории «охраняемый законом интерес» был справедливо подвергнут в литературе критике как узкоотраслевой, не позволяющий надлежащим образом отграничить охраняемые законом интересы от субъективных прав¹³. Малоубедительным является утверждение авторов, что «охраняемые законом интересы» есть социальные потребности, обеспеченные судебной или иной формой защиты. Социальные интересы, охраняемые субъективными правами, также обеспечиваются судебной или иной формой защиты, поэтому этот признак вряд ли можно рассматривать в качестве критерия разграничения «охраняемых законом интересов» и субъективных прав. Скорее способность «охраняемых законом интересов» к судебной и другим формам защиты сближает их по своей правовой природе с субъективными правами. Возражая М. А. Гурвичу в том, что «охраняемый законом интерес» — это «та выгода, которая обеспечивается процессуальной нормой», Д. М. Чечот вполне обоснованно замечает, что категория «охраняемые законом интересы» прежде всего материальная, возникающая в связи с действием норм материального права и получающая от нее защиту в ходе гражданского процесса или в ином порядке¹⁴.

По мнению процессуалистов, «охраняемый законом интерес» имеет место в делах особого производства, а также в делах при предъявлении иска о признании с отрицательным характером требования, т. е. исков, в которых интерес истца состоит в признании факта отсутствия правоотношения между ним и ответчиком. При вступлении в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора (ст. 38 ГПК РСФСР), они защищают не свое субъективное право, считает Д. М. Чечот, а «охраняемый законом интерес»¹⁵.

¹¹ Гурвич М. А. Указ. соч., с. 86.

¹² Гукосян Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве, с. 38.

¹³ Малеев Н. С. Указ. соч., с. 28.

¹⁴ Чечот Д. М. Указ. соч., с. 39.

¹⁵ Там же, с. 40.

Ряд ученых полагает, что «охраняемыми законом интересами» являются такие интересы, об охране которых говорится непосредственно в правовой норме материального права, при этом, как правило, ссылаются на ст. ст. 7, 514 ГК РСФСР. Г. А. Свердлов отмечает, что наличие подобного рода интересов и установление гражданско-правовой формы их защиты обусловлено спецификой гражданско-правового регулирования отдельных сфер общественных отношений, где гражданское законодательство предоставляет возможность осуществлять прямую защиту интересов¹⁶. Возражая против столь узкого толкования «охраняемых законом интересов», следует согласиться с Н. С. Малениным в том, что при таком формальном критерии категория «охраняемый законом интерес» необоснованно ограничена, поскольку термин «интерес» в законодательстве применяется редко, хотя интересы выражены во всех иных нормах¹⁷. Категория «охраняемые законом интересы» не исчерпывается только той ее разновидностью, о которой прямо говорится в нормах гражданского права (ст. ст. 7, 415 ГК РСФСР), она гораздо шире и включает в себя иные социальные интересы. Указание на охраняемый законом интерес непосредственно в самой норме объективного права не есть прерогатива гражданского права, аналогичные нормы имеются и в иных отраслях материального права. Так, ст. 21 КОБС РСФСР говорит об учете «интересов несовершеннолетних детей», «заслуживающих внимания интересов одного из супругов», «интересов семьи». Здесь, как и в ст. ст. 7, 514 ГК РСФСР, нет субъективных прав ни у несовершеннолетних детей, ни у супругов, ни у семьи в целом. Однако в случаях, предусмотренных нормой права, их интересы охраняются семейным законом, т. е. имеют место «охраняемые законом интересы».

В литературе распространено мнение, согласно которому «охраняемые законом интересы» обусловлены пробельностью в праве. «С общепринятой позиции, — пишет С. Л. Явич, — по поводу категории «законный интерес» можно сказать следующее. Во-первых, она связана с пробельностью материального права. Во-вторых, об охраняемом законом интересе (законном интересе) может идти речь только в тех случаях, когда объективное и субъективное право данный интерес

¹⁶ Свердлов Г. А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск, 1980, с. 66.

¹⁷ Маленин Н. С. Указ. соч., с. 29.

так или иначе не опосредствовало»¹⁸. Если последний вывод не вызывает сомнений, то обоснование наличия «охраняемых законом интересов» пробелами в системе субъективных прав весьма спорно. Сторонники критикуемой точки зрения объясняют наличие пробельности в праве, а следовательно, и наличие «охраняемых законом интересов» рядом причин. По мнению одних, юридически закрепляются лишь наиболее социально значимые интересы. «Охраняемые законом интересы» — это быстро изменяющиеся интересы отдельных субъектов права, которые не приобретают в данный период социальной значимости на уровне общеклассовых задач, но и не носят чисто личного характера. Наличие «охраняемых законом интересов», как правило, свидетельствует о насущной потребности в формировании нового субъективного права и новой общей нормы¹⁹.

Другие ученые полагают, что в силу многообразия социальных интересов в социалистическом обществе они не могут быть все обеспечены субъективными правами из-за ограниченных возможностей правовой системы. Если бы право выражало и регламентировало все социальные интересы личности в особых нормах и правах, то оно представляло бы собой, по их мнению, чрезвычайно сложную необозримую и малопригодную для практических целей систему. Поэтому правовой регламентации, считает Г. В. Мальцев, подвергаются лишь определенные интересы личности, являющиеся жизненно важными для всех членов общества (или части), типическими, т. е. такими, которые наиболее ярко выражают сущность социалистических общественных отношений, имеют известное социальное значение²⁰. В литературе эти выводы подверглись справедливой критике. При этом указывалось на то, что, несмотря на увеличение количества статей в ГК РСФСР 1964 г. по сравнению с ГК РСФСР 1922 г., он стал не менее, а более пригодной кодифицированной системой субъективных прав, а «экономия» в числе правовых норм практически ведет к излишним затратам средств, времени и сил, необходимых для защиты законных интересов в порядке жалобы по сравнению с судебной охраной субъективных прав²¹.

¹⁸ Явич Л. С. Общая теория права. 1976, с. 189.

¹⁹ Там же, с. 189.

²⁰ Мальцев Г. В. Указ. соч., с. 134.

²¹ Малеев Н. С. Указ. соч., с. 30.

Малоубедительными являются суждения об «охраняемых законом интересах» как о незначительных, несущественных, нетипичных. Прежде всего, ряд социальных интересов личности может быть удовлетворен посредством действий самого заинтересованного лица, без содействия со стороны других членов общества, достаточно, чтобы члены общества не препятствовали ему в осуществлении его интересов. Связь личности с обществом проявляется в дозволенности личности со стороны общества (в лице государства) определенного поведения, вид и мера которого устанавливается в праве. Общество гарантирует, что оно обеспечит охрану интересов личности, если она не будет выходить за границы дозволенного ей поведения, необходимого для реализации ее интересов, т. е. не будет, в свою очередь, посягать на интересы общества в целом либо отдельных его членов. Жить в обществе — жить для общества. Эта социальная связь личности и общества обеспечивается не только посредством субъективных прав, но и иными правовыми средствами, в том числе «охраняемыми законом интересами».

Другой причиной, обуславливающей наличие «охраняемых законом интересов», являются факторы экономического характера. Общество на определенных этапах развития не может удовлетворить все социальные интересы своих членов из-за отсутствия необходимых ресурсов. В связи с этим степень правовой обеспеченности интересов личности может быть различна. В принципе нет никаких препятствий для того, чтобы многие из интересов, охраняемых в настоящее время законом, обеспечивались бы субъективным правом. В литературе наиболее часто рассматривается пример с обеспечением интересов лица, обратившегося в аптеку с требованием о выдаче ему лекарств. В большинстве случаев интересы лица в приведенном примере не обеспечиваются субъективным правом по экономическим причинам, а не из-за малой значимости или нетипичности интересов большого. Государство в настоящее время еще не в состоянии обеспечить заинтересованных лиц разнообразными лекарствами, которые имелись бы в любой аптеке, выступающей в качестве обязанного лица.

Однако неприемлемость концепции пробельности в праве как фактора, обосновывающего наличие «охраняемых законом интересов», состоит не только в неубедительности приводимых ее сторонниками причинно-следственных связей, но

и по существу аргументов. Защита интересов личности судом или арбитражем на основании применения аналогии означает не что иное, как признание у данного лица наличия субъективного права, которое в конечном счете и подлежит защите. При применении аналогии для «охраняемых законом интересов» как самостоятельных объектов правовой защиты не остается места.

Разграничивая понятия «законный интерес» и «охраняемый законом», К. Э. Торган предлагает рассматривать первую категорию как наиболее широкую, охватывающую разнообразные интересы личности, не противоречащие конкретным правовым нормам или общему смыслу законодательства. «Охраняемые законом интересы» он отождествляет с субъективными правами²². Такое отождествление не только не способствует выявлению сущности «охраняемых законом интересов», но и противоречит закону, который, как уже отмечалось выше, разграничивает эти понятия.

В литературе предпринята попытка рассматривать «охраняемый законом интерес» как «право общего типа, которым обладает не один субъект, а все граждане»²³. Иными словами, это один из элементов общей способности к правообладанию, составляющей содержание правоспособности.

Правоспособность есть признаваемая и гарантируемая государством способность лица быть носителем предусмотренных законом прав и обязанностей. Правоспособность — это юридическое свойство личности, которым она наделяется государством²⁴. Она является юридической основой приобретения в дальнейшем личностью субъективных прав, правовых обязанностей, «охраняемых законом интересов» и не тождественна им. Субъекты гражданского права в пределах установленных законом, могут по собственному усмотрению распоряжаться принадлежащими им субъективными правами и «охраняемыми законом интересами», могут отказаться от

²² Торган К. Э. Имущественные интересы производственного объединения. Рига, 1982, с. 27—28.

²³ Маленн Н. С. Указ. соч., с. 33.

²⁴ Такое понимание правоспособности с некоторыми несущественными отклонениями разделяется в литературе большинством авторов. См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950, с. 5; Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959, с. 9; Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961, с. 232; Мицкевич А. В. Субъекты советского гражданского права. М., 1962, с. 15; Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966, с. 73.

их реализации или передать другим лицам. Правоспособность же как свойство личности не обладает таким качеством. Ее нельзя передать другим лицам, от нее нельзя отказаться. Отличие этих правовых категорий состоит и в том, что круг субъективных прав и «охраняемых законом интересов» у субъектов гражданского права может быть весьма многообразен и не тождествен. Правоспособность же у всех граждан равна. При наличии соответствующих условий каждый субъект советского гражданского права может обладать любыми правами, обязанностями и законными интересами. В то же время «объем» и «набор» конкретных субъективных прав и «охраняемых законом интересов» у субъектов гражданского права различный, они не могут одновременно реально обладать всеми «охраняемыми законом интересами», как и всеми субъективными правами. Несмотря на то, что отдельные элементы правоспособности (конституционные права и др.) могут иметь различную степень экономического, политического и этического обеспечения и гарантированности, это не влияет на правовую природу как самой правоспособности в целом, так и на природу ее отдельных элементов. Они остаются правовыми свойствами личности, предшествующими появлению «охраняемых законом интересов» и субъективных прав, и реализуются через них.

До тех пор, пока конституционные права граждан на труд, охрану здоровья, право на жилище и др. рассматриваются как элементы правоспособности с присущими ей свойствами, а не как «охраняемые законом интересы» (С. Н. Маленн), имеются все основания говорить о полном равенстве конституционных прав граждан. В противном же случае мы должны признать, что конституционные права могут быть у граждан неравны. Неприемлемость подобного вывода очевидна.

Решение вопроса о сущности категории «охраняемый законом интерес», на наш взгляд, возможно посредством сопоставления ее с категорией «субъективное право». «Охраняемый законом интерес», как и субъективное право, имеет своей целью защиту интересов субъектов гражданского права от посягательств со стороны третьих лиц. Поскольку сущность права состоит не в интересе, а в его защите, то эта цель может быть достигнута различными правовыми средствами в зависимости от особенностей интереса и возможностей общества. В одних случаях это может быть субъектив-

ное право как наивысшая форма правовой обеспеченности интереса, в других — «охраняемый законом интерес».

Понятие субъективного права в юридической литературе носит дискуссионный характер. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой субъективное право — это обеспеченные законом вид и мера возможного поведения управомоченного лица²⁵. Субъективное право представляет собой единство трех возможностей: вида (меры) возможного поведения самого обладателя субъективного права; возможности требовать соответствующего поведения (совершения известных действий или, напротив, воздержания от действий) от других лиц; возможности прибегнуть в необходимых случаях к содействию не только общественности, но и государственного аппарата. Субъективное право не сводится к какой-либо одной возможности, оно есть единство трех указанных возможностей, однако центр тяжести в субъективном праве приходится на вторую из них²⁶. Возможность управомоченного требовать определенного поведения от обязанного лица в целях удовлетворения своего интереса есть суть всякого субъективного права. В гражданском правоотношении управомоченному лицу всегда противостоит конкретное обязанное лицо, которое должно оказать ему содействие в реализации охраняемого правом интереса. В этом смысл защиты интереса личности с помощью субъективного права. Но закон действует по-разному в тех случаях, когда он, не запрещая, тем самым дозволяет определенное поведение заинтересованному лицу. В одних случаях закон, дозволяя заинтересованному лицу, устанавливает вид (меру) этой дозволенности, в пределах которой он защищает интересы. В других случаях закон, дозволяя определенное поведение заинтересованному лицу, не обеспечивает его правовой защитой.

²⁵ См.: Александров Н. Г. Указ. соч., с. 225; Братусь С. Н. Указ. соч., с. 9—13; Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. М., 1956, с. 26; Кечекьян С. Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М., 1958, с. 32.

²⁶ В литературе не всеми учеными разделяется подобный взгляд. Н. Г. Александров считает, что специфика субъективного права как юридической категории проявляется особо в третьей возможности, т. е. в возможности прибегнуть к защите своих интересов со стороны государства (см.: Александров Н. Г. Указ. соч., с. 225). По мнению С. Л. Явича, с содержательной стороны центральным элементом субъективного права является юридическая возможность собственных действий (см.: Явич Л. С. Указ. соч., с. 176).

В первом случае, в отличие от субъективного права, закон наделяет заинтересованное лицо не тремя, а только двумя возможностями: мерой (видом) дозволенного поведения самого заинтересованного лица, возможностью прибегнуть к помощи государства при наличии препятствий со стороны третьих лиц при осуществлении интереса. При таком способе правовой охраны интересов заинтересованное лицо лишено возможности требовать определенного поведения от третьих (обязанных) лиц для удовлетворения своих интересов. Отсутствие у заинтересованного лица такой существенно важной возможности объясняется, как отмечалось выше, либо особенностями реализуемого интереса, либо экономическими факторами. Однако это не есть какое-то «усеченное» или «неполное» субъективное право, это самостоятельная правовая форма, посредством которой закон наряду с субъективным правом охраняет социальные интересы субъектов гражданского права — «охраняемый законом интерес». «Охраняемый законом интерес» в таком понимании, как и субъективное право, является правовой формой, предусмотренной законом для обеспечения интересов субъектов права.

Итак, охраняемый законом интерес в гражданском праве — это обеспеченная гражданско-правовым законом мера (вид) дозволенного заинтересованному лицу поведения в целях удовлетворения признаваемых законом имущественных и личных неимущественных интересов. Охраняемые законом интересы реализуются вне конкретного правоотношения, не являются они и элементами всеобщих правоотношений, как полагает Н. С. Маленн. Связь заинтересованного лица с членами общества осуществляется не непосредственно, а через государство, которое, обеспечивая правовую охрану интересов личности, выражает волю общества в целом. Третьи лица не препятствуют заинтересованному лицу осуществлять свои интересы не потому, что они соблюдают обязанности из «всеобщих правоотношений», а, наоборот, в силу нежелания вступать с ним в правовые отношения. Такая обязанность есть не что иное, как элемент правоспособности, бытие которой, по мнению Ю. И. Гревцова, возможно в рамках правовой общественной связи, а не правоотношения²⁷. Возникновение в подобных случаях конкретных правоотно-

²⁷ Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. — Л., 1981, с. 62.

шений означает, что обязанность не посягать на чужие интересы, охраняемые законом, не соблюдена.

К «охраняемым законом интересам», по нашему мнению, следует отнести абсолютные права (право собственности, авторские права), личные права, вытекающие непосредственно из закона (ст. ст. 7, 514 ГК РСФСР). Одной из разновидностей «охраняемых законом интересов» являются «вторичные права». Анализируя «вторичные права», М. М. Агарков отмечал, что они больше, чем правоспособность, так как принадлежат не каждому, а конкретному лицу, и в то же время это нечто меньшее, чем субъективное право, так как ему не противостоит обязанность других лиц²⁸. «Вторичное право» в отличие от иных разновидностей «охраняемого законом интереса» существует как на стадии становления, так и на стадии реализации обязательственных отношений, как элемент сложной системы правовых связей, где заинтересованному лицу на определенном этапе ее развития принадлежит первоначально «охраняемый законом интерес», который в дальнейшем модифицируется в субъективное право. Так, контрагент на стадии заключения хозяйственного договора обладает возможностью вступить в правоотношение, предусмотренное нормой права («охраняемый законом интерес»), последующее осуществление его интереса уже реализуется в рамках конкретного правоотношения (субъективное право).

«Вторичные права» имеют место в сложных обязательственных отношениях не только как этап в диалектике субъективного права, но и как относительно самостоятельный, жизненно необходимый элемент этих связей. Характерным, на наш взгляд, является правило ст. 15 Положения о поставках товаров народного потребления, утвержденного постановлением СМ СССР от 10 февраля 1981 г.²⁹ Согласно этой норме покупатель вправе полностью или частично отказаться от выделенных ему излишних или ненужных товаров. Охрана интересов покупателя в данной ситуации обеспечивается мерой и видом поведения, предусмотренного законом, самому покупателю. Об отказе от указанных товаров он обязан сообщить поставщику и органу, выдавшему плановый акт на поставку товаров, не позднее 10 дней после получения планового акта, только в этом случае его интерес будет

²⁸ Агарков М. М. Указ. соч., с. 70—71.

²⁹ СП СССР, 1981, № 9—10, ст. 62.

охраняться законом. Здесь покупателю не противостоит конкретное обязанное лицо, которое своими действиями должно содействовать ему в осуществлении интереса, а следовательно, и нет субъективного права. Возможность покупателя отказаться от ненужных или излишних товаров — это типичный «охраняемый законом интерес» в виде «вторичного права». Причем «вторичное право» в приведенном примере есть самостоятельная правовая форма защиты хозяйственных интересов покупателя, а не стадия в развитии субъективного права в обязательственных отношениях.

Выводы, сделанные автором в статье, конечно, не бесспорны, но они могут способствовать дальнейшему изучению и анализу правовых форм охраны социальных интересов субъектов гражданского права.

ДОГОВОР НА ПОСТАВКУ И МОНТАЖ ОБОРУДОВАНИЯ

В. М. ЧЕРНОВ

Одним из существенных недостатков процесса материально-технического снабжения капитального строительства является разрозненная поставка оборудования и вызываемое ею нарушение оптимальной последовательности поступления на строящиеся объекты различных видов оборудования, приборов и приспособлений. Даже участие в снабжении союзглавкомплектов и иных комплектующих организаций само по себе не позволяет избавиться от этого недостатка, поскольку эти организации, связанные с поставщиками лишь договорами поставки, не в состоянии обеспечить совмещение сроков отгрузки оборудования с графиками его установки на стройках. Еще меньшими возможностями регулировать ход поступления оборудования обладают стройки, получающие материально-технические средства по прямым договорам с предприятиями-поставщиками. В результате нарушений последовательности поступления различных видов оборудования, несогласованности сроков поступления оборудования с графиками производства строительно-монтажных работ и т. п. на стройках образуются большие запасы неустановленного оборудования, затягиваются сроки пребывания его на складах заказчиков, а также процесс монтажа¹.

Конечно, причин, вызывающих задержку сроков установки оборудования и сдачи возводимых объектов в эксплуатацию, немало. Одной из основных является слабая заинтересованность поставщиков оборудования в достижении конечной цели инвестиционного процесса — вводе объектов в строй и получении на них запланированной продукции. И дело

¹ В среднем срок пребывания оборудования на складах строек-заказчиков составляет 8,4 месяца. И еще столько же оно находится в составе незавершенного строительства. См.: Пути совершенствования финансирования строительства. М., 1972, с. 256.

здесь не в недостаточном уровне сознательности работников машиностроительных организаций или их ответственных руководителей, а в реальных экономических отношениях. Интересы поставщиков непосредственно, ощутимо не связаны с конечными народнохозяйственными результатами. Кроме того, сказывается объективная ограниченность договора поставки — основной юридической формы, опосредствующей процесс материально-технического обеспечения строек.

Поставщик, отгрузивший оборудование в адрес стройки, считается полностью выполнившим свою обязанность. Такое положение, вполне естественное и приемлемое при поставках сырья, топлива, товаров народного потребления и других материальных ценностей, не нуждающихся в дальнейшей обработке, оказывается недостаточным при поставках оборудования, подлежащего установке. В процессе монтажа постоянно возникает потребность в сотрудничестве с изготовителем, в его помощи и участии: часть приспособлений, необходимых для установки оборудования, может быть в процессе доставки, хранения или установки утрачена или повреждена, рождаются новые идеи по установке, креплению оборудования, но требуется внести некоторые изменения в те или иные приспособления и т. д. Но поставщики, ссылаясь на полное выполнение ими своих обязанностей, нередко игнорируют просьбы о помощи. Более того, нередко, отправив своевременно основное оборудование, поставщики не спешат с отгрузкой вспомогательного, вполне резонно не опасаясь санкций за недопоставку (просрочку) из-за небольшой стоимости недопоставленных изделий.

Поэтому не прекращаются поиски таких организационных и правовых форм хозяйственных связей, которые были бы свободны от упомянутых недостатков. Одной из таких форм и является объединение в одном лице поставщика и подрядчика по установке оборудования.

Договоры, заключаемые стройками с поставщиками оборудования по установке, шефмонтажу и пусконаладочным работам, известны давно и распространены довольно широко. Действующее законодательство разрешает заказчику заключать их без согласия генерального подрядчика (ч. II ст. 68 Основ гражданского законодательства Союза ССР и ст. 369 ГК РСФСР). Но в этих случаях заключаются отдельные, самостоятельные договоры поставки, подряда на капитальное строительство, шефмонтаж и т. п. При заключении таких отдельных договоров между заказчиком и его

контрагентом складываются два (или более) круга юридически не связанных между собой обязательств. Так, например, в договоре на монтаж оборудования поставщик действует как обычная монтажная организация, выполняющая определенный комплекс работ. На характере и объеме ее обязанностей никак не отражается то обстоятельство, что эти же субъекты связаны между собой еще и договором поставки², на обязательствах по поставке — наличие договора на монтаж поставляемого оборудования.

Однако требовалось нечто большее — преодолеть разрыв между этими обязательствами, заставлять их «работать» совместно, в едином комплексе.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 г. № 389 было предусмотрено проведение опыта расчетов между стройками-заказчиками и поставщиками сложных видов оборудования (технологические линии, установки и агрегаты) за полностью укомплектованное и смонтированное оборудование (п. 25). Опыт начался в 1971 г. на 7 стройках, а в 1973 г. в нем принимало участие 38 строек различных отраслей промышленности³. Характер хозяйственных связей, объем прав и обязанностей сторон, участвующих в эксперименте, подробно определены в «Основных условиях проведения опыта расчетов между заказчиками и поставщиками по оплате за укомплектованное и смонтированное оборудование», утвержденных Госпланом СССР и Стройбанком СССР 1 сентября 1970 г.⁴

Новым в этой форме хозяйственных связей было следующее: 1) машиностроительным министерствам вменялось в обязанность выделять из числа подведомственных предприятий головные заводы, которые должны были обеспечивать комплектные поставки сложных видов оборудования, для этого им выделялись фонды на соответствующие комплектующие изделия; 2) стройка-заказчик заключает с головным заводом единый договор на комплектную поставку технологической линии, установки или агрегата, а также на их монтаж и опробование, причем поставщику разрешалось для выполнения

² Хотя фактически совпадение в одном лице поставщика и подрядчика не может не способствовать устранению различных неувязок, связанных со снабжением.

³ Мазурин Л. И. Прогрессивные расчеты в строительстве. М., 1975, с. 118.

⁴ Хозяйственная реформа в строительстве. М., 1976 (в дальнейшем — Основные условия).

монтажных (шефмонтажных) работ привлекать по особому договору специализированные организации, оставаясь ответственным перед заказчиками и за этот участок работ; 3) оплата и за поставленное оборудование, и за все виды выполненных работ (оказанных услуг)⁵ производится одновременно только по окончании всех видов работ после составления акта сдачи-приемки полностью укомплектованного, смонтированного и опробованного оборудования (п. 16 Основных условий).

Хотя в ходе длительного и широкомасштабного эксперимента и были выявлены некоторые недостатки организационного характера, в целом эксперимент подтвердил эффективность испытываемой формы хозяйственных связей и получил положительную оценку⁶. О положительном результате проведенного эксперимента можно судить и по тому, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 не только предусмотрело описанную модель отношений, но и расширило сферу его применения: по п. 43 данного постановления расчеты за поставленное и смонтированное оборудование допускаются не только при поставках технологических линий, установок и агрегатов, но и при любых комплектных поставках технологического оборудования.

Как видно из изложенного выше, в содержании единого договора на поставку и монтаж оборудования отчетливо различаются несколько групп обязательств: 1) по поставке всего комплекта оборудования в соответствии с проектно-сметной документацией; 2) по монтажу оборудования (а в требуемых случаях и по шефмонтажу); 3) по участию в пусконаладочных работах и комплексном опробовании установленного оборудования. Каждая из этих групп опосредствуется соответствующим блоком правовых норм, что специально оговаривается в ряде актов, регулирующих данную группу отношений. Так, в п. 1 Основных условий ука-

⁵ Представляется, что договор шефмонтажа оборудования должен быть отнесен к договорам об оказании услуг, поскольку его предметом является выполнение технического контроля изготовителя за соблюдением заводских инструкций и технических условий при установке оборудования, что обеспечивает нормальную работу оборудования. Действия работников шефмонтажной группы не создают каких-либо материальных результатов, что характерно для договоров подрядного типа.

⁶ См.: Мазурин Л. И. Указ. соч., с. 122; Экономика строительства, 1976, № 11, с. 25.

зано, что «порядок и условия производства работ, поставок оборудования, услуги сторон, расчета и выполнение других обязательств осуществляются в соответствии с Правилами о договорах подряда, Положением о поставках продукции производственно-технического назначения, другими нормативными документами и настоящими Основными условиями». Пункты 3.1 и 5.3 Положения о комплектных поставках технологического оборудования, технологических линий, установок, средств механизации и автоматизации, управления и контроля, утвержденного Госснабом СССР, Госпланом СССР и Госкомцен СССР 27 декабря 1979 г.⁷, в развитие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 содержат указания о том, что отношения по комплектным поставкам регулируются Положением о поставках продукции с учетом особенностей, установленных названным актом (п. 3.1), а права и обязанности организаций, осуществляющих шефмонтаж поставляемого комплекта оборудования, определяются соглашением между министерствами (ведомствами) — заказчиками и министерствами СССР — поставщиками или договором на шефмонтаж оборудования (п. 5.3).

Налицо все основания отнести данный договор к категории смешанных договоров, объединяющих элементы уже известных гражданскому праву типичных обязательств⁸. Именно в силу этого обстоятельства для регулирования отношений, составляющих предмет смешанного договора, не требуется принятия новых норм. Однако нельзя не заметить и того обстоятельства, что включение различных обязательств в тесные рамки единого договора, объединение их единой целью приводит к взаимодействию и взаимовлиянию разнородных обязательств, в результате чего некоторые обязанности, имеющие самостоятельное значение в договорах поставки или подряда на капитальное строительство, перестают играть какую-либо роль и быть юридически значимыми, заслоняются иными обязанностями, непосредственно связанными с достижением конечной цели договора. Это относится, например, к соблюдению частных сроков отгрузки оборудования (месячных, квартальных и т. п.), к требованиям о комплектности каждого отгруженного станка или иного механизма и некоторым другим обязанностям (передаче до-

⁷ Бюллетень нормативных актов, 1980, № 9, с. 9.

⁸ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах. М., 1950, с. 102.

кументации для монтажа и т. п.). Это вполне объяснимо, так как генеральный поставщик, по существу, производит отгрузку продукции в свой собственный адрес. Соблюдение частных сроков отгрузки не затрагивает интересов заказчика. Ему незачем контролировать ход поставки, комплектность каждой отгрузки и соблюдение иных обязанностей поставщика, поскольку они превратились из обязанности перед покупателем во внутренние отношения поставщика, и он сам решает, когда ему выгодно произвести отгрузку, где он будет производить комплектование тех или иных узлов оборудования, проверку и устранение дефектов. Даже наличие в поставленных агрегатах каких-либо дефектов производственного характера (наиболее тяжкое нарушение обязательств в договорах поставки) здесь само по себе не представляет никакого нарушения и не дает заказчику основания для предъявления требований об уплате санкций. Главная обязанность генерального поставщика — установить весь комплект оборудования в установленный срок и в состоянии, пригодном для его эксплуатации — закрывает промежуточные, частные обязанности, лишает их юридической значимости.

Происходит объединение и обязанностей заказчика: он производит расчеты лишь при наличии конечного результата — завершении всего комплекса работ по поставке, установке и опробованию оборудования, подтвержденного актом приемки рабочей или государственной приемочной комиссией. Выполнение промежуточных комплексов работ, завершение поставок всего комплекта оборудования не дает права генеральному поставщику требовать, а у заказчика не порождает обязанности производить оплату. Для покрытия расходов генеральному поставщику предоставляется специальный кредит из расчета 2% годовых, расходы по которому вместе со всеми остальными затратами по сметной стоимости возмещаются заказчиком. При нарушении срока сдачи укомплектованного и установленного оборудования кредитование генерального поставщика продолжается, однако процент по ссуде увеличивается в 2,5 раза⁹.

При досрочном выполнении работ процент снижается, что является дополнительным экономическим стимулом сокращения сроков комплектования и установки оборудования, поскольку заказчик возмещает генеральному поставщику рас-

⁹ См.: Постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1980 г. № 323 «О процентных ставках за пользование кредитом». — СП СССР, 1980, № 13, ст. 89.

ходы за пользование кредитом в ранее обусловленном размере.

Расчеты заказчик производит в точном соответствии со сметой, являющейся окончательным документом. Образовавшаяся у генерального поставщика экономия, т. е. разница между сметной стоимостью и более низкими фактическими затратами, остается у генерального поставщика. При привлечении им к выполнению работ специализированных организаций часть прибыли выделяется этим организациям.

Тесной взаимосвязью обязательства, возникающие из договора на поставку и монтаж оборудования, обязаны большей частью именно форме расчетов. Этим и объясняется то внимание, которое уделено ей в нормативных актах. Но полного вытеснения обязательств по поставке не происходит, напротив, некоторые из них как бы расширяют свое действие, распространяясь на все содержание договора. Как представляется, при просрочке заключения договора последствия должны определяться в соответствии с п. 92 Положения о поставках продукции. Но фактически эта санкция обеспечивает своевременное установление всего комплекса обязательств, а не только по поставке оборудования, тем более что законодательство о договорах подряда на капитальное строительство не предусматривает особой ответственности за просрочку заключения договора.

Взаимопроникновение обязательств по поставкам и капитальному строительству особенно наглядно проявляется в вопросах ответственности сторон. За нарушение конкретных обязанностей, предусмотренных договором, стороны выплачивают неустойку, предусмотренную соответствующим нормативным актом (Положением о поставках продукции, Правилами о договорах подряда на капитальное строительство и др.). Здесь все ясно. Но в вопросе о взыскании убытков такой ясности уже нет. Как известно, законодательство о поставках проводит принцип полного возмещения убытков, в то время как в капитальном строительстве возмещение производится лишь в пределах положительного ущерба (п. 38 Правил о договорах подряда на капитальное строительство и п. 68 Положения о взаимоотношениях организаций — генеральных подрядчиков с субподрядными организациями¹⁰). Точно определить, какое именно нарушение (поставочное или подрядное) послужило причиной возникнове-

¹⁰ Бюллетень нормативных актов, 1976, № 1, с. 11.

ния убытков, возможно далеко не во всех случаях (например, задержка срока монтажа, вызванная некомплектной поставкой оборудования). Видимо, с целью разрешения этого конфликта в Основные условия включено следующее правило: «Независимо от уплаты неустойки, пени и штрафа, сторона, нарушившая договор, возмещает другой стороне убытки в части, не покрытой неустойкой, пени, штрафом».

Конечно здесь налицо явное противоречие: неустойку предлагается взыскивать в случаях, предусмотренных законодательством, регулирующим определенный вид обязательств, а убытки — по особым правилам. Но важнее другое. По существу, Особые условия пошли по пути создания особой нормы, определяющей порядок возмещения убытков: убытки должны возмещаться в полном объеме (ибо таково общее правило, а исключения каждый раз должны быть оговорены в законе), а неустойка во всех случаях носит зачетный характер.

Все это свидетельствует о том, что в данный момент происходит процесс формирования единого нового хозяйственного обязательства, возникающего из своеобразного сочетания обязательств поставочного характера с обязательствами подряда на капитальное строительство. В настоящее время при наличии существующего законодательства он не может считаться завершенным. Но если эта форма хозяйственных связей получит более или менее широкое применение и в дальнейшем, потребуются устранить противоречия Основных условий, т. е. создать специальные нормы, регулирующие данные отношения, что будет означать возникновение нового вида договора.

Наиболее приемлемой сферой применения данного вида договорных связей представляются отношения по реконструкции действующих предприятий и при строительстве «под ключ». В первом случае объем строительно-монтажных работ невелик, основные затраты — это приобретение и установка оборудования, поэтому целесообразно, чтобы выполнение всего объема работ, связанных с комплектованием и установкой оборудования, было сосредоточено в одних руках. При строительстве «под ключ» на генерального подрядчика ложатся все обязанности, по приемке поступающего оборудования, хранению, комплектованию, сдаче его в мон-

таж специализированной организации и т. п.¹¹ Естественно, участие генерального поставщика значительно облегчает положение генерального подрядчика, поскольку все эти работы становятся обязанностью последнего. Привлечение генерального поставщика к работам по установке и опробованию оборудования в этих случаях весьма желательно для расширения масштабов этой прогрессивной формы капитального строительства.

¹¹ См.: п. 5 Положения о строительстве предприятий (сооружений) «под ключ». — В кн.: Законодательство о капитальном строительстве. М., 1981, вып. 7, ч. 1, с. 316.

ОТГРУЗОЧНАЯ РАЗНАРЯДКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Л. В. ТЕН

Предусмотренные в п. 7 Положения о поставках продукции и Особых условиях поставки различные формы доведения до исполнителей планов распределения, в том числе нарядов, имеют строго очерченную сферу применения. Между тем выдача документов, именуемых нарядами, широко практикуется снабженческо-сбытовыми органами и в хозяйственно-договорных отношениях, участниками которых они сами являются, выполняя роль посредников. В связи с этим нередко наблюдается путаница: изготовитель находится в обязательственных отношениях поставки одной и той же продукции одновременно со снабженческо-сбытовым органом, с которым он заключил договор, и с получателем в результате принятия наряда к исполнителю.

Так, Госарбитраж при Томском облисполкоме рассмотрел дело по иску харьковского завода «Стройдеталь» к Томскому лесоперевалочному комбинату о взыскании неустойки за недопоставку пиломатериалов в IV квартале 1976 г. По делу было установлено, что ответчик заключил договор на весь объем подлежащей поставке продукции с Западно-Сибирским лесснабсбытом. Последнее в выданной разнарядке от 2 сентября 1976 г., названной «нарядом», сделало отметку о возможности заключения договора путем принятия наряда к исполнению. Арбитраж в иске отказал, указав, что «на одну и ту же продукцию двух договоров одним поставщиком заключаться не может, а отгрузочная разнарядка не является основанием для заключения договора»¹.

Это решение отражает общее направление арбитражной практики страны². На местах однако не достигнуто полного

¹ Дело № 357/2 за 1977 г. Аналогичные решения вынесены Госарбитражем по делам № 459/2 и 525/2 за 1977 г.

² См., например, дело № 7/283 Госарбитража СССР за 1977 г., дело № 593/8 Госарбитража РСФСР за 1972 г.

единообразия при рассмотрении подобных дел. Некоторые арбитражи оспаривали правильность описанной практики. Так, по мнению Госарбитража при Волгоградском облисполкоме, покупатель, получив наряд с указанием о возможности установления обязательства путем принятия наряда к исполнению, вправе полагать, что он состоит в договорных отношениях с грузоотправителем при соответствии наряда требованиям п. 29 Положения о поставках продукции. Отказ в признании договорного характера взаимоотношений между грузоотправителем и получателем ведет только к необоснованному амнистированию виновных в недопоставке поставщиков³.

Госарбитраж при Тюменском облисполкоме вынес решение по ряду преддоговорных споров о понуждении грузоотправителей и получателей заключить прямые непосредственные договоры, ссылаясь на содержащиеся в нарядах соответствующие предписания по структуре договорных связей. При этом он не принял во внимание заявления поставщиков о наличии договорных отношений с лесснабсбытом⁴. Такие решения, разумеется, являются ошибочными, ибо даваемые лесснабсбытами во исполнение заключенных ими с поставщиками договоров документы, именуемые нарядами, на самом деле являются отгрузочными разнарядками.

Снабженческо-сбытовые органы повсеместно и широко практиковали выдачу отгрузочных разнарядок с указанием в них упрощенного способа оформления обязательств с потребителями. Потребители, стремясь к упрощению взаимоотношений с поставщиками — лесснабсбытами, нередко принимают такие разнарядки к исполнению. В выработке отношения к вопросу о юридической силе принятия покупателем и отгрузочных разнарядок к исполнению арбитражная практика испытывала серьезные колебания. В связи с этим Госарбитраж при Совете Министров СССР в ряде своих писем разъяснял, что отгрузочные разнарядки снабженческо-сбы-

³ Письмо Госарбитража при Волгоградском облисполкоме от 21 июня 1971 г. № 512/1, адресованное Госснабу СССР, Министерству лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР и Комитету народного контроля СССР. Изложенная позиция нашла отражение в решении по делу № 113/1 за 1971 г., которым был удовлетворен иск УМТС комбината «Первомайскуголь» к Волгоградской лесоперевалочной базе за недопоставку лесопродукции.

⁴ Дела № 1173/1, 1174/1, 1177/1, 1178/1, 1179/1 за 1973 г. Из материалов отдела обобщения арбитражной практики и инструктирования Госарбитража при Совете Министров РСФСР.

товых организаций не могут заменять наряды, предусмотренные в п. 6 Положения о поставках продукции 1969 г. (п. 7 действующего Положения), и потому не могут порождать при их принятии к исполнению обязательства по поставке между органом, выдавшим разнарядку, и получателем⁵. Эта позиция нашла подтверждение и в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 16 августа 1973 г. № И-1-30 (п. 13)⁶, в Инструкции о порядке установления договорных отношений по поставке продукции и товаров путем принятия поставщиками и покупателями нарядов к исполнению (п. 11) и получила поддержку в литературе⁷. Однако она не является полностью бесспорной.

Несмотря на отрицательное отношение органов арбитража и связанные с ним невыгодные имущественные последствия в организации договорных связей по поставкам, на практике обязательства устанавливаются путем принятия получателями отгрузочных разнарядок к исполнению. В литературе имелась тенденция объяснять это несовершенством форм плановых актов, трудностью отграничения нарядов и отгрузочных разнарядок⁸. Отмеченный недостаток устранен проведенной Госнабмом СССР унификацией форм плановых актов, достаточно четко определившей сферу применения нарядов и отгрузочных разнарядок. Однако практика принятия разнарядок к исполнению сохранилась.

Это объясняется тем, что леснабсбыты не имеют возможности заключать договоры с многочисленными покупателями, не переведенными на прямые связи, и потому вынуждены вместо направления проекта договора ограничиваться выдачей отгрузочной разнарядки с указанием, что последняя за-

⁵ См. письма от 5 января 1968 г. № 4-7-19; от 6 февраля 1969 г. № 4-7-80/80; от 25 апреля 1969 г. № 4-7-3/65; от 24 июня 1969 г. № ОУ-1/61; от 27 июня 1970 г. № ОУ-1/31; от 10 апреля 1972 г. № ОИ-32/18; от 19 июня 1973 г. № ОИ-32/24; от 3 августа 1973 г. № ОИ-32-27.

⁶ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1983, № 2, с. 17.

⁷ См.: Шипуржицкий Е. М. Поставка лесопродукции. Правовые вопросы. Петрозаводск, 1971, с. 32. Социалистические хозяйственные договоры (на материалах Узбекистана). Ташкент, 1973, с. 32.

⁸ См.: Ворзова К. А. Заключение договоров и разрешение преддоговорных споров по поставке в условиях хозяйственной реформы. — Вопросы советского государства и права. Тез. докл. науч. конф. юрид. ф-та. Минск, 1968, с. 113; Ровинский М. М. Ответственность поставщика за недопоставку лесопродукции. — Сов. юстиция, 1967, № 24, с. 22.

меняет договор. Такая практика нередко находила поддержку в органах арбитража, которые признавали обязательственные отношения возникшими в результате принятия покупателями отгрузочных разнарядок при условии их соответствия требованиям п. 24 Положения о поставках продукции⁹.

До издания инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 16 августа 1973 г. № И-1/30 интересную позицию занял Госарбитраж при Совете Министров РСФСР. В письме его отдела обобщения практики и инструктирования от 9 декабря 1970 г. № И-26 говорилось: «... никакими нормативными актами действительно не предусмотрено установление договорных отношений между покупателями и нарядодателем путем принятия нарядов к исполнению. Практически, однако, организации лесснабсбыта лишены возможности со всеми мелкими потребителями заключать договоры поставки... Поэтому, когда лесснабсбыт в выданном им наряде (при условии соответствия его требованиям п. 24 Положения о поставках продукции) указал себя в качестве поставщика лесопродукции, следует считать, что в этом случае между получателем и поставщиком установлены договорные отношения»¹⁰. В разъяснении по одному из арбитражных дел договорно-правовой отдел Госнаба СССР также допускал установление обязательства между получателем и лесснабсбытом на основании разнарядки последнего¹¹.

Противники установления обязательства путем принятия отгрузочных разнарядок к исполнению отмечают принципиальное различие правовой природы наряда, являющегося плановым административным актом и направленного прежде всего на организацию договорных связей, и отгрузочной разнарядки, используемой в качестве средства реализации договора¹². В принципе приведенное положение не вызывает

⁹ См. дело № 512/1 за 1971 г. Госарбитража при Волгоградском облисполкоме. В письме Харьковского машиностроительного завода «Красный Октябрь» от 10 июля 1973 г. № 10-0 Госарбитражу при Совете Министров СССР сообщалось об аналогичной практике Госарбитражей при Калужском облисполкоме и Совете Министров Мордовской АССР.

¹⁰ Изложенная позиция была подтверждена отделом обобщения практики и инструктирования Госарбитража при Совете Министров РСФСР в письмах от 13 июля 1971 г. № И-25/15 и от 4 августа 1971 г. № И-25/10.

¹¹ Письмо договорно-правового отдела Госнаба СССР от 29 июля 1971 г. № 30-381.

¹² Социалистические хозяйственные договоры (на материалах Узбекистана), с. 31—32. Административно-правовой характер наряда и граж-

возражений. Но оно не учитывает двоякую роль отгрузочной разнарядки. Последняя выдается снабженческо-сбытовым органом на основании и во исполнение договора, заключенного с грузоотправителем, но адресуется не только поставщику, но и получателю¹³. Поэтому в его взаимоотношениях с получателем отгрузочная разнарядка не может рассматриваться в качестве средства реализации договора, который к моменту ее выдачи оказывается незаключенным. В аспекте взаимоотношений снабженческо-сбытового органа с грузополучателем необходимо отметить следующие наиболее характерные черты отгрузочной разнарядки: а) она выдается субъектом обязательства заключить договор, будущим поставщиком, адресована другой стороне, будущему покупателю; б) по своему содержанию она отвечает всем требованиям, предъявляемым к договору¹⁴; в) запись лесснабсбыта в разнарядке о возможности установления обязательства путем ее принятия к исполнению нельзя оценить иначе как предложение вступить в договор.

Таким образом, отгрузочная разнарядка, адресованная получателю, полностью совпадает с офертой¹⁵. Но так как разнарядка не может быть отнесена к числу плановых актов, на основе которых законом допускается установление обязательств упрощенным способом, то следует признать, что она может быть акцептована только в обычном порядке заключения договоров. Это должно быть разъяснено и в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР. Нет никаких препятствий для нормативного закрепления правила, допускающего при определенных условиях порядок оформления договорных отношений, возникающих на основе

данско-правовая природа отгрузочной разнарядки подчеркивались в литературе. (См.: Тарновская Е. А. Правовые вопросы производственного снабжения в период строительства коммунизма.— Правоведение, 1962, № 4, с. 60; Вердников В. Г., Кабалкин Л. Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970, с. 130—131; Клейн Н. И., Петров И. Н. Комментарий к положениям о поставках продукции и товаров. М., 1978, с. 381.).

¹³ Особые условия поставки лесопроductии, п. 13.

¹⁴ Положение о поставках продукции, п. 25.

¹⁵ Вслед за И. Б. Новицким и другими авторами мы считаем, что в оферте должны содержаться три элемента: а) ясно выраженное желание стороны вступить в договор и считать себя связанным им в случае акцепта; б) сообщение всех существенных условий договора; в) адресованность предложения определенному лицу. См.: Новицкий И. Б. Обязательства из договоров. М., 1924, с. 20; Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950, с. 149—153.

отгрузочной разрядки. Условия, порядок и сроки установления обязательства таким способом могут быть идентичны предусмотренным в п. 26 Положения о поставках продукции. В проекте Особых условий поставки лесопродукции, разосланной Союзглавлесом министерствам и ведомствам СССР, главным и территориальным управлениям материально-технического снабжения при письме от 29 октября 1969 г. № 92-4882, предлагалось включить норму, предусмотренную договором между лесснабсбытовой организацией и предприятием-покупателем путем принятия к исполнению разрядок. Но она не была принята, по-видимому, ввиду того, что предлагавшееся правило рассматривалось в проекте как дальнейшее развитие существующего порядка оформления обязательств путем принятия наряда к исполнению, с чем обоснованно не согласились.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОПТОВЫХ МАГАЗИНОВ

Т. С. ЭТИНА

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость серьезного улучшения хозяйственного механизма. На июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса М. С. Горбачев, раскрывая задачи в области дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, отметил, что «отставание транспорта, связи, материально-технического снабжения и других отраслей приводит к большим потерям. Нужно изыскать дополнительные возможности, чтобы решить эту острую народнохозяйственную проблему»¹. Необходимость дальнейшего совершенствования общегосударственной системы снабжения обуславливает развитие и внедрение прогрессивных форм снабжения потребителей материальными ресурсами. Одной из таких форм является оптовая торговля, осуществляемая через базы, склады и оптовые магазины территориальных органов снабжения.

В настоящее время в системе Госнаба СССР действует более 700 специализированных (универсальных) оптовых (мелкооптовых) магазинов². Именно в деятельности оптовых магазинов наиболее полно раскрываются преимущества оптовой торговли продукцией производственно-технического назначения, поскольку магазины играют значительную роль в улучшении материально-технического снабжения предприятий и организаций, потребляющих в небольшом количестве, но в широком ассортименте материальные средства.

Анализ состояния и развития оптовой торговли через оптовые магазины Кузбасского Главного территориального управления за последние 15 лет свидетельствует о целесооб-

¹ См.: Правда, 1985, 12 июня.

² См.: Каганский М. За фасадом оптового магазина.— Материально-техническое снабжение, 1979, № 5, с. 61.

разности этой формы снабжения как в настоящее время, так и на ближайшую перспективу. К примеру, крупнейший в Советском Союзе универсальный магазин «Ореол» объединения «Кузбасснабсбыт» имеет товароборот 10 млн. в год; номенклатура реализуемых товаров и продукции составляет более 1,5 тыс. наименований; магазин обслуживает более 500 потребителей — практически ими являются все предприятия, организации и учреждения, расположенные в районе деятельности магазина. Показатели эффективности работы оптовых магазинов в целом по Госнабу СССР доказывают это еще убедительнее. За 20 лет существования этих коммерческих предприятий их товароборот вырос примерно в 50 раз и продолжает расти³. Таким образом, магазины как активные участники материально-технического обеспечения потребителей доказали свою жизнеспособность. В то же время практика деятельности оптовых магазинов свидетельствует о наличии негативных явлений, отрицательно влияющих на развитие оптовой торговли. Основной недостаток — отсутствие четкой правовой регламентации деятельности оптовых магазинов, что создает неопределенность в содержании их компетенции, затрудняет решение практических вопросов, порождает серьезные разногласия и значительные трудности в решении споров. Так, в настоящий период правовое положение оптовых магазинов определяется двумя нормативными актами: Типовым положением о предприятии (магазине) оптовой торговли Госнаба СССР, утвержденным Госнабом СССР 4 октября 1975 г.⁴; разработанными ГУМТС на основе Типового положения Положениями о специализированном (универсальном) оптовом (мелкооптовом) магазине. Например, все управления и объединения Кузбасского ГУМТС, имеющие оптовые магазины, разработали и утвердили положения о своих оптовых магазинах.

Одним из существенных недостатков Типового положения является отсутствие четкого определения правового статуса оптовых магазинов. Представляется, что в соответствии с Типовым положением оптовые магазины могут быть двух ви-

³ См.: Там же, с. 61.

⁴ См.: Типовые положения о специализированных (универсальных) управлениях, предприятиях (базах) по снабжению и сбыту продукции и предприятиях (магазинах) оптовой торговли Госнаба СССР и типовые должностные инструкции работников специализированных (универсальных) управлений, предприятий (баз) по снабжению и сбыту продукции и предприятий (магазинов) оптовой торговли Госнаба СССР. М., 1976.

дов. Во-первых, оптовые магазины, являющиеся юридическими лицами, поскольку на оптовые магазины распространено действие Положения о социалистическом государственном производственном предприятии с учетом особенностей его применения к снабженческо-сбытовым организациям, установленных приказом Госнаба СССР от 22 августа 1969 г. № 777. Такой вывод следует из п. 2 Типового положения, а также может быть сделан исходя из учета функций и задач магазина и объема прав, предоставленных директору магазина. Так, в соответствии с Типовым положением магазин для выполнения возложенных на него задач осуществляет целый ряд юридических действий: заключает договоры с промышленными предприятиями и организациями на поставку продукции, на комиссионную продажу промышленной продукции, на децентрализованную закупку и промышленную переработку и иные хозяйственные договоры и соглашения, связанные с деятельностью магазина. Директор магазина имеет право представлять в арбитражных органах и других организациях при рассмотрении споров по хозяйственным договорам, предъявлять к поставщикам претензии и иски за нарушение договоров, а также отказываться от получения недоброкачественной продукции, распоряжаться закрепленным имуществом и средствами и др. При этом в соответствии с Типовым положением эти юридические действия магазин совершает от своего имени. Во-вторых, оптовые магазины, состоящие на внутреннем хозрасчете, не пользующиеся правами юридического лица и действующие от имени соответствующего управления.

В то же время по Типовому положению оба вида оптовых магазинов выполняют одни и те же функции, директора магазинов наделены равными правами. И только в одном случае, когда речь идет о праве директора магазина утверждать структуру и штатное расписание оптового магазина, делается оговорка: только для магазинов, пользующихся правами государственного социалистического предприятия. Несовершенство Типового положения сказалось на практике при разработке локальных нормативных актов, регулирующих правовое положение оптовых магазинов — положений о конкретных магазинах. К примеру, Положение о магазине оптовой торговли объединения «Кузбасснабсбыт» от 20 июля 1979 г. полностью воспроизводит Типовое положение без учета специфики деятельности объединения. По Положению оптовые магазины этого объединения наделяются целым

комплексом прав, присущих оптовым магазинам первого вида, в то время как в действительности они не наделены статусом юридических лиц и, следовательно, не могут обладать многими из этих прав. С другой стороны, их действительное правовое положение вообще не нашло отражения в указанных актах. В объединении «Кузбасснабсбыт» три универсальных оптовых магазина. Все они обладают значительной экономической самостоятельностью, за ними закрепляются основные и оборотные средства, трудовые и материальные ресурсы, которые дают им возможность в пределах установленной компетенции осуществлять производственно-хозяйственную деятельность. А территориально-отдаленные магазины объединения (магазины «Эврика» в Новокузнецке, «Сервис» в Прокопьевске) наделены еще более широкими правами. Так, иногородние магазины находятся на отдельном балансе, имеют в отделениях Госбанка по месту нахождения расчетный субсчет; самостоятельно распоряжаются частью фонда материального поощрения, заключают от имени объединения хозяйственные договоры, ответственность по которым несет объединение; директор магазина наделен правом назначать и увольнять работников, при рассмотрении трудовых споров ответчиком выступает также магазин.

Анализ объема и характера прав, закрепленных за оптовыми магазинами объединения «Кузбасснабсбыт», позволяет сделать вывод о том, что они по существу являются производственными единицами, не пользующимися правами юридического лица, но имеющими значительную хозяйственную самостоятельность в решении вопросов своей деятельности. Сходство с производственными единицами усиливается в связи с тем, что в настоящее время в системе Кузбасского ГУМТС образованы объединения по поставкам продукции, сходные по структуре с производственными объединениями в промышленности.

Более неопределенным является правовое положение иногороднего магазина «Химик» управления «Кузбассхимнабсбыт». Согласно п. 4 Положения, утвержденного управлением 10 декабря 1980 г., магазин является юридическим лицом. Для решения возложенных на него задач магазин вправе осуществлять ряд юридических действий, аналогичных тем, которые закреплены за оптовыми магазинами, наделенными правами юридических лиц по Типовому положению от 4 октября 1975 г. В то же время целый ряд обстоятельств не соответствует общему статусу юридического лица, за-

крепленному в гражданском законодательстве. Это относится, во-первых, к характеру реальных прав и обязанностей, которыми наделен магазин. Изучение практики деятельности магазина «Химик» показало, что его компетенция мало отличается от компетенции оптовых магазинов объединения «Кузбасснабсбыт». Более того, директор магазина «Химик» не наделен правом назначать и увольнять работников магазина. Магазин не может также распоряжаться самостоятельно фондом материального поощрения. Во-вторых, магазин находится не на полном хозрасчете. Далее, в п. 5 указывается, что структура, штатное расписание, основные технико-экономические показатели для магазина определяются руководством управления «Кузбассхимснабсбыт», наконец, в п. 11 закреплено, что магазин имеет расчетный субсчет в Киселевском отделении Госбанка.

Налицо явное противоречие: объявление магазина юридическим лицом не согласуется с экономическим положением этой организации — отсутствием самостоятельного баланса расчетного счета. При таком положении вещей магазин вряд ли может осуществлять права и выполнять обязанности юридического лица в различных обязательствах. Фактически он находится на положении производственной единицы. Необходимость в совершенствовании законодательства, регулирующего деятельность оптовых магазинов, очевидна. Не менее важным является вопрос о дальнейшем расширении хозяйственной самостоятельности оптовых магазинов. В настоящее время в системе Кузбасского ГУМТС действуют 10 оптовых магазинов. При этом ни один из них, исходя из объема и характера реальных прав и обязанностей, не пользуется правами юридического лица. Все они находятся на внутреннем хозрасчете (в том числе и те, которые выделены на отдельный баланс) и осуществляют хозяйственную деятельность в качестве производственных единиц. Такое положение характерно для всех ГУМТС Российской Федерации.

Не обладая правами юридического лица, оптовые магазины заключают хозяйственные договоры от имени управления (объединения), ответственность по ним возлагается непосредственно на управление (объединение). Магазин лишь готовит претензионные материалы и направляет их в установленный срок в правовой отдел управления (объединения). Устранение оптовых магазинов из числа субъектов договорных отношений не способствует укреплению дисциплины при поставках. Не принимая на себя договорных обязательств, оптовые ма-

газины не несут ответственности за результаты своей деятельности и материально не заинтересованы в осуществлении поставок. Оптовые магазины должны вступать в прямые связи с поставщиками и покупателями. Однако переход на прямые связи должен, по нашему мнению, осуществляться поэтапно. В литературе неоднократно предлагалось ввести систему долевых договоров в оптовую торговлю⁵. Это предложение следует поддержать. Причем, на первом этапе целесообразно полностью хозрасчетные магазины привлекать в качестве дольщиков соответствующих управлений и объединений снабжения. По мере овладения коммерческим опытом и искусством планирования предложения и спроса они должны выступать самостоятельными участниками договорных отношений.

Конечно, для перевода оптовых магазинов на самостоятельный баланс необходимы как внутренние, так и внешние условия. Они связаны с контингентом потребителей, позволяющим планировать и выполнять достаточно большой объем реализации, с материально-технической базой, надежными источниками поступления товарных ресурсов, кадрами работников, обладающих соответствующей подготовкой. Кроме того, надо, чтобы установленные для магазинов наценки покрывали запланированный уровень издержек обращения и обеспечивали получение прибыли, необходимой для развития магазина и материального стимулирования его работников. С учетом условий вполне возможно часть оптовых магазинов, действующих в системе Кузбасского ГУМТС, в первую очередь, имеющих большой объем товарооборота, выделить на самостоятельный баланс. Магазины с небольшим объемом товарооборота целесообразно оставить на балансе управлений (объединений). Например, универсальные магазины «Ореол» и «Эврика» объединения «Кузбасснабсбыт» имеют стабильный товароборот 9—10 млн. р. в год. Магазины имеют обширную номенклатуру реализованных товаров, обслуживают практически всех потребителей, расположенных в районе их деятельности. Говоря о качественных показателях работы магазинов, необходимо отметить, что все они рентабельны. В сметах расходов каждого

⁵ См.: Езерская С. И., Раевич И. С., Яхнина Н. А. Правовое регулирование оптовой торговли.— В кн.: Проблемы совершенствования материально-технического снабжения. М., 1972, с. 272—273; Смирнов В. Т., Яковлева В. Ф. Правовые проблемы перевозки и материально-технического снабжения. Л., 1978, с. 52.

магазина выделены показатели: издержки обращения, доходы и прибыль от реализации продукции. В штатах магазинов имеются бухгалтеры, товароведы, экономисты, которые ведут учет и планирование товаров, изучают спрос потребителей.

Требуют уточнения функции магазинов в области планирования материально-технического снабжения, объем их прав при распределении материальных ресурсов и т. п.⁶. Поэтому наряду с предоставлением (там, где это обосновано экономически) им прав юридического лица должны решаться и эти вопросы. Ясность и четкость в правовом положении оптовых магазинов является необходимым условием укрепления и развития такой прогрессивной формы материально-технического снабжения, как оптовая торговля продукцией.

⁶ Каганский М. Указ. соч., с. 64.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ПРИЕМКИ ПРОДУКЦИИ ПО КОЛИЧЕСТВУ

В. И. МИСНИК

В комплексе правовых мер, обеспечивающих сохранность социалистической собственности, важное место принадлежит законодательной регламентации отгрузки и приемки продукции и товаров грузоотправителями и грузополучателями.

Как подтверждает многолетняя практика, правила, определяющие порядок приемки продукции и товаров по количеству, несовершенны, а некоторые нормативные акты между собой не согласованы. Это порождает дополнительные трудности в деятельности хозяйственных организаций, тормозящие развитие между ними отношений, основанных на взаимном доверии, ослабляющие борьбу с хищениями и вызывающие немало споров в судах и арбитражах.

Так, Пермский маргариновый завод поставил Барнаульскому холодильнику маргариновую продукцию (монолитом) в стандартной упаковке весом 20 кг каждая. Покупатель при приемке маргарина установил внутритарную недостачу в местах за ненарушенной упаковкой, о чем поставщик был своевременно извещен телеграммой, но на вызов не явился, поэтому приемка была произведена покупателем с участием представителя общественности¹. Предъявленную претензию на недостачу Пермский маргариновый завод не удовлетворил, ссылаясь на нарушение покупателем правил приемки продукции, предусмотренных Инструктивным письмом Госарбитража СССР от 31.12.82 № И-1-6, где указано, что покупатель вправе проверить соответствие фактического веса указанному в стандартах только с участием представителя поставщика или эксперта Бюро товарных экспертиз (инспектора госинспекции по качеству, представителя органа Госстандарта). Иски покупателей к отправителям о взыскании

¹ Дело № 120/2 Пермского госарбитража за 1982 г.

стоимости недостачи товаров, упакованных стандартным весом, в обосновании которой представлены акты с участием представителя общественности, удовлетворению не подлежат². Госарбитраж Пермской области, признав доводы поставщика убедительными, в иске Барнаульскому холодильнику отказал. Госарбитраж РСФСР оставил решение Пермского госарбитража без изменений.

Выполняя инструктивные указания, госарбитраж Пермской области, казалось бы, вынес правильное решение. Но обратимся к Особым условиям поставки маргариновой продукции и майонеза³. Пункт 10 Особых условий устанавливает, что при обнаружении в полученной от иногороднего изготовителя (отправителя) партии товара недостачи получатель обязан вызвать для участия в приемке представителя поставщика, при неявке последнего приемку товара произвести в соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции по количеству⁴, т. е. с участием представителя общественности или представителя незаинтересованной организации.

Таким образом, Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 31.12.82 № И-1-6 не согласуется с им же утвержденными Особыми условиями. Кроме того, п. 5 Положения о Бюро товарных экспертиз, утвержденного Министерством торговли РСФСР от 02.12.63, не предусматривает участия экспертов в приемке по количеству товаров отечественного производства. В результате организация-получатель оказывается в положении, когда во исполнение Инструктивного письма Госарбитража СССР она обязана вызвать эксперта Бюро товарных экспертиз, но ей в этом будет отказано в соответствии с п. 5 Положения о БТЭ. Приемка, произведенная с участием представителя общественности или представителя незаинтересованной организации, будет признана неправомерной.

Данный пример свидетельствует о противоречиях как в самом союзном законодательстве (между Особыми условиями и Инструктивным письмом Госарбитража от 31.12.82

² Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств, 1983, № 5, с. 20.

³ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств, 1983, № 5, с. 45. В дальнейшем — Особые условия.

⁴ Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утв. пост. Госарбитража СССР от 15.06.65 № 11-6, с доп. и изм., утв. пост. Госарбитража СССР от 29.12.73 № 81, от 14.11.74 № 98 и от 23.07.75 № 115.

№ И-1-6), так и о несоответствии ведомственных актов общесоюзным в части правового регулирования порядка привлечения экспертов и инспекторов к участию в приемке продукции по количеству, что объективно не способствует установлению истинных причин недостачи, а также порождает неустойчивую практику рассмотрения данной категории споров органами госарбитража.

В этой связи нам представляется целесообразным предусмотреть в п. 5 Положения о БТЭ обязанность экспертов принимать участие в приемке по количеству продукции (отечественного производства), поступившей стандартным весом, а в п. 10 Особых условий обязанность покупателя производить приемку продукции, поступившей за стандартным весом, только с участием эксперта БТЭ (инспектора по количеству или представителя Госстандарта).

В целях усовершенствования действующей системы приемки продукции и товаров, по нашему мнению, необходимо всесторонне изучить такой фактор, каким является привлечение к участию в приемке представителей общественности. В соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции по количеству одним из требований к представителю общественности является то, что он должен быть лицом незаинтересованным, имеющим право удостоверять своей подписью только те факты, которые установлены в его присутствии. Тем не менее еще нередки случаи, когда представитель общественности подписывает акт приемки, не участвуя в последней, когда он недостаточно принципиально и добросовестно относится к выполнению своего общественного долга.

Инструкция о порядке приемки продукции по количеству требует, чтобы члены комиссии, в том числе и представитель общественности, были предупреждены об ответственности за внесение в акт данных, не соответствующих действительности. Это предупреждение не оказывает должного действия ввиду того, что большинство представителей общественности, подписывая акт, не задумываются, о какой именно ответственности идет речь: материальной или уголовной, так как заранее уверены, что даже в самом неблагоприятном случае они никакой ответственности, кроме моральной, не понесут. Незаинтересованность представителей общественности пока проявляется только в том, что им глубоко безразлично, была ли произведена приемка продукции в точном соответ-

ствии с законом или нет, чем могут воспользоваться недобросовестные материально ответственные работники получателя.

В целях разработки наиболее эффективных мер обеспечения сохранности продукции и товаров в литературе высказываются различные предложения, направленные на совершенствование нормативных актов, регулирующих взаимоотношения грузоотправителей и грузополучателей. Так, М. Н. Клеандров считает, что важную роль в решении этой проблемы должно сыграть повышение ответственности общественных представителей (вплоть до уголовной) за подписание акта без фактического участия в приемке продукции⁵. К. Поленов предлагает видоизменить институт представителей общественности путем создания специальных подразделов при ОБХСС⁶.

Следует отметить, что предложение М. Н. Клеандрова об усилении ответственности представителей общественности не совсем приемлемо, поскольку они не являются должностными лицами. При подписании актов без фактического участия в приемке продукции и товаров корыстные и иные цели у них, как правило, отсутствуют, а уголовная ответственность при таких обстоятельствах исключается. Материальная ответственность также, на наш взгляд, не может быть применена к представителям общественности, поскольку ущерб ими наносится не при исполнении служебных обязанностей.

Заслуживает внимания, по нашему мнению, точка зрения К. Поленова, указывающего на несостоятельность института представителей общественности, «во всяком случае в том его виде, который предусмотрен Инструкцией приемки продукции по количеству»⁷. Но предлагаемое им решение вопроса — создание при ОБХСС независимого от предприятия органа, в ведении которого находились бы представители общественности, порядок избрания которых оставался бы прежним, из чего следует, что свои функции они продолжали бы выполнять на общественных началах, думается, не дало бы желаемого результата, поскольку такие представители общественности мало чем отличались бы от обычных. Возможно, они были бы более компетентными, но не более заинтересован-

⁵ Клеандров М. Н. Правовое обеспечение сохранности социалистического имущества.— Сов. государство и право, 1982, № 11, с. 139.

⁶ Поленов К. Преодолеть барьер.— Хозяйство и право, 1983, № 12, с. 44—46.

⁷ Там же, с. 45.

ными в результатах своей деятельности, а последний фактор, как известно, имеет немаловажное значение.

На наш взгляд, совершенствование правил должно происходить по пути упразднения института представителей обществности и представителей незаинтересованных организаций и установления качественно новых форм правового регулирования обеспечения сохранности продукции при приемке. В частности, представляется целесообразным приемку продукции производить с участием представителей поставщика, функции которых будут выполняться работниками родственных предприятий или снабженческо-сбытовых организаций (расположенных в месте нахождения получателя), с которыми поставщик должен заключить возмездные договоры на оказание данного вида услуг.

С одной стороны, это бы заинтересовало таких представителей в результатах своей деятельности, так как за нее они бы получали определенное материальное вознаграждение, с другой — дало бы возможность квалифицировать (при необходимости) их халатное отношение к служебным обязанностям как должностное преступление.

Необеспечение сохранности продукции и товаров очень дорого обходится предприятиям и организациям, поэтому они бывают вынуждены искать дополнительные средства доказывания своей невиновности в возможной недостаче продукции и товаров, которая могла образоваться по вине перевозчика или грузополучателя. В качестве такого средства доказывания практика выработала так называемые акты комиссионных или контрольных отгрузок (хотя подобная попытка поставщиков защитить себя таким образом перед покупателем зачастую бывает тщетной).

Согласно ст. 37 Основ гражданского законодательства должник, не исполнивший или ненадлежаще исполнивший обязательство, освобождается от ответственности в том случае, когда докажет свою невиновность, так как его вина заранее предполагается. Это правило применительно к данной категории споров означает, что грузоотправитель считается виновным в недостаче, пока не представит доказательства отсутствия своей вины. Поскольку обязанность доказывания возложена на грузоотправителя, он поставлен в менее благоприятное положение по сравнению с грузополучателем, если не опровергнет представленные им доказательства. Но получателями иногда представляются безусловно оформленные акты приемки и при отсутствии недостачи. Из смысла п. 8

Инструктивного письма Госарбитража СССР от 31.12.82 № И-1-6 вытекает, что акты комиссионных или контрольных отгрузок допускаются в качестве доказательства, но рассматриваются и оцениваются в совокупности с другими доказательствами по делу⁸.

На практике это выглядит следующим образом. При представлении покупателем приемного акта, составленного в соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции и товаров по количеству, акт контрольной отгрузки госарбитражами, как правило, во внимание не принимается, поскольку в действующем законодательстве отсутствуют нормы, устанавливающие требования к оформлению подобных документов. Но средство доказывания, о котором идет речь, выдвинуто потребностями практики, поэтому, на наш взгляд, настала необходимость его правовой регламентации⁹.

Каким же должен быть акт контрольной отгрузки? Что касается его оформления, то на него следует распространить требования п.25 Инструкции П-6. При этом отгрузка должна производиться с участием представителей ОБХСС или транспортных организаций. Но так как их систематическое участие в контрольных отгрузках практически осуществить трудно, то они, как нам представляется, должны производиться только при достаточно обоснованной убежденности поставщика в недобросовестности получателя. Такими основаниями могут быть систематическое поступление от получателей претензий по недостаткам, при четком и правильном оформлении отгрузочных документов поставщиком, материалы служебных проверок поставщика по фактам недостачи и др.

Принятие актов контрольных отгрузок уравнивает возможности сторон в использовании средств доказывания. Инструкция о порядке приемки продукции и товаров по количеству поможет арбитражу увидеть нарушения, допущенные поставщиком при отгрузке товаров. Кроме того, комиссионные отгрузки позволят усилить контроль за правильностью отгрузки, оформлением отгрузочных и транспортных документов.

В данной ситуации может возникнуть вопрос, а как же быть, если на суд арбитра будут представлены два «безупречных» акта приемки и контрольной отгрузки. Думается, что такие обстоятельства будут прямым свидетельством зло-

⁸ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств, 1983, № 5, с. 20.

⁹ Такого же мнения придерживается В. Шакур. См.: Ошибка? вряд ли...— Хозяйство и право, 1982, № 9, с. 55—56.

употреблений или со стороны грузоотправителя, или со стороны грузополучателя и послужат основанием для передачи материалов в следственные органы.

Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года обращается особое внимание на необходимость соблюдения социалистической законности в хозяйственных отношениях и улучшения правовой работы. В связи с этим советским ученым в тесном содружестве с практическими работниками необходимо совершенствовать законодательство в духе требований сегодняшнего дня. Конечно, издание новых законов и изменение старых не может обеспечить законность в хозяйственных отношениях. Поэтому еще более важной задачей является контроль за правильным применением законодательства предприятиями и хозяйственными организациями. Решение всех этих задач способствовало бы дальнейшему усилению охраны социалистической собственности, повышению эффективности общественного производства, обеспечению рационального использования материальных и финансовых ресурсов, решительному искоренению фактов бесхозяйственности.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА СССР И ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОДУКЦИИ

Г. Я. КЛИМЕНКО

Решениями XXVII съезда партии, майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего Продовольственную программу СССР на период до 1990 года, и другими решениями партии и правительства намечены меры по подъему сельского хозяйства страны, реализация которых позволит в значительной степени увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции и, следовательно, поднять уровень потребления продуктов питания населением. В директивных документах особо обращается внимание на необходимость увеличения производства плодоовощной продукции при одновременном улучшении ее сохранности и создании надлежащих условий реализации. Значимость выполнения поставленных задач предопределяется тем, что существенная часть высокоценных продуктов питания, каковыми являются ягоды, плоды, овощи и картофель, портятся, не доходя до потребителя, М. С. Горбачев, выступая на совещании партийно-хозяйственного актива 7 сентября 1985 г. в г. Целинограде, отметил, что проблема сохранности и переработки сельскохозяйственной продукции является в настоящее время одной из важнейших¹.

Рассматривая вопросы реализации сельскохозяйственной продукции, плодоовощной в том числе, необходимо иметь в виду, что майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС ориентирует на комплексный подход к решению продовольственной проблемы. «Важнейшая особенность такого подхода состоит в том, чтобы увязать, объединить работу как самого сельского хозяйства, так и обслуживающих его отраслей промышленности, транспорта, торговли, подчинить всю их деятельность общей конечной цели — производству высокоценных продук-

¹ См.: Правда, 1985, 11 сент.

тов питания и доведения их до потребителя», — подчеркивалось на Пленуме². В связи с этим представляется необходимым поднять на качественно новый уровень взаимоотношения сельскохозяйственных предприятий с заготовителями в процессе производства и закупок плодов и овощей. Для обеспечения гарантий полной приемки плодосвощей заготовительными организациями требуется соединить усилия обеих сторон. Имеющиеся случаи отказа в приемке плодосвощей, а вследствие этого их гибель на полях и в садах должны быть изжиты.

Воздействие правовых норм, регулирующих закупки плодосвощей, направлено на устранение фактов необоснованной неприемки плодосвощей продукции заготовителями. В Инструкции о порядке и условиях проведения государственных закупок картофеля и плодосвощей³ зафиксирована обязанность заготовителей принять доставленную на приемный пункт в соответствии с условиями договора продукцию (п. 20). Аналогичное правило закреплено и в Положении о порядке заключения и исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции⁴ (п. 22). Кроме того, Положением за неприемку скоропортящейся продукции предусмотрена полная оплата ее стоимости (п. 38). Судебная и арбитражная практика последовательна в возложении этих и других мер ответственности на заготовителей, виновных в нарушении договорных обязательств. Однако и столь суровые наказания не всегда приводят к желаемому результату.

Причины, по которым заготовительные организации не всегда обеспечивают приемку скоропортящейся продукции, произведенной колхозами и совхозами, лежат в сфере субъективного и объективного. Оставляя в стороне обстоятельства, вытекающие из организационных недоработок, допускаемых заготовителями (отсутствие тары, транспорта, недостаток производственных мощностей и др.), обратимся к причинам второго рода. Дело в том, что договор контрактации на закупку плодосвощей заключается на определенное их количество. Однако урожайность продукции может быть и выше предполагаемой. Чаще всего по этой причине появляется продукция, которую заготовители, не имея резервных возможностей, принять не могут. Образованию продукции, не находящей

² Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. М., 1982, с. 9.

³ Утв. Министерством заготовок СССР 12 сентября 1975 г.

⁴ Утв. Министерством заготовок СССР 15 ноября 1983 г.

спроса у заготовителей, косвенно могут способствовать и хозяйства, в порядке страховки запускаящие в производство выращивание культур в объемах, заведомо гарантирующих выполнение государственных планов продажи плодоовощей практически при любых погодных условиях.

С целью устранения отмеченных недостатков во взаимоотношениях заготовителей и хозяйств в деле производства и реализации картофеля, плодов и овощей представляется необходимым существенно изменить некоторые положения законодательства о контрактации плодоовощной продукции. Прежде всего целесообразно при заключении договоров контрактации указывать конкретные площади, на которых будет производиться продукция, выступающая предметом обязательства. Во-вторых, ввести условие об обязанности заготовителей принимать всю кондиционную продукцию, выращенную на обусловленных договором площадях возделывания данных культур. И наконец, предусмотреть оплату представленных к сдаче и не принятых по вине заготовителей плодоовощей, собранных на обозначенных при заключении договора земельных массивах. Разумеется, в таких условиях необходима коррекция правового положения хозяйств.

Плодоовощная продукция в значительной своей массе поступает в потребление в переработанном виде. Поэтому задачей всех участников процесса продвижения продукции до потребителя является максимальное сохранение ее потребительских качеств. Плоды, овощи и картофель, как и все виды сельскохозяйственной продукции, относятся к биологически живым культурам, однако цикл их существования относительно непродолжительный. Он может быть удлинен вмешательством человека, созданием, как правило, оптимальных для того или иного вида продукции условий хранения.

Правовой аспект признания плодоовощей скоропортящейся продукцией проявляется в рамках гражданско-правового регулирования обычно наряду с реализацией иных скоропортящихся товаров. Наиболее развито правовое регулирование этих отношений в транспортном законодательстве в связи с должным исполнением сторонами договорных отношений обязательств по созданию нужных условий хранения и транспортировки скоропортящихся товаров. Здесь же содержится и понятие скоропортящихся грузов, базирующееся на указании о создании для них должных температур

при транспортировке⁵. В юридической литературе при определении скоропортящейся продукции основное внимание также обращается на необходимость создания для нее соответствующих режимов. М. З. Марголин, например, пишет, что «к скоропортящимся товарам относятся не товары, приходящие в негодность вообще, а те товары, для сохранения годности которых требуются определенные, обычно весьма строгие условия окружающей температуры — холодной или теплой»⁶. Не касаясь общей оценки такого подхода к определению скоропортящихся товаров, отметим, что применительно к плодоовощам это определение узко, отвечает в основном потребностям транспортного права.

Представляется, что определение понятия скоропортящейся сельскохозяйственной продукции следует связывать с понятием ее качества, которое в экономической и правовой литературе представлено в различных аспектах. В экономической науке выделяется два плана: социально-экономический и технический⁷. Закрепление в праве данных параметров характеризует качество плодоовощной продукции с правовых позиций, поскольку «... под качеством продукции, как отмечается в юридической литературе, следует понимать степень соответствия ее технико-экономических свойств предъявляемым к ней (продукции данного вида) социальным требованиям, получившим юридическое оформление и закрепление в соответствующих правовых актах»⁸. Правовое регулирование качества плодоовощей осуществляется прежде всего путем отражения должных технико-экономических свойств продукции в ГОСТах и других аналогичных им нормах права. Такой способ правового воздействия является обычным и применяется в праве независимо от того, является ли продукция изделием промышленного производства или отнесена к категории продовольственных товаров. Нормативы, являющиеся следствием данной урегулированности, характеризуют качественные показатели предметов в статике, так как решение вопроса о качестве той или иной вещи посредством, например, ГОСТов производится путем установления соот-

⁵ См.: Правила перевозок грузов. Ч. 1. М., 1983, разд. 31, с. 334.

⁶ Марголин М. З. Приемка скоропортящихся товаров.— Сов. юстиция, 1966, № 24, с. 8.

⁷ См.: Стерликов Ф. Ф. Стимулирование качества сельскохозяйственной продукции. М., 1979, с. 17—18; Прокопенко Н. Ф. Экономические проблемы качества сельскохозяйственной продукции. 1980, с. 11—12.

⁸ Право и качество продукции. М., 1972, с. 9.

ветствия ее фактического состояния требованиям, обозначенным в правовых актах. Решение иных вопросов качества в подобных случаях остается в стороне. Поэтому признание в транспортном законодательстве плодоовощей скоропортящимся грузом со всеми вытекающими из этого последствиями преследует основную цель — максимальное сохранение качественной статики продукции с момента принятия груза для перевозки до передачи его получателю. Соответственно понятия скоропортящейся продукции (грузов, товаров), имеющиеся в нормативных актах, опосредствующих отношения перевозки, и определения авторов, конструктивно опирающиеся на них, носят функциональный характер, отвечающий потребностям этого блока нормативного регулирования.

Флодоовощная продукция является скоропортящейся главным образом не потому, что требует определенных температур хранения и соответствующего складирования, а в силу своих биологических свойств. «Качество продовольственных товаров проходит жизненный цикл, продолжительность которого зависит от срока жизни самого качества, которое обусловлено полезностью, а последнее — характером наших потребностей. Жизненный цикл пищевых продуктов предопределен сроком их годности к употреблению»⁹. Специальные условия хранения плодоовощей — норма существования данного вида продукции. Однако и они не всегда способны сохранить качество картофеля, плодов и овощей на требуемый срок, исключая лишь экспериментальные способы хранения в газовой среде¹⁰.

Право как регулятор общественных отношений не может непосредственно воздействовать на биохимические процессы, происходящие в организмах плодоовощей. Однако оно призвано, учитывая свойства продукции, строить отношения по ее реализации таким образом, чтобы выращенная продукция поступала к потребителям с предельно меньшими потерями и в возможно больших объемах. Для этого имеется достаточно широкий спектр возможностей: установление в нормативном порядке сроков ее реализации, своевременное изменение цен на продукцию с пониженным качеством, создание условий беспрепятственной продажи и т. д. То есть, раскрывая правовую сторону понятия скоропортящейся продукции,

⁹ Кононенко И. Е. Управление качеством продовольственных товаров в торговле. Киев, 1981, с. 6.

¹⁰ См.: Федин Э. Как дышишь, яблоко? — Наука и жизнь, 1982, № 3, с. 140—143.

в том числе и плодоовощей, необходимо обратить внимание и на такое правовое воздействие, которое призвано учитывать в реализационных процессах динамику изменения качества товаров. Проявление такого воздействия возможно, по нашему мнению, в рамках так называемого управления качеством продукции правовыми средствами. Естественно, такое воздействие на качество более опосредовано, нежели при регулировании его статике, однако игнорировать его при характеристике скоропортящейся продукции не следует.

Таким образом, плодоовощная продукция является скоропортящейся в силу своих биологических свойств, характеризующихся непродолжительностью цикла существования, что предполагает установление в правовом порядке специальных режимов хранения и перевозки, сроков реализации в пределах срока сохранения ее потребительских свойств, а также принятия иных мер, предотвращающих потери данной продукции на пути продвижения к потребителю.

Правовое значение отнесения плодов и овощей к категории скоропортящихся товаров многогранно. Помимо предписаний о создании соответствующих правовых режимов при хранении и перевозках продукции, а также установления сроков доставки законодательством предусмотрено, что некоторые виды плодоовощей вообще не могут подвергаться доставке железнодорожным транспортом. В установленных законом случаях в целях исключения потерь скоропортящаяся плодоовощная продукция может быть реализована колхозами и совхозами вне договора контрактации. В регулировании договора контрактации проявляется специфический подход к закупкам картофеля, плодов и овощей.

В порядке общего нормативного регулирования Государственным комитетом стандартов Совета Министров СССР 7 августа 1975 г. утвержден «Единый перечень скоропортящейся сельскохозяйственной и приравненной к ней продукции», в котором плодоовощи составляют значительную часть. Перечень построен на основе группировки сельскохозяйственной продукции по видам: косточковые, корнеплоды, бахчевые культуры и т. д. Однако очевидно, что сроки сохранности и требования к условиям хранения продукции в столь обширном перечне существенно отличаются друг от друга (яблоки и виноград, земляника и тыква). Рассматриваемый перечень является актом отсылочного характера. В системе законодательства, регулирующего реализацию плодоовощей, он выполняет вспомогательную роль по отношению к нор-

мам права, непосредственно определяющим взаимоотношения контрагентов договорных отношений.

Значение перечня в таком качестве может быть повышено, если изменить подход к системе его построения. Представляется целесообразным перечень плодоовощей разбить на группы (категории) в зависимости от быстроты порчи продукции. Тогда представится возможность предусмотреть повышенную ответственность заготовителей, перевозчиков и торговых организаций соответственно за неприемку, нарушение сроков доставки и задержку в продаже продукции, требующей реализации в кратчайшие сроки. Акцент в данном случае на наиболее льготных по условиям реализации группах плодоовощей не должен повлечь ослабления правового значения признания в качестве скоропортящихся товаров иных видов продукции. Приоритет первых необходим в силу того, что они, как правило, не подлежат хранению, а другие плодоовощи могут быть реализованы и в более продолжительные сроки.

Отмечая принадлежность плодов и овощей к скоропортящимся продуктам, следует иметь в виду, что уровень регулирования сроков их реализации на конечном этапе — в торговле иной, нежели других скоропортящихся товаров. Так, для консервированных продуктов, хлебулочных, молочных, и других изделий устанавливаются сроки годности или хранения. По истечении указанных сроков продукты подлежат уничтожению либо переработке, поскольку длительно хранящиеся продовольственные товары теряют свои вкусовые и питательные свойства, а некоторые из них могут служить и причиной пищевых отравлений. Поэтому продажа продовольственных товаров с просроченными сроками без соответствующего на то разрешения запрещена. В нормативном порядке определены формы контроля за реализацией продуктов питания в установленные сроки.

На плодоовощи сказанное выше, к сожалению, не распространяется, что объясняется необходимостью повседневного использования их в пищу, а также тем, что они, как правило, не токсичны даже после длительного хранения. Объективные обстоятельства таковы, что в зимне-весенний период покупатели довольствуются сделанными осенью запасами картофеля, плодов и овощей. Предельный срок их сохранности чаще всего предопределяется временем сбора нового урожая. Специфика плодоовощей, таким образом, проявляется в неконкретности сроков реализации. Однако и для

них желательна установка сроков сохранности, в течение которых остаются первоначальными их внешний вид, биохимические показатели и вкусовые качества, отвечающие требованиям ГОСТов. Сроки полной сохранности качественных показателей каждого вида продукции могут быть определены представителями биологической и сельскохозяйственных отраслей знаний, которые будут положены в основу правового регулирования сроков реализации.

В отличие от продовольственных товаров относительно плодоовощей целесообразнее установить, по нашему мнению, сроки хранения и продажи. Со сроком годности связывается представление о временном использовании, по истечении которого товары реализации не подлежат. Распространение на плодоовощи сроков годности в названном понимании может автоматически повлечь неоправданное установление существенных препятствий на пути их реализации, если даже они и пригодны в пищу. В свою очередь, установление только сроков хранения не приведет к требуемой полноте и универсальности урегулированности данного вопроса. Практика установления сроков хранения в сфере реализации продовольственных товаров показывает, что «сроки хранения никакого отношения к потребителю не имеют, возможное использование этих продуктов по отношению к дате изготовления не определено»¹¹. Речь идет о закреплении сроков хранения скоропортящихся товаров в ГОСТах и технических условиях, где указаны режимы и продолжительность хранения товаров с момента изготовления до реализации, но четко не определены адресаты, обязанные ими руководствоваться, и последствия просрочки хранения¹². Применение в механизме правового регулирования реализации плодов и овощей сроков хранения возможно в сочетании со сроками продажи. Срок хранения, таким образом, можно определить как время, в течение которого продукция может быть продана (передана) с качеством, в достаточной степени гарантирующим наличие первоначальных потребительских свойств плодоовощей. Если продукция реализуется в пределах срока хранения, то срок продажи по своей продолжительности равен сроку хранения. Поскольку сроки хранения предполагается установить в нормативном порядке, то по их истечении необходимо ре-

¹¹ Дашевская Л. М. Производство и поставка продовольственных товаров. М., 1976, с. 34.

¹² См.: Там же.

шение вопроса о продлении срока продажи. То есть действие срока продажи может быть и большим, нежели срока хранения. Допустимо неоднократное продление срока продажи.

Внедрение в практику заготовок и торговли сроков хранения и продажи пробудит у организаций, занимающихся реализацией плодоовощей, стремление передавать их потребителям в сроки, гарантирующие должную сохранность продукции, что в конечном итоге приведет к сокращению необоснованных потерь данных товаров. Предлагаемые меры одновременно направлены и на усиление защиты прав покупателей. Действующая в настоящее время система цен на плоды и овощи неоперативно реагирует на изменение качественных показателей продукции. Надлежащим образом поставлено дело с изменением цен в зависимости от сезона продажи данных товаров. Иная переоценка возможна лишь посредством перевода продукции в низший сорт, однако работники торговли в этом не заинтересованы, поскольку издержки, неизбежно появляющиеся при этом, отрицательно сказываются на экономическом положении их организаций. Кроме того, и покупатели не рискуют приобретать несвежие плодоовощи, не будучи уверены в том, что приобретенные товары способны еще некоторое время сохраняться в домашних условиях. Следствие этого — распространенное явление: недостаточное удовлетворение спроса при насыщенности товаров в торговле. Наиболее актуальна эта проблема при реализации продукции весенне-летних сортов, а также собранных осенью, но быстро приходящих в негодность (ягоды, помидоры, огурцы и т. д.). Закрепление правовыми средствами сроков хранения и продажи, а также совершенствование ценообразования позволит улучшить процесс реализации продукции, а тем самым и снабжение населения картофелем, плодами и овощами.

Реализация предложенных мер усилит правовые основы принципа сотрудничества сторон в договоре контрактации, будет способствовать устранению материальных и моральных издержек, связанных с порчей и гибелью плодоовощной продукции, полученной предприятиями сельского хозяйства сверх количества, предусмотренного договором. Более совершенное правовое воздействие на процесс реализации плодоовощей призвано содействовать выполнению задач, поставленных в Продовольственной программе СССР.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЗА НАРУШЕНИЕ СРОКОВ УБОРКИ И ПОДАЧИ ВАГОНОВ НА ПОДЪЕЗДНЫЕ ПУТИ

В. И. СУХИНИН

Отношения предприятий, организаций, объединений, имеющих железнодорожные подъездные пути (ветвевладельцев), с железной дорогой регулируются договором на эксплуатацию железнодорожных подъездных путей (договором на подачу и уборку вагонов)¹, в котором определяется место подачи вагонов, способ и размер подачи вагонов (сроки погрузки — выгрузки) на подъездном пути и др. В их взаимоотношениях до 1979 г. существовало такое положение, что железная дорога взыскивала с ветвевладельцев, грузоотправителей и грузополучателей штраф за простой вагонов под погрузочно-разгрузочными операциями, а сама после окончания погрузки-выгрузки задерживала уборку вагонов по несколько часов или суток и не несла за это никакой ответственности. Однако нахождение пустых или загруженных вагонов на подъездном пути не только затрудняет работу ветвевладельца, но и увеличивает межоперационные простои, а следовательно, и оборот вагонов.

С целью ликвидации этого отрицательного для народного хозяйства явления постановлением Совета Министров СССР от 26 апреля 1979 г. «О повышении материальной ответственности за использование и сохранность железнодорожного подвижного состава»² установлена ответственность железных дорог в форме штрафа за задержку подачи и уборки или приема вагонов с подъездных путей против сроков, предусмотренных в договоре на эксплуатацию (абз. 2, ст. 50; абз. 2 ст. 92 Устава железных дорог СССР). Поскольку по действовавшему до 1979 г. законодательству в этом договоре предусматривались только сроки подачи вагонов на подъ-

¹ В дальнейшем — договор на эксплуатацию.

² Собрание постановлений правительства СССР, 1979, № 13, ст. 86.

ездной путь, то постановление предусматривало включение в договор на эксплуатацию условия о сроках уборки вагонов с подъездных путей.

Правовая норма, содержащая это положение, является императивной, и поэтому стороны обязаны включать указанное условие в новые и внести соответствующие изменения в действующие договоры. Если в договоре отсутствует условие о сроках уборки вагонов, то соответствующие изменения в договор вносятся по инициативе арбитража (п. 2 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 18 июня 1982 г. № И-1-2 «О применении статей 50, 92, 118¹ и 163 Устава железных дорог СССР»³). Без определения в договоре сроков уборки вагонов невозможно взыскание штрафа с железной дороги за задержку уборки вагонов⁴.

Госарбитраж, обнаружив при рассмотрении споров отсутствие этого условия в договоре на эксплуатацию, должен обязать стороны включить его в договор⁵.

Сроки на уборку вагонов с мест погрузки-выгрузки и приемо-сдаточных путей устанавливаются на основании 2 критериев: 1) технологии организации работы магистральной железнодорожной станции примыкания и подъездного пути (§ 29 Правил эксплуатации железнодорожных подъездных путей)⁶; 2) направленности этих сроков на ускорение оборота вагонов и улучшение использования технических средств на подъездном пути (п. 2 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 18 июня 1982 г. № И-1-2 «О применении статей 50, 92, 118¹ и 163 Устава железных дорог Союза ССР»). Соотношение этих критериев таково, что, исходя из технологии работы станции и подъездного пути, срок на уборку группы вагонов или одиночных вагонов (в зависимости от порядка уборки, определенного в этом договоре)

³ Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М., 1983, с. 255.

⁴ Этого обстоятельства не учитывал Кузнецкий металлургический комбинат, предъявляя иски к железной дороге о взыскании штрафа за задержку подачи вагонов. Арбитраж обоснованно в исках отказывал (см.: Дело № 1-652/80ж, № 1-670/80 ж Кемеровского Госарбитража).

⁵ В нарушение этого требования Кемеровский госарбитраж, рассматривая преддоговорные споры между ПТУ П/О «Ленинскуголь» и Кемеровской железной дорогой о сроках погрузки-выгрузки грузов, не обязал стороны предусмотреть в договоре на эксплуатацию сроки уборки вагонов с подъездных путей (см.: Дело № 8-131 и № 8-132 за 1983 г. Кемеровского госарбитража).

⁶ См.: Правила перевозок грузов. М., 1983, ч. 1, с. 157—188.

должен быть самым минимальным⁷. Например, для устранения ожидания уборки вагонов с путей межотраслевых предприятий промышленного железнодорожного транспорта (МППЖТ) наиболее целесообразно устанавливать твердый график уборки вагонов, нитки которого совпадают с моментом окончания операций для большинства вагонов данного грузового пункта. На основе учета времени перестановки выведенных с грузовых фронтов вагонов на приемосдаточные пути МППЖТ, возможного накопления, формирования и приемосдаточных операций определяются моменты уборки вагонов с подъездных путей. Установленные таким образом точки твердого графика уборки вагонов исключают ожидание уборки с путей МППЖТ для большинства вагонов⁸.

При наличии единого технологического процесса работы станции примыкания и железнодорожного подъездного пути (ЕТП) сроки уборки вагонов в договоре должны соответствовать срокам, установленным в этом акте. Сведения о технологии работы станций и подъездного пути стороны получают из Инструкции о порядке обслуживания и организации движения на подъездном пути, технико-распорядительных актов станции (ТРА), технологических расчетов или графиков работы маневровых локомотивов⁹.

Второй критерий определения сроков уборки вагонов позволяет учитывать такие обстоятельства, как фактически затрачиваемое время на уборку вагонов. В силу этого представляется правильной практика арбитражей, устанавливаю-

⁷ Так, ст. Новосибирск-Восточный предлагала установить срок на уборку вагонов с подъездного пути Мочищенской базы «Росбакалея» через 19,5 часа (в 4 раза превышающий срок обработки вагонов на подъездном пути), исходя из того, что локомотив станции будет заезжать на подъездной путь раз в сутки. Однако никаких технологических препятствий для более частого заезда локомотива дорога не представила. Поэтому арбитраж на основе названных критериев установил более короткий срок на уборку вагонов по расчету ветвевладельца (см.: Танкилевич Г.: Улучшить использование вагонов.— Хозяйство и право, 1981, № 9, с. 29).

⁸ Кондратьев К. М., Третьяков Г. М. О порядке уборки вагонов с подъездных путей МППЖТ.— Железнодорожный транспорт, 1983, № 5, с. 53.

⁹ Так, разрешая спор о сроке уборки вагонов между Кемеровской облсельхозтехникой и Новокузнецким отделением Кемеровской железной дороги, арбитраж установил сроки уборки вагонов в 3 часа, исходя из технологического расчета работы маневровых локомотивов (см.: Дело № 8-691/83 Кемеровского госарбитража)

щих с учетом этого фактора сроки уборки вагонов более короткие, чем предлагаемые дорогой на основе технологического расчета работы маневровых локомотивов.

Так, Новокузнецкое отделение железной дороги предлагало установить на основании технологического расчета работы маневровых локомотивов срок уборки вагонов с подъездного пути Новокузнецкого холодильника 5,5 ч. Холодильник предлагал срок уборки 2 ч 11 мин и представил в арбитраж в обоснование своего предложения сводную ведомость подачи и уборки вагонов за 1980 г. и 8 месяцев 1981 г., согласно которой фактический срок уборки вагонов железной дорогой не превышал указанного времени. Исходя из этих данных, арбитраж указал, что «при таких обстоятельствах представленный отделением дороги расчет времени на уборку вагонов 5,5 ч не соответствует действительности и не может быть принят во внимание. С учетом фактического срока уборки вагонов и технологических особенностей работы станции примыкания следует установить срок на уборку 2 ч 20 мин»¹⁰.

Учет фактически затрачиваемого времени на уборку вагонов позволяет в определенной степени устранять такие негативные явления, как стремление дороги установить более длительные сроки уборки вагонов. Если же предлагаемая дорогой технология несколько увеличивает фактически сложившиеся сроки уборки вагонов у отдельных грузоотправителей (грузополучателей), а в целом это приводит к сокращению оборота вагонов по комплексу «станция—подъездной путь», то представляется, что следует устанавливать сроки уборки на основании технологических расчетов дороги, так как в этом случае в большей степени удовлетворятся народнохозяйственные интересы.

Иногда железные дороги настаивают на закреплении в договоре фактически установившихся, ничем не обоснованных продолжительных сроков уборки вагонов, превышающих сроки оборота вагонов¹¹. Поскольку такие предложения не

¹⁰ См.: Дело № 1-669/81 Кемеровского Госарбитража.

¹¹ Так, предприятия лесопромышленного объединения «Кареллеспром» связаны с 43 железнодорожными станциями, и на всех станциях вагоны после погрузки ожидают уборки от 4 до 12 часов, что в несколько раз превышает нормы нахождения вагонов под погрузочными операциями. Исходя из этого фактически сложившегося времени ожидания уборки вагонов, в договорах на подачу и уборку вагонов были установлены сроки уборки для различных станций от 5 до 10 часов (см.: Щипуржитский Е. Где же теряются погрузочные ресурсы? — Хозяйство и право, 1980, № 11, с. 31—32).

приводят к сокращению срока оборота вагонов, грузоотправитель (грузополучатель) не должен принимать подобные предложения, а обязан обратиться в арбитраж. Арбитраж по указанной причине не может установить сроки уборки по фактически сложившимся, а обязывает стороны уточнить эти сроки, при необходимости назначить экспертизу и с учетом всех представленных материалов установить сроки уборки вагонов (п. 2 Инструктивных указаний от 18 июня 1982 г. № И-1-2).

В случае нарушения железной дорогой установленных договором сроков с нее взыскивается штраф при наличии следующих условий: 1) противоправности; 2) вины.

Противоправность поведения железной дороги может выражаться в задержке: 1) подачи вагонов на подъездной путь под погрузку или выгрузку; 2) уборки вагонов с подъездного пути после погрузки или выгрузки; 3) приема вагонов с подъездного пути (при обслуживании подъездного пути локомотивом ветвевладельца). Задержка является противоправной, если она превышает 15 мин против сроков, предусмотренных договором на эксплуатацию (ст. ст. 50, 92 УЖД).

Задержка подачи вагонов под погрузку представляет собой частичное неисполнение или просрочку исполнения в пределах суток возникшей из плана перевозок обязанности по подаче конкретного количества вагонов в срок, определенный уведомлением, расписанием или интервалом подачи в договоре на эксплуатацию. Поэтому штраф за неподачу порожних вагонов взыскивается только за неподанные вагоны в пределах установленного размера погрузки на каждый день (п. 2 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 18 июня 1982 г. № И-1-2).

Задержка подачи вагонов под выгрузку есть ненадлежащее исполнение железной дорогой обязанности выдать прибывший на станцию груз, возникшей из договора перевозки, которое состоит в нарушении срока выполнения операции подачи вагонов на подъездной путь, установленного уведомлением, расписанием или интервалом в договоре на эксплуатацию. Поэтому штраф за задержку подачи вагонов под выгрузку может взыскиваться только за те вагоны, которые прибыли на станцию назначения и подготовлены к подаче, т. е. не находятся в прибывших, но еще не расформированных поездах.

Уборка железной дорогой вагонов с подъездного пути после выгрузки есть одна из операций в осуществлении ею права оперативного управления принадлежащими ей вагонами. Задержка уборки препятствует в определенной степени владельцу пути нормально осуществлять оперативную деятельность и представляет собой нарушение обязанности в правоотношении собственности (оперативного управления имуществом) не препятствовать обладателю права оперативного управления (в данном случае владельцу подъездного пути) в его осуществлении. Момент определения начала задержки зависит от установленного в договоре способа подачи и уборки вагонов. Если вагоны подаются по уведомлению, то задержка начинается с момента истечения указанного в уведомлении времени подачи вагонов плюс 15 минут. При подаче вагонов по расписанию или интервалам они считаются задержанными, если прибыли на станцию назначения и не были поданы в количестве, предусмотренном договором на эксплуатацию на очередную нитку расписания или через установленный интервал либо поданы по истечении 15 минут от установленного графика (расписания) или интервала (п. 1 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 18 июня 1982 г. № И-1-2). Срок уборки начинается по истечении времени, указанного в § 56 Правил на эксплуатацию. До издания этого инструктивного указания в литературе было высказано мнение о том, что сроки на подачу вагонов под выгрузку должны исчисляться с момента возникновения у железной дороги обязанности подать вагоны под выгрузку. Эта обязанность, согласно указанному мнению, возникает после раскредитования грузополучателем документов в товарной конторе¹².

Согласно ст. 37 УЖД из договора перевозки у железной дороги возникает обязанность выдать груз грузополучателю. Ее выполнение складывается из производства ряда операций, в том числе из документального оформления выдачи груза («раскредитование груза») и фактической выдачи груза. Правовое значение «раскредитования груза» заключается не в порождении прав и обязанностей, а в том, что с ним связываются окончательные расчеты железной дороги с грузополучателем за перевозку грузов¹³. Фактической выдачей груза считается подача вагонов под выгрузку средствами

¹² Танкилевич Г. Указ. соч., с. 28.

¹³ Смирнов В. Т., Яковлева В. Ф. Правовые проблемы перевозки и материально-технического снабжения. Л., 1978, с. 187.

грузополучателей на местах необщего пользования¹⁴. Следовательно, подача вагонов на подъездной путь под выгрузку не является самостоятельной обязанностью, а представляет собой одну из совокупных операций, производством которых выполняется договорная обязанность дороги выдать груз. Только исполнение этой обязанности отодвигается до прибытия груза на станцию назначения и фактической подготовки вагонов к подаче под разгрузку. На операции, связанные с отправлением и прибытием груза (к которым относятся и операции по подготовке вагонов в подаче), предоставляются сутки¹⁵.

Вина железной дороги, как одно из условий взыскания штрафа, понимается в смысле психического отношения железной дороги в форме умысла или неосторожности к таким противоправным действиям, как задержка уборки и подачи вагонов на подъездные пути или приемки с подъездного пути. Железная дорога, допустившая задержку подачи или уборки вагонов, предполагается виновной, пока не докажет обратное.

Задержка подачи и уборки вагонов железной дорогой и нарушение грузоотправителями (грузополучателями) сроков погрузки-выгрузки вагонов по своей сущности являются односторонними и влекут одинаковые вредные экономические последствия. Однако ответственность железной дороги строится на началах вины, а грузоотправителей (грузополучателей) — независимо от вины. Поэтому было бы целесообразно установить ответственность грузоотправителей (грузополучателей) за простой вагонов на началах вины.

Штраф за задержку подачи вагонов железной дорогой на подъездные пути под погрузку и выгрузку установлен в размере 60 копеек за вагон в час, но не более чем за 6 часов. Размер этого штрафа соответствует установленному ст. 156 УЖД размеру штрафа за простой вагонов до 6 часов. Однако за простой штраф взыскивается за все время простоя, а за задержку подачи и уборки вагонов не более чем за 6 часов. За задержку дорогой уборки вагонов с подъездного пути после погрузки и выгрузки взыскивается штраф в размере, предусмотренном ст. 156 УЖД, за все время задержки.

Установление временного предела для взыскания штрафа с железной дороги за задержку подачи вагонов под погруз-

¹⁴ § 26 Правил выдачи груза (Раздел IV Правил перевозок грузов).

¹⁵ § 5, раздел 14 Правил перевозок (Сроки доставки грузов и правила исчисления сроков доставки).

ку и выгрузку ограничивает ответственность дороги по сравнению с ответственностью грузоотправителей за аналогичные нарушения (задержка подачи вагонов с грузами из-за занятости фронтов выгрузки на подъездных путях), за которые штраф взыскивается за все время задержки.

Ограничение ответственности железной дороги, вероятно, основано на распространенном мнении, согласно которому установление ответственности железных дорог на эквивалентных началах с ее клиентурой в силу специфики их деятельности (наличие большого количества клиентуры) отрицательно повлияет на экономическое положение транспортных предприятий. Однако в настоящее время в связи с внедрением мероприятий, направленных на совершенствование хозяйственного механизма, повышение его эффективности, возрастает роль взаимной имущественной ответственности как фактора, обеспечивающего эквивалентность в хозяйственных отношениях¹⁶. Поэтому представляется, что следовало бы отметить ограничение и взыскивать штраф с железной дороги за все время задержки подачи вагонов на подъездной путь.

Субъект взыскания штрафа за задержку уборки вагонов определяется в зависимости от того, чьим локомотивом обслуживается подъездной путь. Если подъездной путь обслуживается локомотивом железной дороги, то этим субъектом является грузоотправитель или грузополучатель. При обслуживании подъездного пути локомотивом ветвевладельца дорога уплачивает штраф за задержку приема вагонов с подъездного пути ветвевладельцу этого пути (даже если он не является грузоотправителем или грузополучателем).

Взыскание штрафа за задержку подачи и уборки вагонов производится в исковом порядке. Предъявляя претензию или иск, ветвевладелец, грузоотправитель или грузополучатель должны доказать факт задержки подачи или уборки вагонов. Поскольку железная дорога предполагается виновной в факте задержки подачи или уборки, доказанном истцом, то она может доказывать свою невиновность. Например, доказать, что не могла подать вагоны из-за того, что грузополучателем не раскредитованы документы.

В первые годы после введения этого штрафа на практике возник вопрос: какими документами можно доказывать факт задержки? Некоторые железные дороги отказывались удов-

¹⁶ Хаскельберг Б. Л. Ответственность за нарушения плана и договора железнодорожной перевозки грузов. Томск, 1981, с. 49—50.

летворять претензии и иски, ссылаясь на то, что отсутствуют акты общей формы. Госарбитражи эти доводы дороги во внимание не принимали и удовлетворяли исковые требования ветвевладельцев, грузоотправителей и грузополучателей, если факт задержки подтверждался памятками приемосдатчика, ведомостями подачи и уборки вагонов, натурными листами¹⁷. В дальнейшем эта практика Госарбитража была закреплена в § 9 (п. «ж») Правил предъявления и рассмотрения претензий (Раздел 37 Правил перевозок грузов)¹⁸.

Представляется, что указанная позиция железных дорог не нашла поддержки по следующим соображениям. Из ст. 168 УЖД следует, что акты общей формы признаются допустимым средством доказывания в силу того, что они обладают свойством наибольшей достоверности, так как зафиксированные в них факты подтверждаются подписями обеих сторон. Следовательно, если имеются другие предусмотренные транспортным законодательством двухсторонние документы, фиксирующие тот или иной факт, то они также могут использоваться как допустимое средство доказывания. Поэтому нет необходимости удостоверять факт задержки актами общей формы, так как имеются двухсторонние документы оперативного учета (натурные листы, памятки приемосдатчика, ведомости подачи и уборки вагонов), которые фиксируют время подачи, уборки и нахождения вагонов на подъездных путях.

Включение в договор условия о сроках подачи-уборки вагонов направлено на сокращение межоперационных простоев вагонов. В случае нарушения дорогой этих сроков с нее взыскивается штраф. Эффективность действия штрафа должна заключаться в том, что угроза его взыскания побуждает железную дорогу соблюдать установленные сроки подачи-уборки вагонов.

В определенной степени об эффективности подачи-уборки вагонов может свидетельствовать динамика взысканных сумм штрафов за задержку подачи-уборки вагонов и за самовольный захват вагонов предприятий. Так, по данным финансовых отчетов управления Кемеровской железной дороги, она уплатила в 1980 г. 241 тыс. р., в 1981 г. —

¹⁷ См., напр.: Постановление в порядке надзора Госарбитража РСФСР от 31 декабря 1980 г. № 168/24 б по делу № 1-1061 (истец ПО «Кемеровоуголь», ответчик — Кемеровская железная дорога).

¹⁸ См.: Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1981, № 4.

44 тыс. р., в 1982 г. — 232 тыс. р., в 1983 г. — 11 тыс. р. Приведенные цифры подтверждают тенденцию к уменьшению штрафов, уплачиваемых железной дорогой и, следовательно, об улучшении работы дороги по уборке и подаче вагонов на подъездные пути. Однако при анализе динамики уплаченных штрафов необходимо учитывать следующие обстоятельства. 1. Действительно ли технология подачи-уборки вагонов на той или иной станции является прогрессивной и на ее основе установлен минимальный срок подачи и уборки вагонов. Например, о какой эффективности штрафа можно говорить по подъездным путям объединения «Кареллеспром», где завышены сроки уборки вагонов (см. сноску 10). 2. Грузоотправители (грузополучатели) из-за боязни испортить отношения с железной дорогой в ряде случаев не предъявляют к ней претензий и исков о взыскании штрафа. Таким образом, сам по себе рассматриваемый штраф не побуждает железную дорогу к установлению в договоре на эксплуатацию минимальных сроков подачи-уборки вагонов.

В настоящее время побудительным мотивом для установления железной дорогой минимальных сроков уборки является вводимый плановый показатель — среднее время оборота вагонов, для соблюдения которого дорога будет стремиться к сокращению времени производства любых операций и ликвидации излишних простоев. Внедрение этого показателя в практику создает механизм, состоящий из правовых и экономических средств, который будет более эффективно побуждать железную дорогу как к установлению минимальных сроков уборки и подачи вагонов на подъездные пути, так и к их соблюдению.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПОРЯДКА РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

Н. Д. ТИТОВ

1. Существующий в настоящее время претензионный порядок разрешения хозяйственных споров несомненно имеет положительное значение и способствует всемерной экономии всех видов материальных ресурсов, укреплению социалистической законности и дисциплины в сфере экономики¹.

Разрешение хозяйственных споров, в том числе и по перевозкам грузов, в претензионном порядке позволяет социалистическим организациям экономить значительные материальные средства², ускоряет их оборачиваемость, обеспечивает быстрое восстановление нарушенных прав. Доарбитражный порядок рассмотрения споров самими участниками правоотношения грузовой перевозки позволяет им оперативно расследовать факты нарушений планов перевозок, несоблюдения сохранности грузов при транспортировке, несвоевременной доставки, устанавливать причины правонарушений, выявлять виновных в этом лиц и применять к ним правовые меры воздействия с целью предупреждения правонарушений. При удовлетворении требований в претензионном порядке относительно сокращается период времени между моментами совершения правонарушения и реализацией мер ответст-

¹ См.: Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985, с. 17.

² Так, органы арбитража ежегодно рассматривают более 650 тыс. споров (см.: Анисимов Е. Государственный арбитраж в СССР на современном этапе.— *Хозяйство и право*, 1980, № 1, с. 15), а потери организаций в виде госпошлины только по 95 тыс. споров составили около 20 млн. р. (см.: Останний И. М. Повышение роли арбитража в свете решений XXVI съезда КПСС.— *Сов. государство и право*, 1982, № 2, с. 16). Кроме того, потери на подготовку материалов, участие в арбитражном процессе по одному делу составляют в среднем свыше 60 р. (см.: Пугинский Б. Урегулирование без арбитража.— *Хозяйство и право*, 1981, № 9, с. 52).

венности за него, что повышает эффективность применяемых санкций. Однако практика применения правил, определяющих претензионный порядок реализации материально-правовых требований, возникающих из обязательства грузовой перевозки, ставит задачу их совершенствования³.

2. Порядок предъявления и рассмотрения требований, возникающих из обязательств перевозки, в настоящее время регулируется нормами различных правовых актов: транспортных организаций к клиентуре — Положением о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам от 17 октября 1973 г.⁴; отправителей и получателей грузов — ст. 76 Основ, ст. 384 ГК РСФСР, транспортными уставами (кодексами), Правилами перевозок грузов.

В соответствии с установленными нормами до предъявления транспортной организации иска, вытекающего из перевозки, обязательно предъявление к ней претензии. Нарушение претензионного порядка влечет отказ арбитража (суда) в принятии искового заявления⁵, а если данное обстоятельство выясняется при рассмотрении иска, то производство по делу прекращается. Юридическое значение претензионного порядка реализации требований к перевозчику состоит в том, что его соблюдение является необходимой предпосылкой права на предъявление иска в арбитраж, т. е. права на иск в процессуальном смысле. В тех случаях, когда возникает спор относительно соблюдения отправителем или получателем груза претензионного порядка, арбитраж (суд) принимает исковое заявление и возникшее разногласие по этому вопросу разрешает в заседании арбитража (суда). При при-

³ См.: Афанасьев Л. Совершенствование претензионного порядка урегулирования споров.— Сов. юстиция, 1979, № 4, с. 22; Либерман Ф. Х. Доарбитражный порядок урегулирования хозяйственных споров нуждается в совершенствовании.— Сов. государство и право, 1983, № 1, с. 96—100; Останний И. М. Указ. соч., с. 16—18; Клеандров М. И. Совершенствование доарбитражного порядка урегулирования хозяйственных споров.— Правоведение, 1983, № 2, с. 80, 81.

⁴ СП СССР, 1973, № 23, ст. 128. В дальнейшем — Положение.

⁵ См.: Ст. 21 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик; Ст. 12 Закона о государственном арбитраже в СССР от 30 ноября 1979 г.— Ведомости Верховного Совета СССР, 1979, № 49, ст. 844; П. 8 ст. 63 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами от 5 июня 1980 г.— СП СССР, 1980, № 16—17, ст. 104.

знании претензионного порядка соблюденным искомое заявление рассматривается по существу⁶.

Согласно ч. 2 ст. 76 Основ претензии перевозчику могут предъявляться в течение 6 месяцев, а претензии об уплате штрафов и премий — в течение 45 дней. Существенным нарушением претензионного порядка является предъявление претензий перевозчику по истечении установленного срока. Большинство транспортных уставов (кодексов) срокам на предъявление претензий придан характер пресекательных сроков. Это означает, что срок на предъявление претензий не может быть приостановлен, продлен, восстановлен⁷. Претензия, предъявленная с нарушением установленного срока, возвращается перевозчиком без рассмотрения.

В литературе вопрос о праве транспортных организаций рассматривать претензии, заявленные им по истечении установленных сроков, решен не единообразно. Так, М. К. Александров-Дольник⁸, Л. М. Гринберг⁹, М. С. Фалькович¹⁰ считают, что транспортная организация не должна рассматривать претензию, заявленную ей с пропуском установленно-

⁶ См.: П. 4 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 марта 1968 г. № И-1-9 «О практике разрешения споров, возникающих из перевозок грузов по железной дороге». — Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств, 1983, № 9, с. 18

⁷ См.: П. 15 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 марта 1968 г.; П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1969 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из перевозки грузов и багажа». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 1, с. 14; В п. 15 Инструктивного указания от 30 июля 1976 г. № И-1-23 «О практике разрешения споров, возникающих из перевозок грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном и водном сообщении» Госарбитраж СССР подчеркнул, что «сроки на предъявление претензий являются пресекательными и восстанавливать эти сроки арбитраж не вправе» (Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств, 1984, № 4, с. 37).

⁸ См.: Александров-Дольник М. К. Споры, вытекающие из правоотношений сторон в железнодорожных грузовых операциях. М., 1955, с. 117.

⁹ См.: Гринберг А. М. Право на иск из договора железнодорожной перевозки грузов. — В кн.: Вопросы советского транспортного права. М., 1957, с. 102, 103.

¹⁰ См.: Фалькович М. С. Предъявление иска в государственный арбитраж. М., 1971, с. 13.

го срока. Напротив, В. Т. Смирнов¹¹, Г. П. Савичев¹² допускают такую возможность. Однако все авторы приходят к единому выводу о том, что юрисдикционный орган не вправе рассматривать иск, даже если несвоевременно заявленная претензия была рассмотрена и удовлетворена транспортной организацией.

Нельзя согласиться с учеными, которые отрицают как право транспортных организаций рассматривать предъявленные им претензии по истечении установленных сроков, так и возможность разрешения в случае необходимости иска по такой претензии. Во-первых, в действующем законодательстве не содержится прямого запрета транспортным организациям рассматривать претензии, заявленные им с пропуском срока. Санкции за такие действия не установлены. Право перевозчика рассмотреть такую претензию по существу есть одно из проявлений диспозитивности в гражданских правоотношениях. Во-вторых, в самих транспортных уставах (кодексах) данный вопрос решается по-разному. Так, в ч. 3 ст. 110 ВК закреплено право воздушного перевозчика принять к рассмотрению претензию по истечении претензионного срока, если он признает уважительной причину пропуска претензионного срока. В-третьих, пресекающее действие претензионного срока, а именно на это ссылаются ученые, отрицающие возможность принятия и рассмотрения арбитражем (судом) иска, если был нарушен претензионный срок, само по себе не может являться достаточным основанием для отказа в рассмотрении иска. Истечение претензионного срока, противоправное виновное неосуществление своего права отправителем или получателем груза и отказ должника (перевозчика) в удовлетворении требований заявителя в связи с истечением срока на предъявление требований — те юридические факты, которые погашают и процессуальные, и материально-правовые требования заявителя претензии. Нормативно пресекающее действие претензионному сроку придано лишь в отношении одной стороны, воспользоваться которым другая сторона (перевозчик) вправе, но не обязана.

¹¹ См.: Астановский Г. Б., Смирнов В. Т. Контейнерные перевозки на железнодорожном транспорте. М., 1976, с. 139, 140; Смирнов В. Т. Грузовые перевозки в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении. М., 1981, с. 103.

¹² См.: Савичев Г. П. Ответственность за ненадлежащее выполнение плана и договора перевозки грузов. М., 1973, с. 108, 109.

Не является единообразной и арбитражная практика при определении судьбы иска, претензия по которому была заявлена и рассмотрена с пропуском срока. Длительное время Госарбитраж СССР отрицательно относился к возможности рассмотрения таких исков. Его позиция была закреплена в Инструктивном указании от 29 марта 1968 г. В п. 4 было разъяснено, что арбитраж обязан «проверять соблюдение истцом установленных... сроков предъявления претензий к железной дороге» и при выявлении нарушений данных сроков отказывать в приеме искового заявления. Однако при разрешении конкретных дел Госарбитраж СССР указывал, что грузоотправитель и грузополучатель вправе обратиться с иском к перевозчику, если тот рассмотрел по существу и отклонил претензию, предъявленную с нарушением установленного срока. При этом такой иск должен рассматриваться на общих основаниях, поскольку действующее законодательство не предусматривает исключений из этого правила для случаев, когда претензия была предъявлена перевозчику с нарушением установленного срока¹³.

Более последовательно решается этот вопрос в судебной практике. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что претензионный порядок рассмотрения спора считается соблюденным, если претензия, заявленная по истечении установленного срока, была рассмотрена по существу и отклонена. В таком случае судья не вправе отказать в принятии искового заявления, а суд — прекращать производство по делу, и оно должно быть рассмотрено по существу¹⁴. Однако если претензия, заявленная по истечении установленного срока, будет рассмотрена по существу, но отклонена в связи с нарушением установленного срока, исковое заявление не должно приниматься к рассмотрению арбитражем (судом). Разногласия относительно основания отклонения претензии должны быть разрешены в заседании арбитража (суда).

Итак, следует прийти к выводу, что по действующему законодательству транспортные организации вправе рассматривать и удовлетворять претензии, заявленные им по истечении установленных сроков. Исполненное по такой претензии не может быть истребовано обратно. Такие иски арбитражем (судом) удовлетворяться не должны. Транспортные уставы (кодексы), где отсутствует норма, предусматриваю-

¹³ См.: Хозяйство и право, 1980, № 4, с. 90.

¹⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 4, с. 29; 1983, № 1, с. 28.

щая право перевозчика принять и рассмотреть претензию по истечении установленного срока, целесообразно дополнить правилом, аналогичным закрепленному в ч. 3 ст. 110 ВК. Спор о характере причин пропуска претензионного срока может быть разрешен арбитражем (судом). При неумажительности причин пропуска претензионного срока иск к перевозчику рассмотрению не подлежит.

Отказ арбитража (суда) в принятии искового заявления в связи с несвоевременным обращением отправителя или получателя груза к транспортной организации является процессуальной мерой. Санкций материально-правового характера за нарушение срока обращения с претензией к перевозчику транспортные уставы (кодексы) не устанавливают.

3. Требования к транспортной организации должны быть обособлены заранее установленными законодательством о грузовых перевозках документами. В этой связи транспортные уставы (кодексы) различают документы, подтверждающие право на предъявление претензии, и документы, подтверждающие само материально-правовое требование¹⁵. Различны правовые последствия их неприложения к претензии. Неприложение первых дает перевозчику право не принимать претензию к рассмотрению и немедленно или в течение 10 дней (при перевозках железнодорожным и автомобильным транспортом) возвратить заявителю. Не принимается к рассмотрению арбитражем в таком случае и исковое заявление. Согласно п. 5 Инструктивного письма Госарбитража СССР от 29 марта 1968 г. неприложение к иску документов, перечисленных в ст. 169 УЖД, является одним из оснований к от-

¹⁵ Документы, с наличием которых транспортное законодательство связывает право на обращение с претензией к перевозчику, а затем и право на иск в процессуальном смысле (накладная, грузовая квитанция, грузовая накладная, товарно-транспортная накладная, коносамент, накладная, квитанция о приеме груза, накладная квитанция и коммерческий акт, составляемый при нарушении договора грузовой перевозки на всех видах транспорта, за исключением автомобильного) выполняют и функцию доказательств, обосновывающих материально-правовые требования. Все остальные документы выполняют только функцию доказательств, подтверждающих и обосновывающих материально-правовые требования. К ним относятся: учетная карточка выполнения плана перевозок, различные акты (общей формы, экспертиз, технические), качественное удостоверение для скоропортящегося груза, документы, подтверждающие размер ущерба, ведомости подачи и уборки вагонов, памятка весовщика, график подачи судов и акт о непредъявлении груза и др. Количество доказательств и их содержание определяется характером правонарушения. Указанная классификация документов имеет значение только при предъявлении требований перевозчику.

казу в принятии искового заявления. Недостаточность вторых обязанности транспортной организации возратить претензию в установленный срок не порождает, поскольку это обстоятельство может быть выяснено лишь при рассмотрении претензии по существу. Необходимые документы могут быть затребованы перевозчиком дополнительно без возврата претензии. В случае недостаточности доказательств, обосновывающих требования заявителя, претензия возвращается без удовлетворения в связи с ее необоснованностью.

Документы, с наличием которых транспортные уставы (кодексы) связывают процессуальное право предъявления требований перевозчику, должны прилагаться к претензии только в подлиннике¹⁶. Если требуемые уставом (кодексом) документы не могут быть представлены в связи с неправомерным поведением перевозчика (отказ составить коммерческий акт, выдать справку о приеме груза к перевозке и т. п.), то к претензии должны прилагаться документы об обжаловании его действий. В отношении последних транспортное законодательство предусматривает жесткие правила, регулирующие порядок и сроки обжалования неправомерных действий перевозчика. Нормативно предусмотрено еще одно исключение из правила об обязательном приложении к претензии коммерческого акта. Так, при утрате коммерческого акта, который составлялся в связи с недостачей, порчей или повреждением груза при перевозке железной дорогой, получатель груза может предъявить претензию и без приложения коммерческого акта при условии, что в накладной сделана отметка о его составлении. Представлять доказательства утраты коммерческого акта не требуется¹⁷. Аналогичное правило действует при перевозке морским транспортом¹⁸.

Накладная (грузовая накладная, товарно-транспортная накладная, коносамент), коммерческий акт — документы, в принципе являющиеся незаменимыми. В литературе уже давно критикуется правило о правообразующем значении

¹⁶ При перевозках автотранспортом все документы должны прилагаться к претензии только в подлинниках (§ 9 Правил предъявления и рассмотрения претензий). Коммерческий акт при нарушении договора автомобильной перевозки грузов не составляется. Обстоятельства, свидетельствующие о несохранности груза, удостоверяются записями в товарно-транспортной накладной (ст. 157 УАТ).

¹⁷ См.: Хозяйство и право, 1979, № 11, с. 89.

¹⁸ См.: Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Союза ССР. М., 1973, с. 351, 357.

коммерческого акта¹⁹. Существующие исключения из императивного правила об обязательном приложении к претензии коммерческого акта, как указанные в самом транспортном законодательстве, так и допускаемые арбитражной практикой²⁰, позволяют предусмотреть в уставах (кодексах) возможность обосновывать обстоятельства, относящиеся к несохранности груза, любыми доказательствами, если коммерческий акт не был составлен вовсе или не может быть приложен к претензии в связи с его утратой, изъятием юрисдикционным органом в связи с совершением преступления и т. д.

Императивные правила об обосновании требований к перевозчику документами, указанными в транспортных уставах (кодексах), имеют односторонне-обязательный характер. Они установлены в целях обеспечения интересов перевозчика. Законодательство о грузовых перевозках прямо не запрещает транспортным организациям рассматривать претензии, к которым не приложены отдельные документы, обосновывающие как право обращения, так и само материально-правовое требование. Действия по рассмотрению таких претензий не могут признаваться противоправными.

Отклонение перевозчиком претензии со ссылкой на отсутствие требуемых транспортным законодательством документов (имеющих правообразующий характер) является достаточным основанием для отказа арбитража (суда) в принятии искового заявления. Так, в ч. 2 п. 5 Инструктивного письма Госарбитража СССР от 29 марта 1968 г. разъяснено, что в случае неприложения к иску документов, перечисленных в ст. 169 УЖД, в принятии искового заявления должно быть отказано. Однако если транспортная организация не воспользовалась своим правом не рассматривать такую претензию по существу, то арбитраж (суд), на наш взгляд, должен принять и рассмотреть исковое заявление.

Нарушения клиентурой претензионного порядка, выражающиеся в неприложении документов, указанных в уставах (кодексах), не препятствует рассмотрению перевозчиком такой претензии, поскольку он имеет соответствующие документы (коммерческий акт, грузовую накладную и т. д.). Госарбитраж СССР признал правильным решения Свердловского госарбитража, удовлетворивше-

¹⁹ См.: Александров-Дольник М. К. Договоры советского транспортного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1963, с. 28.

²⁰ См.: Сов. юстиция, 1968, № 4, с. 32; Хозяйство и право, 1980, № 8, с. 85.

го ряд исков о взыскании штрафов за невыполнение железной дорогой плана перевозок, несмотря на то, что к претензии не были приложены отдельные документы, предусмотренные УЖД и Правилами предъявления и рассмотрения претензий (Сов. юстиция, 1971, № 15, с. 3 обл.). При этом не были приняты во внимание возражения ответчика — отделения железной дороги о том, что грузоотправитель нарушил претензионный порядок, поскольку перевозчик не воспользовался своим правом не принимать к рассмотрению претензию, если к ней не приложены необходимые документы. В данном случае их отсутствие не явилось препятствием к рассмотрению перевозчиком претензий по существу. Неприложение отдельных документов к иску при условии, что претензия по существу рассматривалась, не препятствует арбитражу (суду) принять и рассмотреть исковое заявление. Данные органы могут затребовать от перевозчика в случае необходимости недостающие документы для подтверждения возражений по иску.

Жесткое нормирование правовых последствий нарушения сроков предъявления претензий, неприложение отдельных требуемых законодательством о перевозках документов справедливо критикуется в литературе²¹. Часто указанные нарушения вызываются причинами, которые нельзя не учитывать, в том числе и виновным поведением самого перевозчика²². При разрешении исков в таких случаях арбитражи вынуждены отступать от требований, содержащихся в транспортном законодательстве и Инструктивном письме Госарбитража СССР от 29 марта 1968 г. Поэтому с целью легализации арбитражной практики целесообразно, чтобы Госарбитраж СССР дал разъяснение о том, что при оценке нарушения претензионного порядка разрешения споров, возникающих из обязательства перевозки грузов, арбитражи должны руководствоваться ст. 37 Основ. На наш взгляд, правила ст. 37 Основ, ст. 222 ГК РСФСР имеют универсальное значение в советском гражданском праве и должны применяться при нарушении любой гражданско-правовой обязанности, в том числе и к обязанности непосредственного урегулирования хозяйственных споров до обращения в арбитраж.

²¹ См.: Афанасьев Л. Совершенствование претензионного порядка..., с. 22, 23; Либерман Ф. Х. Доарбитражный порядок урегулирования хозяйственных споров..., с. 98, 99.

²² См.: Быков А. Г. Предприятие и транспорт. М., 1973, с. 94; Хозяйство и право, 1983, № 9, с. 87.

раж (суд). Такое разъяснение могло бы быть в качестве дополнения включено в Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 6 октября 1969 г. № И-1-33 «О практике применения арбитражами ст. 37 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»²³. При существующем широком понимании вины социалистических организаций вряд ли имеются основания опасаться ослабления требовательности к нарушителям претензионного порядка. Применение ст. 37 Основ позволит возлагать ответственность на перевозчика в тех случаях, когда отдельные нарушения претензионного порядка клиентурой формально позволяют ему избежать ответственности. Если претензия перевозчиком была рассмотрена по существу, несмотря на отдельные нарушения претензионного порядка (нарушен претензионный срок, не приложены некоторые документы, нарушена форма переуступки права заявить претензию и иск и т. п.), вопрос о вине не должен ставиться и исследоваться как не имеющий правового значения.

Спорным представляется вопрос о правовом значении учетной карточки выполнения планов перевозок. Так, Л. Афанасьев пишет, что «предъявление к органу железнодорожного транспорта претензии за невыполнение планов перевозок грузов без карточек учета выполнения планов приравнивается к непредъявлению претензии». Аналогичное положение, по его мнению, существует и на автотранспорте, но при условии, что претензия в связи с нарушением плана перевозок возвращается автотранспортным предприятием в десятидневный срок без рассмотрения²⁴.

Действительно, на первый взгляд законодательство о перевозках дает некоторые основания для такого утверждения. Однако оно представляется недостаточно обоснованным, поскольку сделано без учета положений Правил составления учетных карточек выполнения месячного плана перевозок грузов. Согласно указанным Правилам, действующим на всех видах транспорта, учетная карточка ведется в одном экземпляре, а по требованию грузоотправителя (грузополучателя) — в двух экземплярах, один из которых находится

²³ См.: Систематизированный сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М., 1976, с. 70.

²⁴ См.: Афанасьев Л. Совершенствование претензионного порядка..., с. 22.

у него²⁵. Следовательно, законодательство не устанавливает обязанность ведения учетной карточки в двух экземплярах. Но тогда будет неправомерным требование об обязательном приложении к претензии подлинной учетной карточки, а именно такое требование закреплено в Правилах предъявления и рассмотрения претензии при перевозках автотранспортом (пп. 9, 13). При невозвращении претензии, к которой не приложена подлинная учетная карточка в 10-дневный срок, претензия считается принятой к рассмотрению (п. 14 Правил). Следовательно, из самого автотранспортного законодательства не вытекает принципиальная недопустимость принятия и рассмотрения претензии, если к ней не приложены подлинные транспортные документы.

При перевозках внутренневодным транспортом учетная карточка составляется в двух экземплярах, один из которых находится у грузоотправителя. Однако Правила предъявления и рассмотрения претензий не закрепляют обязанность грузоотправителя обосновывать требования, возникающие в связи с нарушением плана перевозок, подлинной учетной карточкой.

Изложенное дает основание отрицать правообразующее значение учетной карточки, которая, на наш взгляд, является только документом, подтверждающим само материально-правовое требование. Практически это означает, что претензия может быть обоснована копией учетной карточки, фотокопией и т. д. После долгих колебаний по этому пути пошла арбитражная практика, хотя о ее стабильности в данном вопросе говорить рано. Так, по одному из дел Госарбитраж СССР указал, что претензия к железной дороге о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок может быть предъявлена на основании фотокопии учетной карточки. По мнению Госарбитража СССР, которое, на наш взгляд, является правильным, «представление подлинных учетных карточек, согласно действующим на транспорте правилам, не являются обязательным»²⁶.

4. По общему правилу с претензией и иском к транспортной организации в связи с нарушением ею обязательства перевозки вправе обратиться не всякое лицо, даже имеющее

²⁵ См., напр., п. 2 Правил составления учетной карточки выполнения плана перевозок, действующих на автотранспорте. Именно законодательство, регулирующее данный вид перевозок, имел в виду Л. Афанасьев, подчеркивая правообразующее значение учетной карточки.

²⁶ Хозяйство и право, 1979, № 1, с. 86.

юридический интерес, а лишь отправители и получатели грузов, обозначенные в транспортном документе.

Транспортное законодательство допускает возможность передачи права на предъявление претензии и иска. По правовой природе такая передача представляет собой сингулярное правопреемство в форме уступки права требования. Круг организаций, которым допускается уступка права требования в транспортных уставах (кодексах), определяется не единообразно, что вряд ли можно объяснить спецификой перевозочной деятельности отдельных видов транспорта. Все уставы (кодексы) предусматривают право уступки требования грузоотправителем грузополучателю, грузоотправителем и грузополучателем соответственно своим вышестоящим, а УВВТ и ВК — и нижестоящим организациям. Уступку права требования транспортно-экспедиционной организации предусматривают УЖД, УАТ и КТМ. По КТМ уступка права требования может быть произведена страховщику. Арбитражная практика допускает предъявление претензии и иска универсальными правопреемниками²⁷. Ст. 24 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами предусмотрено право вышестоящих по отношению к сторонам органов принимать участие в арбитражном процессе в случае предъявления иска в интересах подчиненных им предприятий, учреждений, организаций. Арбитражной практикой признается возможным предъявление претензий и исков вышестоящими по отношению к отправителям и получателям грузов органами, если претензия и иск предъявляются в интересах отправителя или получателя грузов, и последние входят в систему вышестоящего органа. Такие случаи следует отличать от предъявления претензий и исков вышестоящими органами по переуступочной надписи. Последние заявляют требования от своего имени и в своих интересах²⁸.

Поскольку допускается предъявление претензий и исков к перевозчику организациями, которым законодательство о грузовых перевозках такое право не предоставляет, было бы целесообразно закрепить эту возможность в соответствующих статьях транспортных уставов (кодексов).

²⁷ См.: Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. М., 1962, вып. 18, с. 51.

²⁸ См.: Фалькович М. С. Предъявление иска в государственный арбитраж. М., 1971, с. 46.

Действующее законодательство предусматривает жесткие требования к форме передачи права на предъявление претензии и иска к перевозчику. Передача должна быть удостоверена переуступочной надписью на транспортном документе: накладной (грузовой накладной, товарно-транспортной накладной, коносаменте), коммерческом акте, грузовой квитанции, подтверждена подписями руководителя и главного (старшего) бухгалтера передающей право организации и заверена печатью. Иное оформление уступки права требования, например отдельным документом, рассматривается как нарушение претензионного порядка, выражающееся в обращении с требованиями неууправомоченным лицом. Думается, что право на отказ удовлетворять требования по таким формальным мотивам является легально закрепленной возможностью избежать ответственности за совершенное правонарушение. Следует допустить использование в претензионном и исковом производстве по перевозкам грузов любых доказательств, подтверждающих уступку права требования при условии, что это не будет препятствовать разрешению спора по существу.

Законодательство о грузовых перевозках предусматривает возможность передачи права на предъявление претензии и иска. В свое время арбитражная практика не допускала передачи права предъявить иск к перевозчику без уступки права на предъявление претензии²⁹. Однако затем такая практика была изменена, и в настоящее время считается допустимым уступать право на предъявление как претензии, так и иска либо одновременно и того и другого³⁰, что, на наш взгляд, соответствует смыслу ч. 1 ст. 172 УЖД, ч. 1, ст. 161 УАТ, ч. 1 ст. 297 КТМ, ч. 1 ст. 221 УВВТ.

5. Соблюдение претензионного порядка, действующего на транспорте, предполагает заявление претензии надлежащей транспортной организации. Специфика грузоперевозочной деятельности обуславливает отличительную черту претензионной процедуры — ответчик на претензию, как и субъект ответственности, не обязательно является правонарушителем. Нормы транспортных уставов (кодексов), определяющих ответчика на претензию и иск, по характеру предписаний являются императивными (за исключением соответствующих правил ВК), по содержанию предписаний имеют

²⁹ См.: Сов. юстиция, 1963, № 4, с. 32.

³⁰ См.: Сов. юстиция, 1963, № 13, с. 31; Фалькович М. С. Предъявление иска в государственный арбитраж. М., с. 45.

значительные различия, которым вряд ли может быть найдено убедительное обоснование только в специфике грузоперевозочной деятельности отдельных видов транспорта.

Сопоставление норм транспортных уставов (кодексов), устанавливающих, к какой транспортной организации должна быть заявлена претензия в связи с нарушением обязательства перевозки, приводит к выводу, что диспозитивный характер данных норм в большей степени соответствовал бы интересам отправителей и получателей груза, поскольку претензия может быть предъявлена органу транспорта, находящемуся ближе к заявителю, что даст возможность более оперативно решать вопросы, связанные с предъявлением и рассмотрением претензии, и не ущемлял бы интересов перевозчика.

ВК 1984 г. субъекта, к которому может быть заявлена претензия, определяет диспозитивно. Согласно ч. 2 ст. 107 ВК претензии предъявляются к авиационному предприятию места отправления или места назначения по усмотрению заявителя претензии. Думается, что нет объективных препятствий для закрепления аналогичной нормы в других транспортных уставах, в КТМ.

6. В соответствии с ч. 2 ст. 76 Основ перевозчик обязан рассмотреть заявленную претензию и уведомить заявителя об удовлетворении или отклонении ее в течение 3 месяцев, в отношении претензий по перевозке, осуществляемой перевозчиками разных видов транспорта по одному документу, в течение 6 месяцев и претензии об уплате штрафа или премии в течение 45 дней.

В случае удовлетворения претензии в извещении указывается признанная сумма. Одновременно она должна быть перечислена на счет заявителя. Если претензия удовлетворена, но признанная сумма не перечислена, отправитель или получатель груза могут ее взыскать в принудительном порядке путем совершения исполнительной надписи нотариальной конторой на извещении об удовлетворении претензии. Исполнительная надпись совершается нотариальной конторой, если извещение представлено в пределах срока исковой давности (2 месяцев), который исчисляется с того дня, когда у взыскателя возникло право на принудительное взыскание, т. е. когда он узнал или должен был узнать о том, что признанная денежная сумма перевозчиком не перечислена. Практически это совпадает с моментом получения извещения о признании претензии, поскольку

к нему должны прилагаться доказательства перечисления на счет заявителя признанных сумм. Если данный срок давности пропущен, взыскатель вправе обратиться в арбитраж (суд) о его восстановлении в общем порядке. Претензионный срок традиционно трактуется как срок, в пределах которого управомоченное лицо вправе, а чаще — обязано обратиться к должнику с требованием о добровольном восстановлении нарушенного им права. Срок, установленный для рассмотрения претензий, к претензионному не относят, что, как представляется, не соответствует его природе. Срок на рассмотрение претензии является относительно самостоятельной частью единого претензионного срока, включающего срок на предъявление претензии и срок на ее рассмотрение.

Если претензия отклоняется перевозчиком, он должен уведомить заявителя об этом с указанием мотивов. При полном или частичном отклонении претензии все документы транспортная организация обязана вернуть заявителю, что обусловлено необходимостью обеспечения прав на обращение в арбитраж (суд). Нарушение перевозчиком данной обязанности не лишает заявителя возможности обратиться с иском в арбитраж (суд). При этом истец указывает в исковом заявлении причину непредставления документов, обосновывающих его требование. В этом случае арбитраж (суд) истребует соответствующие документы от перевозчика.

Действующее законодательство о грузовых перевозках не предусматривает санкций за нарушение перевозчиком обязанности дать ответ на заявленное к нему требование в установленный срок.

В литературе приводятся многочисленные факты нарушения транспортными организациями данной обязанности³¹. И, как свидетельствует арбитражная практика, именно по делам, когда ответ на претензию не был дан, иски удовлетворяются во всех случаях и в полном объеме заявленных требований³². Отсутствие материально-правовой санкции за нарушение указанной обязанности и уклонение от удовлетворения обоснованных требований не способствует борьбе

³¹ См.: Гараев И., Астахов Н. Унифицировать претензионные сроки.— *Хозяйство и право*, 1978, № 7, с. 27; Цветков М. Совершенствовать порядок доарбитражного урегулирования споров.— *Хозяйство и право*, 1982, № 6, с. 55; Кузнецов В., Максименко С. Изменить порядок урегулирования споров по железнодорожным перевозкам.— *Хозяйство и право*, 1981, № 9, с. 39; Останний И. М. Указ. соч., с. 16.

³² См.: Кузнецов В., Максименко С. Указ. соч., с. 39, 40.

с фактами нарушения претензионного порядка урегулирования споров. Поэтому в литературе предлагается установить санкцию за нарушение данной обязанности. Однако, как показывает практика применения аналогичной санкции, установленной Положением 1973 г., эффективность ее низка, и прежде всего в связи с незначительным размером. Усилить стимулирующее действие такой санкции можно не только путем повышения ее размера, но и прежде всего целенаправленным использованием существующих путей доведения применяемых санкций до виновных лиц. Заслуживает распространения практика применения санкций, установленных пп. 12, 14 Положения 1973 г., Томским госарбитражем. В решениях по конкретным делам руководству организации — истца или ответчика — предписывается решить вопрос о возмещении ущерба, понесенного организацией в связи с уплатой штрафа за нарушение претензионного порядка, за счет виновных лиц. При непоступлении в месячный срок выписки из приказа о возмещении ущерба конкретным лицом материалы передаются в прокуратуру для предъявления иска о возмещении ущерба должностным лицом, отвечающим за претензионно-исковую работу.

Если претензия отклонена или ответ на нее не получен в установленный срок, заявителю предоставляется два месяца на предъявление иска со дня получения ответа или истечения срока, установленного для ответа (ч. 3 ст. 76 Основ).

7. При сопоставлении претензионного порядка разрешения споров, установленного транспортными уставами (кодексами), и порядка предъявления и рассмотрения требований транспортных организаций, определяемого Положением 1973 г., обнаруживается отсутствие необходимой последовательности и логичности в регулировании однотипных отношений. Это прежде всего касается сроков предъявления претензий. По требованиям, возникающим из перевозки, клиентуре предоставляется 6 месяцев. Перевозчику для обращения с требованиями к отправителям и получателям грузов установлен 2-месячный срок. Едва ли можно найти достаточно убедительное обоснование существующего различия в сроках на предъявление претензий, возникающих из одного основания — обязательства перевозки.

Для рассмотрения претензий также установлены различные сроки. Положением 1973 г. клиентуре предоставляется 2 месяца, а законодательством о грузовых перевозках

транспортным организациям — 3 и 6 месяцев, при перевозках различными видами транспорта, и 45 дней по требованиям, возникающим из нарушения плана перевозок.

Существенно различаются претензионные сроки, установленные законодательством о перевозках и Положением 1973 г., по характеру своего действия и соотношению со сроками исковой давности. Транспортными уставами (кодексами) сроку на предъявление претензии, как отмечалось, придан характер пресекательного срока. Претензионный срок, предусмотренный в Положении 1973 г., пресекательным действием не обладает. Отправитель или получатель груза не вправе возвращать предъявленную им претензию по истечении установленного срока, без рассмотрения в связи с его пропуском. В отличие от Положения 1973 г. законодательство о грузовых перевозках санкций — мер ответственности за нарушение претензионных сроков не предусматривает. По транспортному законодательству претензионные сроки вынесены за пределы срока исковой давности. По Положению 1973 г. претензионный срок входит в срок исковой давности и течение их начинается одновременно.

Существенно различаются общие сроки, в пределах которых может быть восстановлено нарушенное право. Так, при нарушении плана перевозок транспортными организациями этот срок равен 5 месяцам, при нарушении договора перевозки — 11 месяцам и при перевозках различными видами транспорта — 14 месяцам. Однако с учетом времени прохождения претензионных и исковых материалов (доставка их органами связи, движение документов в арбитраже, время, необходимое для получения и реализации решения арбитража) указанные сроки удлиняются. По Положению общий срок защиты нарушенного права равен 6 месяцам.

В связи с нарушением договора перевозки претензии и иски могут предъявляться одновременно транспортной организации и, например, грузоотправителю. При этом реализация требований в отношении перевозчика должна осуществляться в порядке и в сроки, установленные законодательством о перевозках, а в отношении отправителя груза — в порядке и в сроки, установленные Положением (ст. ст. 16, 47 Основ). Поэтому возможны случаи, когда срок исковой давности для требований к отправителю оказывается меньше общего срока на предъявление претензий и иска к транспортной организации, и тогда срок на предъявление иска

отправителю окажется пропущенным. При таких обстоятельствах возникает необходимость восстановления пропущенного срока исковой давности. Госарбитраж СССР разъяснил, что решать вопрос в таком случае следует на общих основаниях, исходя из уважительности причины пропуска данного срока (п. 15 Инструктивного письма от 29 марта 1968 г.).

Различны основания нарушения претензионного порядка, при которых материально-правовые требования не обеспечиваются защитой юрисдикционных органов. Так, например, согласно п. 11 Положения не допускается предъявление иска в арбитраж или иной орган без обращения с претензией к другой стороне. Иск, заявленный с нарушением этого требования, возвращается без рассмотрения. По законодательству о перевозках иск возвращается без рассмотрения не только в указанном случае, но и в случаях предъявления претензии по истечении установленного срока, если не были приложены подлинные документы, дающие право обратиться с претензией к перевозчику.

Существенно различается порядок обоснования требований к перевозчику и последним к клиентуре. Для перевозчика данный порядок упрощен. В соответствии с п. 8 Положения 1973 г. к претензии прилагаются подлинные документы, подтверждающие предъявленные требования, или надлежаще заверенные копии этих документов. Право транспортных организаций на обращение с претензией и иском к клиентуре не обусловлено представлением заранее установленных документов. Круг и характер документов, прилагаемых перевозчиком к претензии и иску, определяется характером правоотношения. При этом перевозчик вправе не прилагать к претензии документы, которые имеются у отправителя или получателя груза, указав это в претензии.

Исходя из принципа равенства субъектов гражданского правоотношения, следовало бы предоставить такое же право и клиентуре. Так, если перевозчик вправе обосновывать свои требования об уплате штрафа за нарушение отправителем плана перевозок грузов копией учетной карточки, то такое право следует признавать и за отправителем, тем более что у транспортной организации всегда имеется первый экземпляр учетной карточки. Однако в арбитражной практике, как уже отмечалось, по данному вопросу не выработан единого подхода.

Необоснованно установлен различный порядок взыскания признанных, но не перечисленных за счет заявителя сумм. По Положению взыскание признанных сумм производится в более удобном для кредитора порядке: транспортная организация вправе по истечении 20 дней после получения ответа предъявить в банк распоряжение на списание в беспорном порядке признанной суммы с начислением пени за просрочку платежа. К распоряжению прилагается ответ должника.

Согласно Инструкции о безналичных расчетах в народном хозяйстве № 2 от 31 мая 1979 г. распоряжения на списание в беспорном порядке признанной должником суммы по претензии приравнивается к исполнительным документам (см. п. 668 «ж»).

В случае полного или частичного отказа в удовлетворении претензии или неполучения в срок ответа перевозчик вправе обратиться с иском в арбитраж в течение оставшегося до окончания 6-месячного срока исковой давности времени.

Существование двух правовых режимов реализации требований, возникающих из одного основания — обязательства перевозки грузов, порождает трудности в претензионно-исковой работе и правоприменительной практике³³, ослабляет дисциплинирующее значение норм законодательства о грузовых перевозках, в том числе норм, определяющих порядок защиты нарушенных прав социалистических организаций.

³³ См.: Гараев И., Астахов Н. Унифицировать претензионные сроки. — *Хозяйство и право*, 1978, № 7, с. 27; Афанасьев Л. Указ. соч., с. 22; Либерман Ф. X. Указ. соч., с. 96; Останний И. М. Указ. соч., с. 17; В некоторых случаях затруднение вызывает квалификация основания правонарушения — из перевозки или иного правоотношения. Так, например, неединообразной является арбитражная практика по делам о взыскании с перевозчика сумм, полученных им за груз, реализованный сторонней организацией. В одних случаях госарбитраж разрешал подобные дела, исходя из того, что основанием спора является нарушение перевозочного правоотношения, и, следовательно, при оценке соблюдения претензионного порядка руководствовался нормами транспортных уставов (кодексов) (см.: *Сов. юстиция*, 1964, № 1, с. 31; *Сов. юстиция*, 1971, № 3, с. 4 обл.). В других случаях госарбитраж исходил из того, что такие споры не относятся к перевозке, и разрешал их в общем порядке (см.: *Сов. юстиция*, 1972, № 5, с. 4 обл.). При едином порядке разрешения споров по перевозке и другим хозяйственным отношениям отпали бы трудности в определении основания возникновения спора.

В литературе уже высказывались различные предложения о конкретных путях совершенствования порядка реализации требований, связанных с нарушением обязательства перевозки грузов. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, представляется предложение о создании на базе существующего Положения 1973 г. специального кодифицированного нормативного акта, в котором решались бы общие для всех видов претензий вопросы их предъявления и рассмотрения, в том числе и применительно к перевозкам грузов. В данном нормативном акте можно было бы предусмотреть единые (1—2-месячные) сроки на предъявление претензий к участникам правоотношения грузовой перевозки. Срок на рассмотрение претензии транспортными организациями должен быть большим по продолжительности, однако не по всем требованиям, а только при нарушении обязательства перевозки, исполнение которого осуществлялось несколькими видами транспорта (например, 4 месяца), и, возможно, при утрате груза (например, 3 месяца). Во всех остальных случаях достаточно будет 2-месячного срока.

Санкции и иные правовые меры воздействия, предусмотренные в действующем праве за нарушение претензионного порядка разрешения споров, должны быть указаны в данном нормативном акте. Установленный в п. 17 Положения порядок взыскания признанных, но не перечисленных на счет заявителя сумм должен быть единым по всем видам требований; в том числе возникающим из перевозки.

В отношении споров по перевозкам следует предоставить арбитражу возможность признавать претензионный порядок соблюденным, несмотря на его отдельные незначительные нарушения, с тем, чтобы не допускать случаев освобождения перевозчика от ответственности при обоснованности требований по существу, а также закрепить право арбитража (суда) взыскивать истребуемые суммы в доход бюджета, если формальные нарушения претензионного порядка не позволяют удовлетворить требования истца, которые являются обоснованными по существу (например, ошибки при заполнении накладной, нарушение формы переуступки права требования и т. п.). Вопрос о характере нарушения претензионного порядка и правовых последствиях должен решаться исходя из конкретных обстоятельств дела.

Унификация сроков предъявления и рассмотрения претензий, сроков предъявления исков, правовых последствий их нарушений, а также единообразное решение иных вопро-

сов претензионного урегулирования споров по обязательству грузовой перевозки позволят последовательно осуществлять принцип юридического равенства субъектов в гражданских правоотношениях, усилить гарантии защиты нарушенных прав социалистических организаций.

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В НОВОМ ЖИЛИЩНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ

Принятие Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (ОЖЗ) и жилищных кодексов союзных республик (ЖК) — важный шаг в обеспечении реализации социально-экономической политики КПСС и закрепленного в Конституции СССР права граждан на жилище. Новое жилищное законодательство существенно расширяет жилищные права граждан и повышает уровень их гарантированности. В нем получили воплощение и нормативное закрепление ряд принципов советского жилищного права.

Одним из таких принципов является стабильность пользования жилыми помещениями в домах государственного и общественного жилищного фонда, а также фонда жилищно-строительной кооперации (ЖСК). Этот принцип обусловлен назначением жилища удовлетворять одну из насущнейших жизненных потребностей человека.

Стабильность пользования жилым помещением означает устойчивость, неизменность установленных жилищным законодательством и договором найма или определяемых состоянием членства в ЖСК, нормами жилищного законодательства и устава ЖСК условий пользования жилищем, недопустимость их одностороннего изменения или прекращения, кроме случаев, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик.

Стабильность устанавливается прежде всего в интересах граждан, испытывающих потребность в постоянном удовлетворении естественной потребности в жилище. Отраженно стабильность служит и интересам общества и государства, поскольку сознание гражданина, что ему принадлежит право пользования данным жилым помещением не временно, а постоянно, является важным фактором, стимулирующим

бережное отношение к жилищу, улучшение его и повышение комфортности, что способствует сохранности жилищного фонда.

Стабильность пользования жилым помещением — принцип, известный и прежнему нашему жилищному законодательству. Основы и жилищные кодексы расширили рамки его проявления и усилили гарантированность, что получило выражение в:

1) установлении правила, согласно которому жилые помещения в домах государственного и общественного жилищного фонда, а также в домах ЖСК предоставляются в бессрочное пользование (ст. 7 ОЖЗ);

2) отказе от такого основания изменения договора найма жилого помещения по требованию наймодателя, как наличие излишков жилой площади, т. е. отказе от принудительного изъятия излишков;

3) сокращении оснований выселения по требованию наймодателя без предоставления другого жилого помещения и установлении в самих Основах исчерпывающего перечня оснований такого выселения;

4) расширении круга оснований, по которым жилое помещение сохраняется за временно отсутствующими гражданами;

5) установлении правил о передаче освободившегося в общей квартире изолированного жилого помещения нанимателям, проживающим в этой квартире;

6) дальнейшем ограничении выселения в административном порядке;

7) запрещении, как правило, перевода пригодных для проживания жилых домов и жилых помещений в домах государственного и общественного жилищного фонда в нежилые (ст. 6 ОЖЗ)¹.

Прежде всего принцип стабильности получил юридическое закрепление в норме ст. 7 ОЖЗ, устанавливающей, что жилые помещения в домах государственного и общественного жилищного фонда, а также в домах жилищно-строительной кооперации предоставляются в бессрочное пользование.

Бессрочность — важнейшая составная часть права стабильного пользования жилищем, без которой нельзя говорить о наличии такого права в полном объеме. Поэтому,

¹ В настоящей статье анализируются только первые два положения.

когда пользование жилым помещением осуществляется на условиях срочности, не реализуется право на стабильное обладание жилищем, вытекающее из сущности конституционного права на жилище. В таком случае гражданин должен признаваться нуждающимся в улучшении жилищных условий. Сказанному соответствует признание проживания в общежитиях (за некоторыми исключениями) основанием нуждаемости в улучшении жилищных условий (ст. 29 ЖК РСФСР). Общежития, как указано в законе, могут использоваться для проживания граждан в период работы или учебы (ст. 39 ОЖЗ). Иначе говоря, проживание в общежитии носит временный характер.

Специальное назначение имеют служебные жилые помещения: обеспечивать жилищные потребности работников, которые в соответствии с выполняемыми ими трудовыми функциями должны проживать по месту работы или вблизи от него. Следовательно, целевая направленность предоставления гражданину служебного жилого помещения состоит в создании объективных условий для наилучшего выполнения работником его служебных функций в соответствии с интересами данной организации. Как только работник прекратил трудовые отношения с организацией, в связи с которыми ему было предоставлено жилое помещение, он подлежит выселению из этого помещения без предоставления другого жилого помещения (ст. 40 ОЖЗ). Пользование служебным жилым помещением, следовательно, сохраняется, пока гражданин выполняет определенные трудовые функции, и не может быть признано бессрочным. Поэтому, строго говоря, в случаях проживания в служебном жилом помещении не реализуется право на стабильное пользование жилищем. Однако проживание в служебном жилом помещении не признается жилищным законодательством основанием нуждаемости в улучшении жилищных условий.

Нормы гражданских кодексов, как правило, устанавливали, что договор найма жилого помещения в домах государственного и общественного жилищного фонда должен заключаться сроком на 5 лет. Вместе с тем за нанимателем по истечении срока договора признавалось право на его возобновление (ст. 328 ГК РСФСР) при условии, что наниматель добросовестно выполнял свои обязанности по договору. Наймодателю предоставлялась возможность оспаривания этого права в случаях систематического невыполнения обязанностей по договору. Практически использование наймодателем

этой возможности означало бы допустимость выселения без предоставления другого жилого помещения по основанию, не предусмотренному в нормативно установленном исчерпывающем перечне оснований выселения без предоставления другого жилого помещения. Поэтому практика не знала случаев прекращения жилищного правоотношения и выселения из домов государственного и общественного жилищного фонда в связи с истечением срока договора найма жилого помещения.

Тем не менее трудно переоценить значение законодательного закрепления бессрочности пользования жилыми помещениями в плане обеспечения стабильности пользования жилищем.

Важная роль в удовлетворении жилищных потребностей граждан принадлежит индивидуальному жилищному фонду, в связи с чем новое жилищное законодательство довольно подробно регулирует отношения пользования жилыми помещениями в этом фонде.

Принадлежащие на праве личной собственности жилые дома предназначены прежде всего для удовлетворения жилищных потребностей самих собственников и членов их семей. Часть жилой площади используется по договорам жилищного найма, для которых бессрочность по вполне понятным причинам не устанавливается. Однако истечение срока действия договора само по себе не признается основанием прекращения жилищного правоотношения и выселения, а изменение договора допускается только по соглашению сторон, за исключениями, установленными законом (ст. 128 ЖК ЛитССР, ст. 126 ЖК ЭССР, ст. 148 ЖК ГССР, ст. 143 ЖК УзбССР, ст. 157 ЖК БССР, ст. 166 ЖК УССР). Таким образом, стабильность права пользования жилым помещением предусматривается и в случаях найма в индивидуальном жилищном фонде, но с определенными ограничениями.

Жилищные кодексы большинства союзных республик сохранили правило о праве нанимателя на возобновление договора по истечении срока его действия, за исключением случаев, когда договор был заключен на срок не свыше одного года с обязательством освободить помещение по истечении этого срока (ст. 135 ЖК РСФСР, ст. 132 ЖК КазССР, ст. 161 ЖК БССР, ст. 145 ЖК ТаджССР, ст. 148 ЖК ЛатвССР, ст. 129 ЖК ЭССР, ст. 131 ЖК ЛитССР, ст. 152 ЖК ГССР, ст. 146 ЖК УзбССР). По ЖК РСФСР, ЛатвССР, БССР наниматель не вправе требовать возобнов-

ления договора также, если судом будет установлено, что помещение необходимо для личного пользования собственника дома и членов его семьи. По кодексам ряда республик (Литовской, Эстонской, Казахской, Таджикской, Грузинской, Узбекской) при наличии этого обстоятельства, а также в случае систематического невыполнения нанIMATEЛЕМ обязанностей по договору собственник вправе отказаться от возобновления договора, предупредив об этом нанимателя за три месяца до истечения срока договора.

Включение в ЖК в качестве самостоятельного основания отказа нанимателю в возобновлении договора и прекращения жилищного правоотношения систематического нарушения обязанностей по договору наряду с систематическим невнесением платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги, а также основаниями, указанными в ч. 1 ст. 38 ОЖЗ, едва ли оправдано, поскольку соответствующая норма практически не выполняет социальной функции.

Жилищный кодекс РСФСР не связывает право наймодателя отказаться от возобновления договора с его обязанностью предупреждать нанимателя об этом за определенный срок до окончания его действия. В этом кодексе нет также правил о расторжении договора найма жилого помещения, заключенного без указания срока, а также о последствиях продолжения пользования нанимателем помещением по истечении срока договора с согласия наймодателя или если им не оспорено право нанимателя на возобновление договора.

Жилищные кодексы других республик (Казахской, Эстонской, Молдавской, Латвийской, Украинской) устанавливают, что в случаях, когда договор найма жилого помещения был заключен без указания срока, то собственник вправе потребовать его расторжения в судебном порядке, если жилое помещение, сданное внаем, необходимо для личного проживания собственника дома и членов семьи. ЖК ЛатвССР (ст. 148) признает договор возобновленным на неопределенный срок, если наниматель по истечении срока договора продолжает пользоваться помещением с согласия собственника или если он не воспользовался правом отказаться от возобновления договора.

Отсутствие в ЖК РСФСР правил, обязывающих наймодателя предупреждать нанимателя до истечения срока договора об отказе от возобновления договора, об условиях

расторжения договора, заключенного без указания срока, следует признать пробелом.

В связи с этим можно предложить следующие рекомендации:

1) поскольку наймода́тель не обязан предупреждать нанимателя об отказе от возобновления договора, суд может использовать право отсрочить исполнение решения о прекращении жилищного правоотношения и выселении, если это вызывается обстоятельствами дела;

2) что касается случаев заключения договоров без указания срока, то, если наниматель пользуется предоставленным по договору жилым помещением более одного года, его расторжение допустимо по тем же основаниям, по которым возможен отказ в возобновлении договора, заключенного на срок свыше одного года. Если пользование жилым помещением не превышает одного года, его расторжение возможно по аналогии со ст. 278 ГК при условии предупреждения нанимателя за три месяца.

Стабильность пользования нанимателем жилым помещением в доме личного собственника обеспечивается также нормами, определяющими последствия перехода права собственности на дом.

Жилищные кодексы предусматривают правило, согласно которому при переходе права собственности на дом (часть дома), в котором находится сданное внаем жилое помещение, к другому лицу, договор найма сохраняет силу для нового собственника (ст. 135 ЖК РСФСР, ст. 170 ЖК УССР, ст. 132 ЭССР, ст. 133 КазССР, ст. 141 МолдССР, ст. 151 ЛатвССР), который вправе отказаться от возобновления договора, а также требовать расторжения договора и выселения нанимателя по тем же основаниям, что и прежний собственник.

В кодексах МолдССР (ст. 135), ЛатвССР (ст. 146), ЭССР (ст. 126) специально оговаривается, что в случае смерти нанимателя, а по кодексу ЛатвССР и в случае его выбытия наймода́тель обязан заключить договор на оставшийся срок с одним из проживающих в сданном внаем помещении совершеннолетним членом семьи умершего. В кодексах РСФСР, КазССР нет об этом специальной оговорки. Но поскольку члены семьи нанимателя помещения в доме личного собственника приобретают равные с ним права и обязанности по договору (ст. 133 ЖК РСФСР, ст. 128 ЖК КазССР), то в случае смерти или выбытия нанимателя они

вправе требовать заключения договора с одним из них, достигшим совершеннолетия.

На усиление гарантированности стабильности пользования жилищем направлен отказ от принудительного изъятия излишков жилой площади, которое предусматривалось действовавшим законодательством в качестве одного из случаев одностороннего изменения условий пользования жилым помещением и договора найма жилого помещения.

Правила о принудительном изъятии излишков, как известно, применялись на практике, когда для этого имелись основания.

Принудительное изъятие излишков, а равно вселение самим нанимателем в излишнюю изолированную комнату гражданина по своему выбору (как альтернатива принудительного изъятия) неизбежно приводило к превращению квартиры, занятой одной семьей, в коммунальную или общую. Сохранение этого правила в новом жилищном законодательстве противоречило бы директиве XXVI съезда КПСС об осуществлении распределения новой государственной жилой площади, как правило, по принципу предоставления семье отдельной квартиры², получившей в Основах нормативное воплощение в ст. 18, а также сложившейся практике распределения жилищ.

Основы жилищного законодательства (ст. 32) и в соответствии с ними жилищные кодексы ряда союзных республик (РСФСР, ЛатвССР, ЭССР, КазССР и др.) предусматривают единственную возможность избавиться от излишков: наниматель вправе с согласия членов семьи требовать от исполкома местного Совета народных депутатов, от предприятия, учреждения, организации (в зависимости от принадлежности дома) предоставления ему в установленном порядке жилого помещения меньшего размера взамен занимаемого. Гарантий этого права закон не устанавливает. По прямому указанию Пленума Верховного суда СССР не подлежат судебному рассмотрению требования граждан о предоставлении жилого помещения меньшего размера взамен занимаемого³.

Ни в Основах, ни в жилищных кодексах названных союзных республик не содержится указаний о праве нанимателя

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 181.

³ См.: П. 1 постановления № 8 от 9 декабря 1982 г. «О практике применения судами Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик». — Бюллетень Верховного суда СССР, 1983, № 1.

на вселение в излишнюю изолированную комнату гражданина по своему выбору (о праве на «самоуплотнение»). При обсуждении проекта Основ высказано соображение, что этот вопрос остается открытым⁴.

Уже после принятия Основ Ю. Г. Басин отметил, что законодатель отказался не только от принудительного изъятия излишков, но и от другого способа изъятия излишков, который предусматривался для домов местных Советов,— признания за нанимателем права на вселение в излишнюю изолированную комнату гражданина по своему выбору⁵.

Верно, конечно, что Основы не предусматривают этот способ изъятия излишков. Но в них нет и запрета. Представляется, что запрещение нанимателям «самоуплотнения» как способа избавиться от излишков не соответствовало бы в современных условиях потребностям жизни. В обоснование этого можно указать следующее.

Во-первых, ни местные Советы, ни предприятия, учреждения и организации практически не готовы удовлетворять требования нанимателей о предоставлении меньшего жилого помещения (в пределах жилищной нормы) взамен занимаемого. Для этого необходим соответствующий маневренный фонд жилых помещений, позволяющий предоставлять нанимателю определенный выбор жилого помещения взамен занимаемого, которым они не располагают.

Во-вторых, должны быть установлены юридические гарантии права нанимателя требовать предоставления меньшего по размеру жилого помещения. Кодексы УССР (ст. 90), ЭССР (ст. 74) предусматривают право нанимателя обжаловать отказ в исполнительный комитет вышестоящего Совета, в вышестоящий орган предприятия, учреждения, организации. Это право явно не обеспечивает требование квартиры меньшего размера. Пока эти два условия отсутствуют, возможность ликвидации излишков предусмотренным законом способом остается в значительной степени декларативной.

В этих условиях «самоуплотнение» как способ избавиться от излишков является в настоящее время более перспективным. Мы далеки от предположения о широком его ис-

⁴ См.: Сов. государство и право, 1980, № 9, с. 44.

⁵ См.: Басин Ю. Г. Гражданско-правовые формы обеспечения стабильности условий проживания граждан. — В кн.: Основы жилищного законодательства. Свердловск, 1981, с. 48.

пользовании, однако серьезных аргументов для его запрещения в тех многочисленных случаях, когда наниматель желает таким образом ликвидировать излишки, нет.

Возражение против использования этого способа может состоять в том, что «самоуплотнение» приведет к превращению используемой одной семьей квартиры в общую. Но его нельзя признать убедительным, поскольку в отдельных случаях наниматель может предпочесть «самоуплотнение» предоставлению меньшей по размеру квартиры, а также и в других случаях, когда он избирает этот способ не в качестве альтернативы принудительному изъятию излишков. Едва ли здесь можно усмотреть общественную вредность в действиях нанимателя как основание для отказа в использовании данного способа. Нельзя не учитывать и того, что жилищная проблема для многих пока еще остается острой, и «самоуплотнение» может явиться средством ее решения для некоторых граждан.

По приведенным соображениям представляется не только возможным, но и желательным при определенных условиях допускать «самоуплотнение» в качестве способа избавиться от излишков, по крайней мере в настоящее время, пока затруднено реальное осуществление права требования нанимателем предоставления жилого помещения меньшего размера взамен занимаемого, если даже в ЖК данной республики прямо не разрешено самоуплотнение. Такое решение не направлено в ущерб принципу стабильности пользования жилыми помещениями, поскольку связанное с ним изменение условий проживания происходит с согласия и по требованию гражданина, на охрану интересов которого прежде всего направлен этот принцип.

Следует отметить, что в жилищных кодексах ряда союзных республик (Литовской, Узбекской, Туркменской) предусматривается право заселения нанимателем излишней площади при определенных условиях другими гражданами.

ГАРАНТИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ВРЕМЕННО ОТСУТСТВУЮЩИХ ГРАЖДАН

И. Д. КУЗЬМИНА

Право пользования жилым помещением в домах государственного и общественного жилищного фонда по договору жилищного найма — это право на непрекращающееся (за исключением случаев, установленных законодательством Союза ССР) и неизменяющееся (за исключением случаев, установленных законодательством Союза ССР и союзных республик), бессрочное проживание в жилом помещении, а также право использования его в качестве служебного или общежития.

Проживание — это не только единственный допустимый законом способ извлечения полезных свойств жилого помещения, но и обязанность нанимателя и членов его семьи. Отсутствие названных лиц свыше шести месяцев в месте постоянного жительства может повлечь за собой установленное законом неблагоприятное последствие — утрату права пользования жилым помещением. Решающее значение при этом имеет причина отсутствия.

Законодательством определены две группы таких причин. Во-первых, временное отсутствие по уважительной причине. Правоприменительные органы, разрешающие споры о праве пользования временно отсутствующих граждан, не связаны каким-либо перечнем обстоятельств, являющихся уважительными. На практике чаще всего в качестве таковых признаются, например, препятствия в осуществлении права пользования, чинимые другими лицами. Во-вторых, в пп. 1—8 ст. 60 Жилищного кодекса (ЖК) РСФСР указаны конкретные обстоятельства, наличие любого из которых достаточно для безусловного сохранения права пользования жилым помещением за временно отсутствующим гражданином на срок действия причины, препятствующей

проживанию, а также в течение шести месяцев со дня окончания указанных в пп. 1—7 сроков (ч. IV ст. 60 ЖК РСФСР).

Жилищные кодексы союзных республик, развивая идеи Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (в дальнейшем — Основы), значительно усилили обеспеченность прав временно отсутствующих граждан, расширив перечень условий сохранения жилого помещения на срок свыше шести месяцев и воспроизвели положение Основ о судебном порядке признания лиц утратившими право пользования. Представляется, однако, что в отдельных случаях ЖК союзных республик не до конца исчерпали существующие в настоящее время возможности гарантирования жилищных прав временно отсутствующих граждан. Это относится, в частности, к сохранению жилой площади за детьми, помещенными на воспитание в государственное детское учреждение, к родственникам, опекунам или попечителям.

Жилищные кодексы большинства союзных республик предусмотрели сохранение права пользования за детьми на все время пребывания их в этом учреждении, у родственников, опекунов или попечителей при условии, что в жилом помещении, из которого были дети, остались проживать другие члены семьи. В противном случае, исходя из смысла закона, дети утрачивают право пользования по истечении шести месяцев временного отсутствия. При этом закон не предусматривает каких-либо особенностей в порядке признания утраты права пользования, и потому таковым остается общий судебный порядок. Жилищные права указанной категории лиц обеспечиваются возложением на исполкомы местных Советов обязанности предоставить детям по окончании срока пребывания их в государственном детском учреждении, а также по достижении совершеннолетия детей, возвратившихся от родственников или опекунов (попечителей), во внеочередном порядке жилую площадь. Этим лицам, в отличие от реабилитированных граждан, не гарантируется обеспечение жилой площадью равноценной ранее занимаемой. Предоставляемая им жилая площадь должна удовлетворять требованиям ст. 40 ЖК РСФСР и аналогичных статей ЖК других союзных республик.

Справедливость такого решения вопроса вызывает сомнение особенно в сравнении с новеллой жилищного законодательства о сохранении жилой площади за опекунами и попечителями в течение всего времени выполнения этих обязан-

ностей. Права на жилую площадь опекунов и попечителей, равно как и права всех остальных лиц, указанных в ст. 60 ЖК РСФСР, кроме детей-сирот, не ставятся в зависимость от того, остались ли в жилом помещении проживать члены их семей. Это в значительной степени ослабляет такой возможный аргумент, как «нецелесообразность» сохранения за детьми жилой площади в течение многих лет (до 10 и более)¹, так как во всех остальных случаях законодатель следует именно такой «нецелесообразности», гарантируя, например, сохранение жилой площади за опекунами (попечителями), которые в силу выполнения ими своих обязанностей могут отсутствовать в месте постоянного жительства в течение не менее долгих лет, чем опекаемые или подопечные.

Более последовательным в регулировании этого вопроса является ЖК ЭССР, ст. 60 которого предусматривает сохранение жилой площади за детьми, помещенными в государственное детское учреждение, к родственникам, опекунам или попечителям, в течение всего времени пребывания их в этом учреждении, у родственника, опекуна или попечителя. Жилое помещение, занимаемое детьми, передается во временное пользование другим гражданам. По возвращении детей из детского учреждения, от родственника, опекуна или попечителя им возвращается ранее занимаемое жилое помещение. Такое решение в большей степени гарантирует права детей, чем аналогичные нормы ЖК других союзных республик. В то же время им ущемляются права граждан, поселявшихся на жилую площадь временно отсутствующего. Их пользование носит временный характер. Положение этих лиц таково, что права одному можно предоставить только посредством прекращения прав другого. Законодатель стоит перед проблемой, чьим правам — временно отсутствующего или вновь поселяемого — оказать предпочтение. Прекращение наличного субъективного права временно отсутствующего лица, являющегося необходимой предпосылкой для возникновения стабильного права пользования вновь поселяемого гражданина, оправдано только тогда, когда для этого есть достаточно весомые основания (правонарушение, злоупотребление правом, выразившееся, в частности, в отсутствии по неуважительной причине). Думается, что пребывание в государственном детском учреждении,

¹ Маслов В. Ф. Защита жилищных прав граждан. Харьков, 1970, с. 129.

у родственников или опекунов (попечителей), являясь безусловно уважительной причиной отсутствия, не должно прекращать права пользования жилым помещением, из которого выбыли дети.

Неоднозначно в ЖК союзных республик решается вопрос о сохранении права пользования жилой площадью осужденными лицами. Ст. 60 ЖК РСФСР предусматривает сохранение права пользования у лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, ссылке или высылке, до приведения приговора в исполнение (при этом согласно ч. IV ст. 60 на них не распространяется правило о дополнительном шестимесячном сроке сохранения права пользования). Таким же образом аналогичные нормы сформулированы в ст. 66 ЖК ТаджССР, ст. 70 ЖК ЛатССР, ст. 66 ЖК ТуркССР и др. Следовательно, требование о признании лица, осужденного к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, ссылке или высылке, может быть заявлено с момента приведения приговора в исполнение, а срок сохранения жилого помещения может оказаться менее шестимесячного фактического отсутствия. Во-первых, это делает неоправданным помещение п. 8 в ч. II ст. 60 ЖК РСФСР, предусматривающую сохранение жилой площади за гражданами, отсутствующими свыше шести месяцев. Во-вторых, нарушает общее правило о том, что при временном отсутствии нанимателя и членов его семьи жилое помещение сохраняется за ними в течение шести месяцев независимо от причины отсутствия. Более удачным представляется урегулирование вопроса в ЖК ГрузССР, УзбССР и др. Так, согласно ч. III ст. 69 ЖК ГрузССР при осуждении нанимателя или члена семьи к лишению свободы на срок свыше шести месяцев, ссылке, высылке право пользования за ними сохраняется в течение шести месяцев со дня приведения приговора в исполнение. Аналогично вопрос решен и в ст. 67 ЖК УзбССР, но с добавлением к указанной выше категории лиц также и осужденных условно к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду.

Эти нормы реально гарантируют жилищные права осужденного гражданина в случае его возвращения на жилую площадь до отбытия наказания в полном объеме (условно-досрочное освобождение от наказания, замена наказания более мягким, освобождение от отбывания наказания и т. д.).

В связи с применением п. 8 ст. 60 ЖК РСФСР возникает вопрос о правовом положении лиц, осужденных к лишению

свободы условно с обязательным привлечением осужденного к труду в местах, определяемых органом, ведающим исполнением приговора (ч. 1 ст. 24² УК РСФСР), а также направленных в воспитательно-трудовой профилакторий на срок от 1 года до 2 лет (ст. 31¹ УК РСФСР). Последний вид наказания, как сказано в диспозиции статьи, применяется «вместо лишения свободы». В отношении лиц, осужденных к лишению свободы условно с обязательным привлечением к труду, постановление Пленума Верховного суда СССР от 25.03.64 (в редакции от 27.06.75) в п. 4 содержало указание о том, что к ним применима ч. 1 ст. 306 ГК РСФСР: «Шестимесячный срок, в течение которого за этими лицами сохраняется право на жилое помещение, исчисляется в этом случае со времени приведения приговора в исполнение». Постановление Пленума Верховного суда СССР от 9 декабря 1982 г. признает утратившим силу постановление от 25.03.64, но не содержит толкования интересующей нас нормы. Думается, что вопрос этот требует своего урегулирования в ЖК РСФСР.

Определяя перспективу оптимального решения, необходимо руководствоваться следующими соображениями. Специальная норма п. 8. ст. 60 ЖК РСФСР предназначена для случаев фактической невозможности пользования жилым помещением в связи с применением к гражданину, совершившему преступление, мер наказания, исключающих проживание в месте своего постоянного жительства. Этому признаку соответствует режим отбывания наказания условно с привлечением осужденного к труду, а также в воспитательно-трудовом профилактории. В первом случае осужденные обязаны проживать, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях (ст. 78² ИТК РСФСР) и работать там, куда будут направлены органом, ведающим исполнением приговора. Во втором — осужденный направляется в специальные исправительные учреждения для лиц, отбывающих наказание за бродяжничество, попрошайничество либо ведение иного паразитического образа жизни.

Следовательно, с точки зрения возможности осуществления права пользования жилым помещением положение указанных лиц имеет черты существенного сходства с положением осужденных к лишению свободы, что делает возможным и желательным одинаковое их урегулирование в ЖК РСФСР.

Предлагается следующая редакция п. 8 ст. 60 ЖК РСФСР: «8) осуждения к лишению свободы, условного осуждения к лишению свободы, с обязательным привлечением осужденного к труду на срок свыше шести месяцев, отбывания наказания в воспитательно-трудовом профилактории, ссылке, высылке — до приведения приговора в исполнение».

Изучение судебной практики по делам о признании лиц утратившими право пользования жилым помещением выявляет пробел в нормативном регулировании еще одного важного вопроса. Речь идет о возможности признания утратившим право пользования лица, возобновившего к моменту предъявления иска проживание на спорной жилой площади. В одних случаях суд отказывал в удовлетворении такого иска на том основании, что ответчики на момент предъявления иска уже более года живут в спорной квартире², в других — невзирая на это обстоятельство иск о признании лица утратившим право пользования удовлетворялся и выносилось решение о выселении из жилого помещения³. Встретилось дело, по которому суд вынес определение о прекращении производства за неподведомственностью. Факт возврата временно отсутствующего осужденного к лишению свободы на срок свыше шести месяцев в место постоянного жительства после отбытия наказания был расценен как самоуправное вселение. Истцу рекомендовано обратиться в прокуратуру за получением санкции на выселение ответчика в административном порядке⁴.

Для правильного решения вопроса необходимо выявить правовую природу сроков временного отсутствия. В литературе их обычно определяют как сроки пресекательные, но с некоторыми особенностями⁵. Эти особенности, однако, не позволяют некоторым авторам признавать за ними «правопогасительное» значение, поскольку их истечение автоматически не прекращает право пользования⁶.

Как известно, пресекательные сроки — это сроки, истечение которых погашает само субъективное право, они не восстанавливаются, не прерываются и не приостанавливаются.

² Архив Ленинского нарсуда г. Барнаула, 1982, дело № 2-805.

³ Архив Ленинского нарсуда г. Барнаула, 1982, дело № 2-1403.

⁴ Архив Калининского нарсуда г. Новосибирска, 1982, дело № 2-1808.

⁵ Толстой Ю. К. Советское жилищное законодательство. Л., 1974, с. 145; Марткович И. Б. Проблемы осуществления конституционного права на жилище. М., 1981, с. 24.

⁶ Маслов В. Ф. Указ. соч., с. 123.

ся, возможно лишь их продление в случаях прямо указанных в законе⁷. Часть V ст. 60 ЖК РСФСР предусматривает возможность продления срока сохранения права пользования в случае временного отсутствия. Однако до вынесения судебного решения по иску наймодателя или оставшихся проживать других постоянных пользователей жилой площадью наниматель и члены его семьи не признаются утратившими право на жилую площадь⁸. Само по себе истечение срока не влечет за собой прекращения права пользования. Следовательно, представляется неоправданным признание срока временного отсутствия пресекательным. Истечение пресекаемого срока влечет за собой прекращение права независимо от обращения в суд. Судебным решением он может быть продлен. Истечение же срока временного отсутствия не порождает таких правовых последствий. Думается, что законодатель придает этим срокам иное значение, а именно значение одного из юридических фактов, влекущих за собой возникновение права заинтересованных лиц требовать прекращения права пользования временно отсутствующего. В целом же такое последствие вызывается не одним только истечением срока. Важное значение имеет и причина отсутствия.

Таким образом, в основании возникновения права на признание лица утратившим право пользования лежит сложный фактический состав, содержание которого составляет истечение установленного в законе срока временного отсутствия и неуважительность причины отсутствия, а для случаев, специально предусмотренных в пп. 1—8 ст. 60 ЖК РСФСР, таковыми являются временное отсутствие лица по причине, указанной в них, и истечение установленных сроков. Условием реализации рассматриваемого права выступает судебное решение об удовлетворении иска о признании лица утратившим право пользования жилым помещением. До вступления судебного решения в законную силу отсутствующее лицо считается сохраняющим право пользования спорной жилой площадью. Поэтому возобновление фактического проживания на жилой площади до вынесения такого решения не есть самоуправное вселение. Однако факт вселения не может поколебать уже возникшее право требовать прекращения права пользования как субъективного граждан-

⁷ Комментарий к ГК РСФСР. М., 1982, с. 104.

⁸ Бюллетень Верховного суда РСФСР. М., 1981, № 1, с. 11.

ского права. Поэтому следует присоединиться к высказанной в литературе точке зрения о том, что само по себе возобновление проживания лица, отсутствующего сверх установленных сроков без уважительных причин, не имеет юридического значения для прекращения права пользования этого лица⁹. Эту точку зрения разделяет и Верховный суд СССР¹⁰.

Во избежание возможных разногласий при решении данного вопроса требуется некоторое дополнение норм, определяющих последствия признания лица утратившим право на жилую площадь. Ранее действовавшее законодательство, закрепляя возможность выселения нанимателя и членов его семьи только по основаниям, установленным законом, в качестве такого основания выселения без предоставления другого жилого помещения указывало отсутствие лица сверх сроков, установленных в ст. ст. 306—308 ГК РСФСР (ч. II ст. 333 ГК РСФСР). ЖК союзных республик вслед за Основами не предусмотрели такого основания выселения. Таким образом, возникла определенная незавершенность в регулировании последствия признания лица утратившим право пользования в ситуации, когда это связано с необходимостью выселения. Очевидность обоснованности выселения в указанных случаях — недостаточная причина для отказа в правовом регулировании. Необходима большая согласованность норм о последствиях временного отсутствия и выселении. Для этого в ст. 38 Основ следует предусмотреть такое основание выселения, как признание лица утратившим право пользования. Настоящее же состояние данного вопроса в законодательстве оставляет место для сомнений в принципиальной возможности выселения по основанию, не указанному в законе.

Сказанное относится к случаям, когда отсутствие гражданина в месте постоянного жительства является временным. Совершенно иные последствия выезда нанимателя и членов его семьи на другое постоянное место жительства. Этот факт влечет за собой расторжение договора жилищного найма со дня выезда (ст. 89 ЖК РСФСР).

В литературе довольно распространенным является мнение о том, что в рассматриваемом случае «договор считает-

⁹ Марткович И. Б. Указ. соч., 24; Левенсон С. Н. Возникновение, изменение и прекращение правоотношения по найму жилого помещения. М., 1968, с. 16.

¹⁰ Бюллетень Верховного суда СССР. М., 1984, № 1, с. 35.

ся прекратившимся со дня выезда нанимателя независимо от того, заявил ли последний о желании расторгнуть договор. Наймодатель не обязан обращаться в суд с требованием о расторжении договора»¹¹. Эта позиция представляется противоречащей действующему законодательству, по которому наниматель с согласия членов семьи вправе расторгнуть договор в любое время, а наймодатель — лишь по основаниям, установленным в законе и только в судебном порядке, кроме случаев выселения из домов, грозящих обвалом (ст. 35 Основ). В ситуации, когда наниматель, выехав для постоянного проживания в другое место жительства, не сделал наймодателю заявления о расторжении договора, наймодатель может потребовать этого только в судебном порядке. Суд, установив, что наниматель не проживал в связи с выездом на другое постоянное место жительства, своим решением предоставляет наймодателю возможность реализовать право на расторжение договора. Сам же факт выезда нельзя рассматривать в качестве действия нанимателя, специально направленного на расторжение договора (конклюдентное действие), поскольку из такого поведения лица с безусловностью не явствует его воля совершить сделку, т. е. расторгнуть договор жилищного найма. Напротив, как показывает изученная судебная практика, наниматели и члены их семьи могут всеми средствами стремиться избежать такого последствия. Таким образом, если при выезде наниматель выразил свою волю на расторжение договора жилищного найма, то со времени выезда на другое постоянное место жительства договор считается расторгнутым по воле нанимателя. В отличие от нанимателя наймодатель лишен возможности своими действиями в одностороннем порядке прекратить жилищные правоотношения. Необходимым условием этого является решение суда. Если наниматель не выразил своих намерений расторгнуть договор и прекратить право пользования, наймодатель вправе в судебном порядке реализовать свое право на расторжение договора с таким нанимателем.

Сроки отсутствия нанимателя, выехавшего на другое постоянное место жительства, значения не имеют, поскольку речь идет о совершенно особом основании прекращения жилищных правоотношений, отличного от последствий временного отсутствия. Неприменимы в этом случае и льготы, предусмотренные ст. 60 ЖК РСФСР. Основанием иска здесь яв-

¹¹ Комментарий к ГК РСФСР, с. 392.

ляется не временное отсутствие нанимателя, а выезд его на другое постоянное место жительства. При доказанности этого обстоятельства суд должен вынести решение о прекращении права пользования по основанию, указанному в ч. II ст. 89 ЖК РСФСР. Факт возвращения нанимателя и членов его семьи на спорную жилую площадь не может оказать влияния на судьбу иска, поскольку у наймодателя уже возникло право требовать прекращения отношений пользования жилой площадью в качестве субъективного гражданского права.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО СПОРАМ МЕЖДУ ПРЕДПРИЯТИЯМИ БЫТОВОГО ПРОКАТА И ГРАЖДАНАМИ

В. А. МОРШИНIN, В. Л. СЛЕСАРЕВ

Реализуя задачи, поставленные XXVI съездом партии, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли 24 марта 1983 г. постановление «О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения»¹. В нем подчеркивается, что главными направлениями в развитии бытового обслуживания должны быть расширение услуг по восстановлению потребительских свойств находящихся у населения изделий (ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовых машин и приборов, мебели, обуви и одежды, стирка белья, химическая чистка вещей); удовлетворение потребностей населения в услугах парикмахерских, бань, фотоателье, ателье проката предметов длительного пользования; изготовление изделий по заказам населения, отличающихся высоким качеством.

Важное место в бытовом обслуживании населения занимает договор бытового проката, на основании которого наймода-тель (предприятие бытового проката) предоставляет гражданину (нанимателю) во временное пользование за плату предметы домашнего обихода и другое имущество прокатного фонда. В соответствии со ст. 55 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик условия и порядок бытового проката устанавливаются законодательством союзных республик. По отдельным видам бытового проката советы министров союзных республик утверждают типовые договоры². Условия, нарушающие типовые договоры, ограничивающие права пользователей, недействительны.

¹ См.: СП СССР, 1983, № 8.

² Типовые договоры, правила предоставления имущества по договору бытового проката даны в кн.: Гражданское законодательство: Сб. нормативных актов. М., 1974, с. 515 и др.

Большое значение для правильного применения указанных норм имеет постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 3 сентября 1974 г. № 5 «О некоторых вопросах в практике судов РСФСР по гражданским делам, связанным с обслуживанием населения»³.

Подведомственность судам споров между гражданами и предприятиями бытового проката. Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 3 сентября 1974 г., разрешая в соответствии со ст. 129 ГПК вопрос о принятии заявления по гражданскому делу, необходимо проверить, подведомствен ли данный спор суду. При этом необходимо иметь в виду, что по ряду требований взыскание производится в бесспорном порядке на основании исполнительной надписи нотариальной конторы⁴. К ним относятся, в частности, требования о взыскании задолженности по оплате за пользование предоставленными предметами проката.

Следует отметить, что некоторую сложность представляет отграничение задолженности по наемной плате, взыскиваемой в бесспорном порядке, от убытков органов проката в виде неполученных доходов, споры о возмещении которых должен решать суд. За предметы проката, взятые на длительный срок, плата взимается за первый месяц — при оформлении договора, а за последующие — не позднее 5-го числа текущего месяца⁵. Невнесение этих последующих платежей образует задолженность, которая может быть взыскана в бесспорном порядке. Утраченная наемная плата, которую мог бы получить наймодатель за пределами обусловленного договором срока пользования вещью, является убытком в виде неполученного предприятием проката дохода, подлежащего взысканию в судебном порядке.

Убытки в виде неполученного дохода могут возникнуть как при нарушении обычного договора проката — при несвоевременном возврате вещи, так и при неисполнении длительного договора проката с рассрочкой платежа, например, из-за

³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного суда РСФСР. 1961—1977 гг. М., 1978, с. 132—138.

⁴ См.: СП РСФСР, 1976, № 7, ст. 56.

⁵ Данное правило, устанавливающее возможность заключения длительных договоров бытового проката с рассрочкой платежа, практически не применяется. При получении предмета проката нанятель обычно вносит предприятию проката полную стоимость найма за весь договорный срок проката, что существенно ущемляет его права.

несвоевременного возврата вещи в силу досрочного расторжения данного договора⁶.

Недостаточно четкое отграничение задолженности по наемной плате от убытков в виде неполученного дохода приводит в ряде случаев к нарушениям правил о подведомственности рассмотрения и разрешения гражданских дел. Так, некоторые нотариальные конторы Омской области взыскивают в бесспорном порядке убытки предприятий проката в виде неполученного дохода. Иногда народные суды не рассматривают исковые заявления о возмещении убытков, ошибочно полагая, что вопрос о взыскании требуемых сумм может быть решен нотариусом⁷.

На вопрос государственного нотариуса о его праве совершить исполнительную надпись на взыскание стоимости предметов бытового проката в случае невозвращения их гражданином отдел нотариата Министерства юстиции РСФСР разъяснил, что Перечнем документов на взыскание задолженности в бесспорном порядке предусмотрено взыскание с граждан задолженности по оплате за пользование предметами бытового проката. Следовательно, нотариус не вправе совершить исполнительную надпись на взыскание стоимости предметов бытового проката⁸. Весьма желательно, чтобы аналогичное разъяснение было бы сделано и относительно взыскания убытков в виде неполученного дохода.

Возврат предметов проката и взыскание убытков (штрафа). По истечении срока действия договора или при его досрочном расторжении наниматель обязан вернуть предмет проката наймодателю в том состоянии, в каком он его получил, с учетом нормального износа. При повреждении предмета проката, которое может быть устранено, наниматель уплачивает стоимость ремонта⁹. Если предмет проката приведен в полную негодность, наниматель возвращает однородный предмет, соответствующий по качеству и марке вышедшему из строя, или уплачивает его полную стоимость, тогда предмет проката переходит в собственность нанимателя.

⁶ См. ст. 289 ГК РСФСР.

⁷ См.: Дело № 2-1854 за 1982 г. Архив Ленинского районного народного суда г. Омска.

⁸ См.: Сов. юстиция, 1983, № 16.

⁹ Суды иногда выносят решения о взыскании в этом случае полной стоимости вещи (см.: Дело № 2-1609 за 1983 г. Архив Кировского районного народного суда г. Омска).

В случае возникновения спора о состоянии возвращаемого предмета проката вопрос решается государственной инспекцией по качеству товаров, бюро товарных экспертиз либо компетентным представителем незаинтересованной организации. Спор о состоянии возвращаемого инструмента (рояль, пианино) решается экспертизой.

В нарушение указанных правил нередко вопрос об объеме и характере взыскания решается судом на основании акта о годности вещи, составленного истцом. Так, организация бытового проката требовала взыскать стоимость сломанного холодильника, поскольку у нее отсутствуют запасные части, подлежащие замене. Суд вынес решение об удовлетворении иска, несмотря на то, что акт о причине и характере неисправности составлен в одностороннем порядке механиком организации проката, а ответчик утверждал, что холодильник фактически работает¹⁰.

При отказе или уклонении нанимателя от возврата предмета проката изъятие его, а также взыскание понесенных наймодателем убытков производится по иску последнего в судебном порядке.

Пленум Верховного суда РСФСР в п. 7 указанного постановления разъяснил, что, исходя из требований ст. 221 ГК, при разрешении спора, связанного с отказом вернуть предмет договора, следует учитывать, что обязательство должно быть исполнено в натуре. Однако истцы при невозврате вещи — предмета проката, как правило, предъявляют требования о взыскании стоимости вещи, которые обычно судами удовлетворяются. Более того, суды в ряде случаев взыскивают стоимость вещи даже тогда, когда в судебном заседании выясняется, что вещь находится у ответчика, но последний считает нецелесообразным ее возвращать¹¹. Встречаются аналогичные решения и тогда, когда ответчик в судебном заседании выражает согласие вернуть вещь наймодателю¹².

Стоимость невозвращенного имущества подлежит взысканию только в том случае, если оно утрачено или приведено в состояние, непригодное для эксплуатации. При отсут-

¹⁰ См.: Дело № 2-1609 за 1983 г. Архив Кировского районного народного суда г. Омска.

¹¹ См.: Дело № 2-731 за 1983 г. Архив Центрального районного народного суда г. Омска.

¹² См.: Дело № 2-1296 за 1983 г. Архив Кировского районного народного суда г. Омска.

ствии у нанимателя предмета проката с него, помимо убытков, взыскивается штраф в размере стоимости утраченного предмета проката, если наниматель не докажет отсутствие своей вины в утрате этого предмета. Данное положение включено в Типовые договоры постановлением Совета Министров РСФСР от 24 ноября 1981 г. «Об изменении и дополнении постановления Совета Министров РСФСР от 1 февраля 1965 г. № 181»¹³. Поскольку данная норма не имеет обратной силы, она может применяться лишь к договорам, заключенным или продленным после 24 ноября 1981 г. Требования о взыскании штрафа, вытекающие из договора, заключенного ранее и не продленного после 24 ноября 1981 г., удовлетворению не подлежат. Это положение не было учтено в 30 судебных решениях из изученных нами 288, в связи с чем с ответчиков были неправильно взысканы в виде штрафов значительные суммы.

Встречаются и иные ошибки при рассмотрении требований о взыскании штрафа. Так, по делу С. во взыскании штрафа было отказано, поскольку вещь у ответчика украдена. Между тем наниматель ничем не подтвердил отсутствия своей вины в утрате вещи¹⁴.

Поскольку штрафная ответственность установлена для предотвращения разбазаривания, присвоения социалистического имущества, очевидно, что поврежденные, испорченные, но представленные в натуре предметы проката нельзя считать утраченными и применять в этом случае кратную ответственность. Однако суды не всегда это учитывают. Так, с клиентки В. органы проката требовали 210 р. — стоимость сломанного и не принятого ими магнитофона, убытки в виде утраченной наемной платы за 260 суток — 156 р. и штраф в сумме 210 р. Во взыскании штрафа народный суд отказал, поскольку не нашел вины ответчицы в утрате магнитофона¹⁵. Между тем органам проката вещь была представлена в натуре, считать ее утраченной для применения кратной ответственности не было оснований.

Несмотря на возникшие трудности при применении штрафной ответственности, представляется, что ее установление явится существенной гарантией обеспечения сохран-

¹³ См.: СП РСФСР, 1982, № 2, ст. 4.

¹⁴ См.: Дело № 2-811 за 1983 г. Архив Первомайского районного народного суда г. Омска.

¹⁵ См.: Дело № 2-1241 за 1982 г. Архив Кировского районного народного суда г. Омска.

ности прокатного фонда, а также повлияет на сокращение распространеннейшей практики заявления исковых требований о взыскании только стоимости невозвращенного предмета договора¹⁶.

Неодинаково решается судами вопрос о периоде времени, который определяет размер утраченных организацией проката доходов. Некоторые суды взыскивают неполученные доходы лишь за 35 суток¹⁷. Такая практика обосновывается положением, содержащимся в п. 28 Правил предоставления во временное пользование гражданам имущества прокатного фонда, согласно которому с передачей дела в суд начисление для взыскания с нанимателя денежных сумм за наем предмета проката, а также начисление пени прекращается. При этом дело передается в суд не позднее 30 дней со дня, когда должен быть произведен очередной взнос за прокат предмета, и по истечении 5 дней после вручения предупреждения о передаче дела в суд¹⁸.

Между тем указанные положения касаются вопроса досрочного расторжения договора (в п. 3 ст. 289 ГК РСФСР указано, что наймодаделец по договору бытового проката может предъявить в суде требование о досрочном расторжении договора в течение одного месяца со дня истечения срока платежа), а также взыскания наемной платы за этот период. Отношения по возмещению убытков п. 28 указанных Правил не регулирует. Этому вопросу посвящен п. 29 Правил, не содержащий специальных сроков для предъявления исков о возмещении убытков в виде неполученных доходов¹⁹.

¹⁶ Данная новелла еще не получила должного анализа в литературе. Если в статье А. Ю. Кабалкина и В. П. Мозолина высказаны сомнения относительно условий применения данной штрафной ответственности (см.: Кабалкин А. Ю., Мозолин В. П. Охрана прав граждан — потребителей. — Сов. государство и право, 1983, № 4, с. 39), то в весьма интересной книге Я. Ф. Фархтдинова соответствующие положения изложены без учета изменений в законодательстве (см.: Фархтдинов Я. Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. Казань, 1983).

¹⁷ См.: Дело № 2-2412 за 1982 г. Архив Ленинского районного народного суда г. Омска.

¹⁸ См.: Баринов Н. А. О защите интересов граждан при возмещении убытков по договору бытового проката предметов домашнего обихода. — В кн.: Хозяйство, право, управление. Саратов, 1977, вып. 3, с. 123.

¹⁹ Нельзя назвать последовательной позицию по этому вопросу Я. Ф. Фархтдинова, который рассматриваемый срок определяет лишь как чисто инструктивный, установленный для работников предприятий

Большинство судов Омской области взыскивают утраченную наемную плату (неполученные доходы) и за пределами 35 дней, ограничивая ее взыскание лишь сроком исковой давности. Такая практика находится в полном соответствии с разъяснением Пленума Верховного суда РСФСР, данным в п. 9 постановления от 3 сентября 1974 г., где отмечается, что, определяя размер не полученных кредитором доходов, следует учитывать тот период, в течение которого имущество неправомерно находилось в пользовании должника.

Таким образом, при возврате вещи после истечения срока договора объем утраченных доходов определяется моментом возврата вещи организации проката. Если имущество утрачено и в силу этого не может быть возвращено, срок взыскания неполученных доходов должен определяться, очевидно, моментом заявления клиента организации бытового проката об утрате вещи. Например, организация проката предъявила иск о взыскании стоимости невозвращенной детской коляски и утраченной наемной платы за 1035 суток, который был удовлетворен. Данное решение было отменено в надзорном порядке за неисследованностью обстоятельств дела. Новое решение того же суда справедливо не предусматривало взыскания утраченной наемной платы, поскольку было установлено, что ответчица своевременно заявила о пропаже коляски и даже предлагала взамен утраченной другую коляску²⁰.

Иные решения находились бы в противоречии со ст. 224 ГК РСФСР, где, в частности, указано, что суд вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял мер к их уменьшению.

При взыскании неполученных доходов судам следует устанавливать причинную связь между нарушением договора и возникшими убытками. Не всегда последовательно этот вопрос решается применительно к вещам, имеющим сезонный характер пользования. Так, просрочка в возврате велосипеда «Уралец» составила 760 суток, в связи с чем

проката в целях обеспечения своевременности истребования прокатного имущества, нарушение которого не влияет на размер ответственности нанимателя (см.: Фархтдинов Я. Ф. Законодательство и судебная практика по некоторым видам бытового обслуживания. Казань, 1983, с. 97).

²⁰ См.: Дело № 2-1135 за 1983 г. Архив Советского районного народного суда г. Омска.

предприятие проката предъявило иск о взыскании стоимости велосипеда, а также утраченной наемной платы за указанное время. Поскольку требование о возмещении неполученных доходов заявляется без учета сезонного характера пользования предметом проката, оно не должно удовлетворяться в полном объеме²¹.

Отложение разбирательства дела и приостановление производства по делу. Отложение разбирательства дела представляет собой отсрочку его рассмотрения с назначением дня следующего судебного заседания по делу.

Как показывает практика, суд откладывает разбирательство указанной категории дел главным образом из-за неявки ответчиков. Зачастую суды не принимают достаточных мер к обеспечению явки сторон, что приводит или может привести к неправильному разрешению дела. Например, иск организации проката к С. был рассмотрен в отсутствие сторон, причем ни от истца, ни от ответчика не поступало заявления о возможности разбирательства дела без их участия²². Как важно добиться явки сторон в судебное заседание, видно из дела Ж., когда ответчик представил в суд доказательства, что истребуемую вещь он своевременно вернул²³. Из изученных нами 288 дел без ответчиков рассмотрено более 40. Решения по некоторым из них были отменены в кассационном либо надзорном порядке.

Судебное разбирательство может быть окончено в данном судебном заседании без вынесения решения по существу также при обстоятельствах, влекущих по закону приостановление производства по делу. В ст. 214 ГПК РСФСР предусматриваются обстоятельства, вызывающие обязательное приостановление производства по делу, в ст. 215 ГПК РСФСР — обстоятельства, при которых суд может, но не обязан приостановить производство. Однако в ряде случаев суды приостанавливают производство по делу по основаниям, в законе не предусмотренным. Например, по заявлению ответчика о том, что истребуемый телевизор находится у его

²¹ Суд взыскал утраченную наемную плату за весь период просрочки (см.: Дело № 2-1967 за 1982 г. Архив Первомайского районного народного суда г. Омска).

²² См.: Дело № 2-1587 за 1982 г. Архив Куйбышевского районного народного суда г. Омска.

²³ См.: Дело № 2-889 за 1983 г. Архив Ленинского районного народного суда г. Омска.

бывшей жены, суд приостановил производство по делу для проверки этого обстоятельства. После предъявления в суд акта об отсутствии телевизора по указанному ответчиком адресу иск был удовлетворен²⁴.

Окончание производства по делу без вынесения решения. Процессуальное законодательство предусматривает две формы окончания производства по делу без вынесения решения по существу спора: 1) прекращение производства по делу; 2) оставление иска без рассмотрения.

Суды в основном правильно прекращают производство по основаниям, установленным ст. 219 ГПК РСФСР, но по отдельным делам допускаются ошибки. Так, в исковом заявлении содержалось требование о взыскании телевизора и утраченной наемной платы. Однако после предъявления справки о возврате неисправного телевизора в пункт проката суд производство по делу прекратил, поскольку отпали основания иска²⁵. По данной категории дел суд оставляет иск без рассмотрения, как правило, если стороны, не просившие о разбирательстве дела в их отсутствие не явились без уважительных причин по вторичному вызову, а суд не считает возможным разрешить спор по имеющимся материалам.

Вместе с тем встречаются небрежно оформленные процессуальные документы, в том числе и определения суда об оставлении иска без рассмотрения. Так, по делу С. в определении суда указан в качестве предмета спора баян, между тем из представленных материалов видно, что спор шел о возврате телевизора²⁶.

Иные вопросы, подлежащие разрешению по спорам данной категории. В соответствии со ст. 90 ГК РСФСР на требования государственных организаций о возврате государственного имущества из незаконного владения колхозов и иных кооперативных и других общественных организаций или граждан исковая давность не распространяется. Следовательно, организации бытового проката вправе истребовать имущество прокатного фонда от граждан в любое время. Однако это правило не распространяется на требования о возмещении убытков. Здесь дей-

²⁴ См.: Дело № 2-839 за 1982 г. Архив Куйбышевского районного народного суда г. Омска.

²⁵ См.: Дело № 2-345 за 1982 г. Архив Куйбышевского районного народного суда г. Омска.

²⁶ См.: Дело № 2-1516 за 1983 г. Архив Ленинского районного народного суда г. Омска.

ствует общее положение о трехлетнем сроке исковой давности.

Истечение срока исковой давности является основанием к отказу в иске. Если суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности, нарушенное право подлежит защите. Между тем суды в своих решениях не всегда указывают причины восстановления срока исковой давности, иногда эти причины не подтверждаются материалами дела²⁷.

Как известно, гражданские дела могут возбуждаться по заявлению прокурора, причем если иск предъявляется в интересах предприятий, учреждений или организаций, они на основании ст. 33 ГПК РСФСР должны пользоваться правами юридического лица. В ряде случаев, как показывает практика, такие иски предъявляются в интересах пунктов проката, которые не являются юридическими лицами²⁸.

Защищая права и охраняемые законом интересы организаций бытового проката и их клиентов, суды должны руководствоваться принципом социалистической законности, неукоснительно соблюдать правила гражданского судопроизводства, правильно применять нормы материального права к установленным фактическим обстоятельствам.

²⁷ См.: Дело № 2-2358 за 1982 г. Архив Ленинского районного народного суда г. Омска.

²⁸ См.: Дело № 2-392; 2-396 за 1983 г. Архив Калачинского городского народного суда Омской области.

ИНТЕРЕСЫ КОЛХОЗНИКОВ И ИХ ПРАВОВОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИИ СССР

Н. А. ПАНКРАТОВА

Изучение решений XXVII съезда КПСС позволяет сделать важнейший в методологическом, теоретическом и практическом плане вывод: самой главной и существенной в решениях съезда является проблема человека, его счастье, свобода, развитие и совершенствование¹. С этих позиций особую значимость приобретают проблемы закрепления в праве интересов личности развитого социалистического общества, в частности проблемы закрепления в праве интересов колхозников.

На наш взгляд, здесь фокусируются такие различные по своему характеру явления, как уровень удовлетворения разнообразных запросов колхозников, их фактические возможности, состояние социальных регуляторов поведения, простота и эффективность реализации принадлежащих им прав, свобод, обязанностей. Проблема прав и обязанностей колхозников — формы юридического опосредования их интересов — тесно связана с такой актуальной проблемой, как соотношение заинтересованности и активности.

Характеризуя интересы колхозников и их правовое закрепление, следует четко разделять: а) интересы колхозников как сельских жителей, как работников сельскохозяйственного производства; б) специфические интересы колхозников, обусловленные связью их труда с колхозной формой собственности.

Социальные проблемы советской деревни и сельского образа жизни находятся в центре внимания, в частности, коллектива сибирских социологов². Эти исследователи

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.

² См.: Методологические проблемы изучения советской деревни. Новосибирск, 1978; Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

исходят из положения, согласно которому деревня рассматривается как подсистема общества, а сельский образ жизни — как проекция на человека комплекса условий сельской жизни³.

Одним из фундаментальных исходных предложений указанных работ явилась гипотеза о том, что определенные виды деятельности сельского жителя во взаимосвязи между собой образуют целостный образ жизни. Это труд в общественном производстве, труд в личном подсобном хозяйстве, бытовая деятельность, поведение в сфере образования (учеба, повышение квалификации), досуг, общественная работа и, наконец, территориальные перемещения — по работе, систематические поездки в другие населенные пункты на работу, на учебу, с потребительскими целями и т. п.

Исследования социологов показали, что образ жизни на селе не есть явление однородное. Напротив, он варьирует в разных социальных, демографических и профессиональных группах сельских жителей, в большей мере зависит от типа сельского поселения, степени его урбанизированности, включенности в связи с более крупными сельскими и городскими поселениями.

Результаты исследований показали, что для современного села типично переплетение традиционных сельских и нетрадиционных для деревни ценностей городского образа жизни в сфере трудовых занятий, быта, досуга.

Помимо общих черт, присущих психологии колхозников как интегрированной части сельского населения, для нее характерны, как отмечено выше, и свои особенности. Одним из важных факторов, обуславливающих специфику интересов колхозного крестьянства, является наличие колхозной формы собственности. Именно этот фактор является ключевым в существовании объективных различий между рабочим классом и колхозным крестьянством. В силу различий между двумя основными формами социалистической собственности в формах и источниках личных доходов представителей основных классов социалистического общества их личные материальные интересы по-разному согласуются с интересами общими, коллективными. Колхозник получает часть своих доходов в натуральной форме, обладает гораздо чаще, чем

³ Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск, 1979, с. 352.

рабочий (особенно рабочий городской промышленности и строительства), приусадебным хозяйством.

Следует учитывать также, что сейчас колхозник все еще находится в сложной системе отношений собственности, поскольку наряду с кооперативной собственностью он связан также со своим личным подсобным хозяйством и собственностью колхозного двора⁴.

Анализ литературы, а также собственное концептуальное видение проблемы позволяет нам изложить следующую характеристику основных интересов и потребностей колхозников. Весьма важно подчеркнуть, что все приведенные ниже интересы и потребности колхозников в основном, основном закреплены в Конституции СССР, конституциях союзных и автономных республик. Они, следовательно, получили политическое, государственное, юридическое признание.

Прежде всего, это интересы в труде и самореализации работника в процессе труда (выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, уровнем профессиональной подготовки, образования и с учетом общественных потребностей⁵. Этот интерес получает специфическое преломление у колхозников. Он включает интерес во владении общественной землей (ст. 40 Конституции СССР).

Далее, интерес в добросовестном труде работника в избранной им области общественной деятельности. Технологический процесс сельскохозяйственного производства является менее жестким по сравнению с технологическим процессом промышленности, а недоброкачественный труд (вследствие недобросовестности или недостаточной квалификации работника) не всегда может быть сразу же выявлен. Поэтому от людей, занятых в сельскохозяйственном производстве, требуется инициатива, творческая активность. Учитывая территориальную пространственность, разбросанность и отдаленность объектов, работнику необходимо иметь чувство самоконтроля, самоорганизации.

Интерес в познании непосредственно связан с наличием интереса к специальности, возможностью и необходимостью повышения квалификации трудящегося. Потребность познания проявляется также в ориентации, в том числе профори-

⁴ Кошоев З. К., Левитин Л. И. Правовая охрана колхозной собственности, Фрунзе, 1974, с. 15.

⁵ Кослапов Р. И. Коммунистический труд: природа и стимулы. М., 1968, с. 35.

ентации сельской молодежи и школьников на содержание и характер труда, возможность получения удовлетворенности от труда (ст. ст. 45, 46 Конституции СССР).

Творческое содержание труда, его соответствие способностям и склонностям человека способствуют развитию отношения к труду как к средству самоутверждения и общественного признания. В развитии интереса к квалифицированному труду, стремлении молодежи получить специальность, в профессиональной ориентации сельской молодежи большое значение имеет общественное мнение колхозного села. Стремление к образованию органически связано с получением специальности. Это обусловлено наметившейся тенденцией повышения интеллектуальности сельскохозяйственного труда, проникновением науки в производство.

Механизация и интенсификация сельского хозяйства требуют повышения общеобразовательной и специальной подготовки колхозников. В основе интереса к познанию могут лежать многие мотивы: интерес к избранной специальности или роду деятельности, желание повысить квалификацию, быть на уровне достижений науки и сельскохозяйственной практики, стремление не отставать от других, изменить свое социальное положение.

Введение всеобщего среднего образования и расширение профессионально-технической подготовки кадров привели к тому, что средняя продолжительность обучения вступающей в производство сельской молодежи в два раза превышает аналогичный показатель старшего поколения. При этом как школа, так и семья ориентируют молодежь на занятие квалифицированным трудом.

Универсальный характер имеет интерес колхозников в признании (ст.ст. 39, 40, 60 Конституции СССР). Для реализации интереса в признании необходима надлежащая система назначения на должность и выдвижения работников, система поощрения морального и материального характера, система справедливой оценки результатов труда работников. Важное значение имеют также надлежащие способы и стиль осуществления руководящих функций вышестоящими руководителями, применение ставок оплаты труда, соответствующих социальной оценке значимости выполняемой работы. Потребность в признании может удовлетворяться также посредством участия в общественной работе.

Интерес в признании выражается через интерес к труду, к различным видам трудовой деятельности, профессиям,

производственным показателям как к средству саморазвития и самовыражения, через стремление к почету и славе, общественному признанию, к достижению определенного положения и авторитета в группе или коллективе. Это интерес к повышению квалификации, интерес к получению моральной оценки труда со стороны коллектива⁶.

Интерес в ощущении социальной защищенности также носит универсальный характер. Этот интерес касается прежде всего уверенности в обеспечении работой и проявляется в ограничении или полной ликвидации связанных с работой негативных факторов, а также в социально-правовой охране интересов работников (ст. ст. 45, 57 Конституции СССР).

Важное значение для реализации данного интереса имеют перевод колхозников на гарантированную оплату труда, введение пенсий и пособий для колхозников, соблюдение социалистического принципа распределения по количеству и качеству затраченного труда, обозримая связь результатов труда и размера заработка каждого с конечными результатами производства.

Интерес в отдыхе, в рациональном использовании свободного времени (ст. 41 Конституции СССР) проявляется, в частности, в потребности овладения этическими сторонами жизни социалистического общества через чтение статей, брошюр и книг на различные темы, посещение лекций и бесед, просмотр теле- и радиопередач, кинокартин⁷. Колхозники, используя свободное время, проявляют интерес к образованию, научным и специальным знаниям; интерес к достижениям науки и техники; интерес к социально-экономическим и политическим проблемам и процессам, протекающим в стране и в мире; интерес к литературе и искусству, или художественно-эстетический интерес.

Интерес в охране здоровья (ст. 42 Конституции СССР) определяется естественной потребностью каждого человека к поддержанию своего здоровья на максимально высоком уровне. Наше государство проявляет неуклонную заботу о здоровье трудящихся. Например, общественные фонды потребления общественно-бытового назначения направлены в основном на удовлетворение интеллектуальных и социаль-

⁶ Водзинская В. В. Отношения молодого рабочего к своей профессии. — В кн.: Труд и развитие личности. Л., 1965, с. 99.

⁷ Коган Л. Н. Художественный вкус: Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1966, с. 7—8.

ных потребностей, в том числе на лечение и профилактику заболеваний трудящихся. Много делается для охраны здоровья путем обеспечения равномерной загруженности работой, ликвидации вредных перегрузок организма на тяжелых работах путем внедрения механизации, автоматизации. Разрабатываются и внедряются мероприятия по технике безопасности и охране труда.

В то же время следует отметить большие недостатки в охране здоровья сельского населения, связанные с недостаточным развитием медицинского обслуживания в деревне. Сельское население получает менее квалифицированную помощь по сравнению с городом, беднее материальная база сельской медицины по сравнению с городской, ниже обеспеченность больничными койками, не хватает аптек, недостаточно снабжение лекарствами⁸.

Интерес в повышении уровня оплаты труда (ст. 40 Конституции СССР). Материальные потребности проявляются в материальных интересах и материальной заинтересованности. Коллективные и социально-личностные материальные потребности непосредственно выступают стимулами производственной деятельности. Их расширение ведет к появлению потребностей в новых видах предметов потребления, а это развивает и укрепляет интерес к труду и заработку как средству удовлетворения потребностей. Каждый член общества осознает направленность своих материальных интересов как стремление к получению сумм материальных благ, необходимых для удовлетворения его материальных потребностей и культурных запросов. Интерес в повышении уровня оплаты труда определяется материальными потребностями и выступает как заинтересованность в оплате труда, в величине заработка, а также как заинтересованность в развитии общественного производства⁹. В условиях сельской жизни в связи с техническим прогрессом, развитием комплексной механизации и автоматизации производства использование индивидуального стимулирования все более затрудняется, поэтому распространяется и приобретает все большее значение стимулирование коллективной материальной заинтересованности. Вместе с тем преобладающим в сельском хозяйстве является материальное стимулирование

⁸ Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976.

⁹ Симуш П. И. Социально-экономические проблемы развития колхозов. М., 1973, с. 82.

ние работников не за конечные результаты труда, а за выполнение отдельных работ, поощрение скорее увеличения, чем снижения затрат на единицу продукции. Это является одной из причин замедленного роста производительности труда.

Формы стимулирования труда в сельском хозяйстве зависят от уровня механизации, почвенно-климатических условий, уровня экономического развития хозяйства.

Интерес в материальном обеспечении в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности (ст. 43 Конституции СССР). Сокращение размеров средней семьи, числа имеющих в ней детей, массовая миграция сельской молодежи в город разрушили тот тип экономических отношений между поколениями, когда содержание престарелых родителей падало на плечи взрослых детей. Сейчас основным источником существования престарелого населения деревни являются пенсии по старости, получаемые от государства и от колхозов. Размер минимальных пенсий сельским жителям установлен в расчете на получение дополнительного дохода от личных хозяйств. Однако ведение личных хозяйств возможно лишь при условии сохранения здоровья, обычно — только в первые пенсионные годы. Престарелые, а также лица, страдающие каким-либо заболеванием не будучи в состоянии вести собственное хозяйство, оказываются в тяжелом экономическом положении. Стоит отметить, что городские пенсионеры также зачастую имеют определенный доход от садово-огородных участков, но это не отражается на их пенсионном обеспечении.

Интерес в жилище (ст. 44 Конституции СССР). Рост духовных интересов и культурных запросов современных колхозников проявляется в новых материальных потребностях: в современном жилище, обстановке, предметах культурно-бытового назначения. Активное проникновение городского образа жизни в современное колхозное село создало необходимые предпосылки для улучшения удобства жилищ, не отличающихся от городских квартир.

Интерес в пользовании достижениями культуры (ст. 46 Конституции СССР). Данная потребность выражается через нравственно-этический интерес: интерес к литературе и искусству; художественно-эстетический интерес к художественной литературе, изобразительному и прикладному искусству, музыке, кино, телевидению; интерес к народному творчеству, самодеятельному искусству. Потребность

в пользовании достижениями культуры переплетается с потребностью в отдыхе, отраженной выше.

Таким образом, анализ основных интересов и потребностей колхозников дает нам основание сделать следующие выводы:

1. Внутреннее содержание интересов и потребностей колхозников имеет принципиальное единство с интересами и потребностями всех трудящихся.

2. Форма проявления интересов и потребностей колхозников имеет явно выраженные специфические черты.

3. Интересы и потребности колхозников нашли в основном адекватное отражение в их юридических правах и обязанностях.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ ГРАЖДАН

А. В. МАТУСЕВИЧ, Д. Е. ТАГУНОВ

Преобразование сел и деревень — одно из важнейших направлений деятельности КПСС и общенародного государства. Закрепление программы преодоления существенных различий между городом и деревней в ст. 19 Конституции СССР и соответствующих статьях конституций союзных и автономных республик свидетельствует о важности осуществления этой задачи в процессе коммунистического строительства. К формированию сельского поселения нового типа привлечены на новом правовом уровне все звенья советского государственного аппарата.

В условиях концентрации специализации сельскохозяйственного производства, создания агропромышленных комплексов формирование крупных сельских населенных пунктов, возможное лишь при значительном сокращении числа имеющихся сельских поселений, является объективной предпосылкой дальнейшего развития сельского хозяйства¹. Принципиальное экономическое и политическое значение изменения системы сельского расселения, создания в деревнях современного быта и преобразования сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального отмечалось на XXVI съезде КПСС, июльском (1978 г.) и майском (1982 г.). Пленумах ЦК КПСС.

Формирование сельского поселения нового типа — процесс сложный и многогранный, тесно связанный с экономическими, демографическими, архитектурными и иными проблемами. Основными критериями современной социалистической деревни должны быть соответствие нуждам сельского хозяйства и наличие комплекса возможностей удовлетворения духовных и материальных потребностей сельских труженни-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 52—53.

ков в соответствии с уровнем развития производительных сил развитого социалистического общества. Естественно, что решать такие сложные задачи следует комплексно, рассматривая этот процесс как систему, поскольку, учитывая постоянно возрастающую роль системного комплексного подхода в управлении, КПСС и Советское государство придают ему большое значение, используют для решения различных задач коммунистического строительства.

Успехи в развитии сельскохозяйственного производства и преобразовании сел и деревень неразрывно связаны с совершенствованием системы сельского расселения в целом. Преобладание мелких, хаотично разбросанных деревень является одной из характерных особенностей сельского расселения БССР. Расселение зависит прежде всего от способа производства и уровня развития производительных сил. Исходя из основных направлений развития сельскохозяйственного производства — специализации и концентрации, перевода его на индустриальную основу, необходимо сосредоточение населения в более крупных сельских населенных пунктах. Изменение сельского расселения состоит в укреплении сельских населенных пунктов при сокращении их числа. Однако средства производства неразрывно связаны с землей, и их невозможно впоследствии переместить без потери их первоначальной стоимости. Поэтому изменение системы расселения постоянно отстает от нужд производства.

По статистическим данным на 1 января 1983 г. 3 млн. 954 тыс. сельских жителей БССР проживают в 26 тыс. сельских населенных пунктов, причем в это число не включены хутора, которых насчитывается не менее 25 тыс. Половина сельских населенных пунктов насчитывает не более 50 дворов, а пятая часть — не более 10 дворов². Подобное расселение ведет к нерациональному использованию селитебной территории, затрудняет культурно-бытовое обслуживание населения, повышает эксплуатационные издержки. Формирование нового расселения диктуется рациональным использованием затрат на благоустройство населенных пунктов, что ведет к более полному удовлетворению духовных и материальных потребностей советских граждан.

Необходимой предпосылкой успешного решения задач преодоления существенных различий между городом и де-

² Народное хозяйство Белорусской ССР в 1982 г.: Стат. ежегодник. Минск, 1983, с. 3—5; 48—49.

ревней является, таким образом, совершенствование сельского расселения, изменение которого существенно влияет на снижение удельных затрат при создании сельских благоустроенных поселков и диктуется нуждами сельскохозяйственного производства.

Изменение системы сельского расселения существенно влияет на многие социально-экономические институты и сферы сельскохозяйственного производства. Одной из таких сфер является личное подсобное хозяйство граждан, имеющее в настоящее время большое значение, о чем говорят последние постановления партии и правительства. Наше общество заинтересовано в ведении личных подсобных хозяйств потому, что они производят значительную часть необходимой сельскохозяйственной продукции и являются до сих пор необходимой составной частью социалистической системы сельскохозяйственного производства. В связи с принятием Продовольственной программы СССР, утвержденной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, должно возрасти участие личных подсобных хозяйств в формировании общегосударственного продовольственного фонда, осуществляемого через государственные закупки в этих хозяйствах. Продукция, получаемая с этих участков — молоко, мясо, картофель, овощи, фрукты — является существенным вкладом в общественное производство. Так, в целом по стране в 1982 г. удельный вес производства основных сельскохозяйственных продуктов личными подсобными хозяйствами составил: картофеля — 63; овощей, молока, мяса — около 30; яиц — 31; шерсти — 24%³.

Каждая союзная республика имеет свои специфические особенности сельскохозяйственного производства (в том числе и в ведении личных подсобных хозяйств). Так, например, в Белорусской ССР в 1982 г. подсобными хозяйствами производилось примерно половина картофеля и овощей; 27% мяса, 33% молока, 17% шерсти и 45% яиц. Однако в целом по Союзу ССР и по отдельным республикам наблюдается тенденция к снижению производства сельскохозяйственной продукции личными подсобными хозяйствами граждан, а также численному сокращению самих хозяйств. В этой связи возникает ряд правовых проблем регулирования личных подсобных хозяйств.

³ Народное хозяйство в СССР в 1982 г.: Стат. ежегодник. М., 1983, с. 192.

Необходимо отметить, что личное подсобное хозяйство представляет достаточно сложное, однако недостаточно изученное наукой явление. В экономической литературе личное подсобное хозяйство иногда рассматривается исключительно как сфера личных интересов, между тем как оно является сферой как личных, так и общественных интересов. Анализ экономических отношений личного подсобного хозяйства необходим для правильного законодательного регулирования этих отношений социалистическим государством.

В юридической литературе в основном разрабатывались вопросы собственности колхозного двора, его правового положения, имущественные отношения членов личного подсобного хозяйства. Исследование этих вопросов до последнего времени имело, как правило, вспомогательный, прикладной характер при разработке других проблем различных отраслей права. Этой теме уделялось недостаточно внимания, несмотря на ту роль, которую личное подсобное хозяйство играет в сельскохозяйственном производстве и в общественном потреблении, а также в обеспечении населения сельскохозяйственными продуктами. Однако правовые аспекты взаимосвязи системы сельского расселения и ведения гражданами личных подсобных хозяйств практически не рассматривались в юридической и экономической литературе. Вместе с тем наличие такой связи очевидно.

Планируемое существенное изменение системы сельского расселения не может не повлечь и ряд изменений в личном подсобном хозяйстве по многим показателям этого социального явления. Социологические исследования позволили выявить некоторые из этих изменений. Оказалось, что условия сельскохозяйственного производства и сельского быта существенно влияют на отраслевую структуру личного подсобного хозяйства, а также спрос населения на продовольственные товары. В результате строительства крупных благоустроенных поселков зачастую затрудняется содержание скота в подсобных хозяйствах граждан. Скот продолжают содержать лишь на окраинах поселков в семьях, где преобладают люди преклонного возраста. В наиболее экономически развитых хозяйствах с благоустроенными поселками их жители содержат мало коров, овец, но больше откармливают свиней, выращивают птицу⁴.

⁴ Макарова И. Развитие личного подсобного хозяйства. — Экономика сельского хозяйства, 1979, № 1, с. 55.

Система сельского расселения изменяется очень интенсивно. Этот процесс является объектом специального правового регулирования и деятельности центральных и местных государственных органов. В БССР имеются значительные успехи в совершенствовании сельского расселения. Так, при активном участии местных Советов народных депутатов Госстроем БССР и проектными организациями республики разработана «Схема размещения и развития городских и сельских поселений Белорусской ССР до 2000 г.» (т. е. на обозримую перспективу), одобренная ЦК КПБ и Советом Министров БССР. Подготовлены и утверждены проекты и схемы районной планировки для всех областей и административных районов республики. Составлена и утверждена схема размещения 240 опорных пунктов системы сельского расселения. В них предусмотрена концентрация перерабатывающих предприятий, возведение широкого комплекса обслуживающих население учреждений и сооружений. Однако без должного внимания остается занятие гражданами подсобным хозяйством.

Схемами районной планировки в БССР к перспективному развитию намечено 2745 населенных пунктов. Планируется, что в каждом сельском населенном пункте будет проживать от полутора до трех тысяч жителей, что является достаточным для создания культурно-бытового комплекса, не уступающего уровню небольших городов⁵, а также для создания новой административно-территориальной единицы — сельского населенного пункта. Однако, на наш взгляд, в общем комплексе проблем, связанных с созданием благоустроенного сельского поселка, недостаточное внимание уделено вопросу организации личных подсобных хозяйств граждан. В настоящее время важнейшее значение придается практической организации сселения граждан из хуторов и неперспективных населенных пунктов в перспективные сельские населенные пункты. В этой связи встает ряд проблем организационно-управленческого характера, относящихся к личному подсобному хозяйству. Несомненно, что некоторые из этих проблем будут решаться в ходе выполнения Продовольственной программы СССР, где «предусмотрено опережающими темпами вести в колхозах, совхозах и других сельхозпредприятиях строительство благоустроенных жилых домов с хозяйственными постройками, детских дошкольных учреж-

⁵ Король В. Красиво и удобно. — Известия, 1979, 24 апр.

дений, клубов, библиотек и других объектов культурно-бытового назначения, предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, а также дорог. Предполагается: а) расширить индивидуальное строительство жилых домов в колхозах и совхозах; б) оказывать всемерную помощь застройщикам финансовыми и материальными ресурсами; в) предусматривать в планах выделение для этих целей необходимых строительных материалов; г) наращивать выпуск конструкций жилых домов усадебного типа, производство деревянных панельных домов и комплектов деталей для сельского строительства»⁶.

Существенное невыполнение планов сселения, принятых в установленном порядке, свидетельствует о недостатках как в деятельности местных Советов, так и в планировании. Другой не менее важной причиной является тот фактор, что при сселении законодателем недостаточно учитывается наличие подсобных хозяйств у граждан. Поскольку при сселении граждан с хуторов и неперспективных пунктов процессуальный порядок возмещения затрат при изъятии земель для государственных и общественных нужд не применяется, особое значение приобретают меры помощи сселяющимся, право первоочередного вступления в ЖСК, предоставление сселяющимся строительных материалов и т. д. Установление постоянного контроля за этим со стороны местных Советов, а также широкая агитация граждан, использование средств параллельного планирования, составление и утверждение максимально конкретных планов сселения с указанием по фамилиям сселяющихся граждан, размера освобождающихся земель, места сселения, мер помощи сселяющимся должны быть распространены повсеместно, кроме того, необходимо учитывать количество скота и птицы в подсобном хозяйстве граждан.

При сселении возможны различные варианты, зависящие от конкретных условий. В перспективном населенном пункте может быть возведен новый жилой дом, может быть перенесен и восстановлен на новом месте старый. Этим также следует объяснить необходимость установления тщательного контроля за строительством в населенных пунктах. Нередко при переселении жилые дома и постройки отстраиваются на новом месте в том виде, какой они имели на прежнем месте, т. е. с заметным отставанием от современ-

⁶ Справочник партийного работника. М., 1983, вып. 23, с. 47—80.

ных стандартов, проектов, целей благоустройства. Во избежание указанного следует вменить в обязанность местных органов разработку мер благоустройства в каждом случае переноса дома как непереносимое условие возможности переноса.

Необходимость сохранения и развития личного подсобного хозяйства в процессе совершенствования сельского расселения по-новому ставит вопрос о компенсации затрат сселяющимися гражданам. По существующему законодательству при сносе строений, принадлежащих гражданам на праве личной собственности в городах, поселках городского типа и других населенных пунктах собственникам выплачивается стоимость основных строений и устройств (домов, сараев, погребов, колодцев и др.) или, по желанию собственника, ему и членам его семьи предоставляется квартира без возмещения стоимости сносимых строений и устройств либо дом переносится на новое место. Специфика проживания в сельской местности, в частности наличие у граждан приусадебного участка, скота и птицы, создает предпосылки для частичной дифференциации выплат за сносимые сооружения в городах и в сельской местности. По-видимому, в тех случаях, когда по новому местожительству сселившихся жителей сельской местности отсутствуют подсобные помещения и граждане сталкиваются с необходимостью их возведения, следует возмещать стоимость подсобных построек и сооружений (сарай, погреб, ограда) даже в тех случаях, когда предоставляется квартира, приравняв эту категорию затрат при сселении, с точки зрения возмещения стоимости, к порядку оплаты плодово-ягодных насаждений, производимой в любом случае. Кроме того, в законе следует оговорить возможность пересадки зеленых насаждений, что не должно отражаться на возмещении их стоимости гражданам.

Ввиду специфики условий жизни в сельской местности в правилах указано на необходимость предоставления всем гражданам возможностей для ведения личных подсобных хозяйств и установлен размер приусадебного участка. Если в действовавших ранее правилах предусматривался приусадебный участок не более 0,1 га, то в ныне действующих правилах этот размер увеличен. В п. 27 Правил говорится: «Жилая застройка должна быть компактной. Размер предоставляемого на одну семью приусадебного земельного участка около жилого дома (квартиры), включая площадь застройки, должен быть не более 1200 м² при 1- и 2-квартирных

жилых домах и 600 м² при блокированных домах». Остальная часть участка, предоставляемого гражданам, выделяется за пределами жилой зоны, что создает возможность механической обработки этих земель и даст выигрыш во времени, урожайности и рабочей силе.

Правила обязывают соответствующие органы при проектировании и застройке сельских населенных пунктов повышать уровень инженерного оборудования и благоустройства, охраны окружающей среды и производить работы по благоустройству и озеленению сельских населенных пунктов одновременно со строительством жилых, общественных и производственных зданий. Эти требования являются несомненно прогрессивными и значительно меняют существующие формы планирования благоустройства и озеленения сельских населенных пунктов.

Утвержденные правила выгодно отличаются от действующих в республике СНИП (строительные нормы и правила) тем, что в них возведение объектов не связывается с численностью жителей в населенном пункте, т. е. применен иной принцип обеспечения комплексности застройки населенного пункта, но в Правилах не предусмотрен перечень объектов, необходимых к строительству в сельских населенных пунктах. Кроме того, при наличии общей посылки о создании условий для ведения личных подсобных хозяйств в Правилах не содержится указаний о необходимости возведения специальных хозяйственно-бытовых строений и сооружений.

Таким образом, такое строительство вынуждены производить сельские жители, зачастую нарушая элементарные архитектурные и санитарно-гигиенические правила и ухудшая внешний вид поселка. Законодатель, тем не менее, уделит специальное внимание вопросу о возведении хозяйственно-бытовых строений и сооружений.

В постановлении Совета Министров БССР «О перечне хозяйственных и бытовых строений и сооружений, которые могут возводиться гражданами на приусадебных земельных участках и земельных участках для индивидуального жилищного строительства и предельных размерах этих строений и сооружений»⁷ указаны конкретные объекты и их максимальная площадь, разрешенные к строительству в усадьбе индивидуальных застройщиков (хозяйственное помещение, оборудованное плитой и водопроводом — 20 м², летняя кухня — 10 м², баня — 12 м², хозяйственный навес — 15 м² и др.

⁷ СЗ БССР, 1981, № 11, ст. 212.

Это постановление сделало важный шаг вперед в правовой регламентации личных подсобных хозяйств в плане совершенствования порядка возведения гражданами строений. Наличие указанного перечня создает возможность для возведения ряда объектов без специального разрешения, поскольку оно существует в общей форме. На районном архитекторе остается лишь обязанность контроля за общей планировкой строительства на усадьбах, установление размера строений и соблюдение при строительстве проектов домов и проектов других строений. Однако это не устраняет указанных выше недостатков. Более того, указанное постановление возлагает на проектные организации новые сложные задачи, так как они должны решить вопрос о рациональном размещении построек с учетом ухода за скотом и птицей. Кроме того, большие задачи в этой области ставит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, утвержденное Пленумом ЦК КПСС 24 мая 1982 г. «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения». В этом постановлении ЦК Компартий и советам министров союзных республик, министерствам и ведомствам предписано осуществить в 1982—1990 гг. комплексные мероприятия по социально-экономическому развитию села, направленные на дальнейшее преобразование сельских населенных пунктов в благоустроенные поселки, увеличение объема жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства, развитие кооперативного и индивидуального жилищного строительства.

К решению этих задач привлекаются различные звенья государственного аппарата. В республике широко развернуто экспериментально-показательное строительство в различных формах. Так, с 1977 г. выделяется один из перспективных поселков в каждом районе республики для организации показательной застройки квартала индивидуальных жилых домов. Общее руководство этой застройкой осуществляют облисполкомы⁸. В Брестской области указанная деятельность исчерпывается отведением земельных участков в натуре и предоставлением индивидуальным застройщикам новых проектов для выбора, в Витебской области, например, районные архитекторы отводят участки под кварталы показательной застройки, проводят специальную съемку местно-

⁸ СЗ БССР, 1977, № 13, ст. 91.

сти (вертикальную и горизонтальную) и подготавливают проекты планировки и застройки кварталов в целом. В проектах предусматриваются набор домов с полным благоустройством, с учетом местных условий, надворные и хозяйственные постройки, места для гаражей, скотопрогоны. Заказчиком строительства выступает Управление по строительству и архитектуре облисполкома, подрядчиком — Межколхозстрой. Строительство ведется на средства колхозов с привлечением средств застройщиков.

Эта форма жилищного строительства является экспериментальной, но получает все более широкое распространение. Настало время на уровне Совета Министров Союза ССР и союзных республик подвести итоги сделанного с целью распространения передового опыта, а также устранения недостатков. Необходим специальный контроль за организацией жилищного строительства на селе и связанными с этим организационными проблемами.

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА НА ШЕФМОНТАЖ

А. Ф. СИМАНЧЕВ

Шефмонтаж оборудования осуществляется по отдельным договорам между потребителем (покупателем) и изготовителем (поставщиком) оборудования. Предметом данного договора является техническое руководство монтажом и наладкой оборудования специалистами поставщика¹. Для осуществления тех действий, которые составляют предмет договора, стороны наделяются целым комплексом взаимных прав и обязанностей, образующих в своей совокупности содержание обязательства шефмонтажа.

Большая (основная) часть прав и обязанностей сторон носит имущественный характер, однако наряду с имущественными договор на шефмонтаж порождает и ряд организационных прав и обязанностей, направленных на организацию проведения шефмонтажа и создание условий для нормальной работы специалистов поставщика. В принципе можно сказать, что организационные правомочия сторон обеспечивают надлежащее исполнение имущественных прав и обязанностей.

В первую очередь своевременное проведение шефмонтажа зависит от наличия достаточного количества монтажного персонала, необходимых при монтаже инструментов и вспомогательного оборудования, а также от готовности места монтажа. В соответствии с договором на Заказчика ложатся следующие обязанности:

1. Обязанность обеспечить проведение всех необходимых подготовительных работ (заливка фундамента, подвод коммуникаций и т. п.) в объеме и сроки, согласованные в до-

¹ См.: Чернов В. М. Правовое регулирование снабжениястроек оборудованием. Томск, 1977, с. 129; Казаков А. В. Правовая природа договора на шефмонтаж оборудования. — В кн.: Вопросы совершенствования социального и правового регулирования. Свердловск, 1981, с. 70.

говоре. Выполнение этих работ производится заказчиком за свой счет и своими силами. Вместе с тем и на Исполнителя, шефмонтажной организации, как правило, лежит обязанность передать заказчику техническую документацию, необходимую для выполнения подготовительных работ.

2. Обязанность выделить (предоставить) своих специалистов (монтажный персонал) для выполнения монтажных и наладочных работ. Количество и квалификация персонала Заказчика определяются в договоре с учетом необходимости в нем на каждом этапе работ. Так, в соответствии с контрактом на шефмонтаж между В/О «Проммашимпорт» (Заказчик) и В/П «Техпоимнекс» ВНР (Исполнитель) от 23 июля 1982 г. предусматривалось, что Заказчик предоставляет на первый период работы 10 монтажников, 2 электриков, 1 маляра, 2 сварщиков и 6 подсобных рабочих. В таком же порядке определялось необходимое количество и квалификация персонала Заказчика и для последующих периодов монтажа.

В соответствии с Общими условиями монтажа и оказания других технических услуг, связанных с поставками машин и оборудования между организациями стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи², руководитель монтажных работ со стороны поставщика вправе потребовать в обоснованных случаях замену несоответствующего квалифицированного и вспомогательного персонала Заказчика (§ 32). По согласованию уполномоченных сторон в период шефмонтажа может быть произведено и иное изменение в составе персонала Заказчика, в частности в случаях необходимости в дополнительном количестве работников той или иной квалификации.

В обязательствах шефмонтажа с участием иностранной фирмы на Заказчика возлагается обязанность в случае необходимости предоставить переводчика. Однако в соответствии с п. 3 § 32 ОУМ СЭВ 1973 г. по просьбе Заказчика и с согласия поставщика в этих целях может быть использован за счет Заказчика переводчик поставщика.

Следует отметить, что Заказчик может возложить осуществление монтажных и наладочных работ, а также и подготовительных работ, на специализированную монтажную организацию по договору подрядного типа с ней.

² В дальнейшем ОУМ СЭВ 1973 г.

3. Обязанность предоставить необходимый для монтажа инструмент, материалы и вспомогательное оборудование (монтажный инвентарь) в соответствии со спецификациями, согласованными с исполнителем и заказчиком. По соглашению сторон может быть предусмотрена возможность предоставления монтажного инвентаря заводом-изготовителем оборудования при отсутствии его у Заказчика. В этом случае монтажный инвентарь предоставляется заказчику в аренду. Расходы по транспортировке, риск случайной гибели или повреждения с момента предоставления монтажного инвентаря несет Заказчик. За пользование монтажным инвентарем Заказчик вносит арендную плату в размере, указанном в договоре. В соответствии с ОУМ СЭВ 1973 г. предельный размер арендной платы устанавливается в определенных процентах от цены монтажного инвентаря, начисляемых за каждый календарный день в пределах срока между датой предоставления в пользование монтажного инвентаря и датой его возврата заказчиком. При этом датой предоставления считается дата пересечения государственной границы страны поставщика, подтвержденная записью в перевозочных документах. Аналогично определяется и дата возвращения монтажного инвентаря.

Исполнение рассмотренных выше обязанностей должно быть осуществлено Заказчиком до приезда специалистов завода-изготовителя. При этом все расходы, связанные с реализацией указанных обязанностей (например, плата рабочим, выполняющим подготовительные работы) относятся на счет Заказчика.

Среди организационных прав и обязанностей сторон, возникающих на этой стадии исполнения договора, следует выделить взаимные обязанности Заказчика и Исполнителя назначить на время шефмонтажа своих уполномоченных. Последние выступают в качестве представителей сторон. Представительство здесь возникает на основе административных актов — директоров заводов изготовителя и потребителя и, как правило, оформляется выдачей доверенностей, которыми уполномоченные обмениваются до начала монтажных работ.

Уполномоченные являются руководителями монтажа со стороны Заказчика и Исполнителя. Им предоставляются полномочия разрешать не только технические вопросы монтажа и наладки оборудования, но и совершать действия, имеющие юридическое значение, в частности составлять и

подписывать все предусмотренные договором акты и протоколы. Так, например, контрактом № 64-09/41488 от 15 мая 1974 г. между В/О «Станкоимпорт» СССР и ВМВ «Экспорт-импорт» ГДР предусматривалось, что оба партнера по контракту обязаны на время шефмонтажа назначить по одному уполномоченному с полномочиями использовать предусмотренные контрактом права и обязанности обоих партнеров по настоящему контракту.

Важную организационную функцию выполняет направление Заказчиком Исполнителю извещения (вызова) о готовности к началу монтажных работ. В соответствии с договором на шефмонтаж получение Исполнителем вызова порождает для него субъективную обязанность направить (предоставить) своих специалистов (шефперсонал) к месту монтажа. Их количество и квалификация определяются договором. В случаях, когда шефмонтаж предусмотрен ценниками на монтаж оборудования, состав шефперсонала по договору должен соответствовать установленному нормативу³.

В соответствии с ОУМ СЭВ 1973 г. поставщик в период шефмонтажа имеет право, предварительно известив об этом другую сторону, заменить за свой счет того или иного специалиста, но при условии, что такая замена не повлияет на срок и качество выполнения работ. В свою очередь Заказчик при наличии серьезных оснований вправе потребовать отзывает или замены специалиста.

Выезд шефмонтажеров после получения вызова Заказчика должен последовать в срок, обусловленный договором. Дата прибытия шефперсонала к месту монтажа считается началом осуществления шефмонтажа⁴. При шефмонтаже импортного оборудования с участием иностранных специалистов начало осуществления шефмонтажа устанавливается со дня выезда специалистов, за который признается дата пересечения шефперсоналом государственной границы поставщика.

По прибытии шефмонтажеров уполномоченный Исполнителя производит осмотр места монтажа с целью проверки выполнения подготовительных работ, наличия монтажно-инвентаря и т. д. По результатам осмотра составляется двухсторонний протокол, в котором отражается готовность

³ Шелихов С. Н. Справочник по проверке документации для финансирования строительства. Ч. 2. М., 1974, с. 305.

⁴ Ровинский М. М., Эзафович В. Н. Договоры в материально-техническом снабжении. М., 1981, с. 89.

к началу монтажных работ, фиксируются все обнаруженные недостатки и недоработки, а также меры по их устранению. Таким образом, составление и подписание этого документа свидетельствует об исполнении Заказчиком своих обязанностей по выполнению предусмотренных технической документацией подготовительных работ, предоставлению обусловленного договором монтажного инвентаря.

Договорами также (в случае неисполнения Заказчиком указанных выше обязанностей либо обнаружения существенных недоработок) может устанавливаться ответственность Заказчика. Так, договором № 46/508 от 16 марта 1982 г. между Воронежским станкостроительным заводом и Томским производственным объединением «Сибэлектромотор» устанавливалось, что в случае невыполнения Заказчиком подготовительных работ Исполнитель вправе отозвать свой персонал. При этом Заказчик обязан возместить исполнителю причиненные убытки. В случаях деформации станка вследствие низкого качества фундамента и подливки Заказчик обязывался все работы по переделке и повторной выставке произвести своими силами и за свой счет.

Центральное место в обязательстве шефмонтажа занимает обязанность Исполнителя по правильному руководству монтажом и наладкой оборудования. Реализуя эту обязанность шефперсонал завода-изготовителя проводит инструктаж, дает технические указания, консультации по вопросам монтажа и наладки оборудования. В свою очередь Заказчик обязан обеспечить оперативное выполнение требований шефмонтажеров. Установление порядка и характера работы персонала Заказчика по монтажу и наладке оборудования производится по согласованному решению уполномоченных сторон.

Если монтажные работы осуществляет специализированная монтажная организация по договору подряда с Заказчиком, то и в этом случае в силу прямого предписания п. 3.138 СНиП-Ш-78 указания шефмонтажного персонала, основанные на требованиях проекта, нормативных документов по строительству, стандартов, технических условий и технической документации предприятия-изготовителя обязательны для монтажной организации. Указания, связанные с отступлением от технической документации, должны даваться шефмонтажным персоналом в письменном виде.

Взаимоотношения шефперсонала и персонала Заказчика в ходе монтажных работ фиксируются в рабочем журнале,

необходимость ведения которого составляет взаимную, организационную по своей сути обязанность сторон. В рабочем, или монтажном, журнале отмечаются даты начала и окончания работ; отработанное шефперсоналом время; работа сверхурочно и в выходные дни; число специалистов и рабочих заказчика. В рабочем журнале должны быть отражены также даваемые шефперсоналом указания и рекомендации.

Монтажный журнал, по существу, является доказательством указанных в нем фактов, поэтому каждая запись должна быть подписана уполномоченными сторонами. Если представитель заказчика не согласен с ходом монтажных работ или с записями уполномоченного исполнителя, каждый из них вправе изложить свое мнение в журнале⁵.

Продолжительность шефмонтажа определяется согласованными графиками, составленными по этапам работ. В случаях увеличения срока шефмонтажа по сравнению с графиком либо перерыва его по причинам, зависящим от какой-либо одной стороны, все расходы, связанные с дальнейшим пребыванием шефмонтажеров, должна нести эта сторона. Так, контрактом 64-09/41488 от 15 мая 1974 г. между В/О «Станкоимпорт» СССР и ВМВ «Экспорт-импорт» ГДР предусматривалось, что в случае перерыва шефмонтажа по причине некомплектной поставки или конструктивных недостатков и повреждений, выявленных во время монтажа, Подрядчик должен нести все расходы за пребывание своих специалистов за время перерыва.

Наряду с обязанностью осуществлять правильное техническое руководство монтажом договором может быть установлено и дополнительное — гарантийное обязательство, основное содержание которого составляет ручательство Исполнителя за правильность даваемых его специалистами указаний и рекомендаций по монтажу и установке оборудования.

На случай нарушения гарантии устанавливаются специальные правовые последствия, заключающиеся в том, что исполнитель устраняет за свой счет все дефекты, возникающие в результате неправильного инструктажа со стороны шефмонтажеров или ошибок в монтажной документации, предоставленной поставщиком. Если распоряжения и рекомендации даются на основании документации, полученной от заказчика, Исполнитель не отвечает за последствия, ко-

⁵ СНИП Ш-31-78. Технологическое оборудование. Общие положения, М., 1982.

торые могут возникнуть в результате ошибок в этой документации⁶.

Гарантии как один из элементов обязательства шефмонтажа следует отличать от гарантий на само оборудование. Их отличие заключается в различном содержании. В одном случае — ручательство в правильности даваемых указаний по вопросам монтажа и наладки оборудования, в другом — ручательство соответствия качества оборудования требованиям стандартов, техническим условиям и т. п.⁷ Гарантии на оборудование и последствия их нарушения регламентируются Общими условиями поставок, Положением о поставках продукции производственно-технического назначения и договорами на поставку оборудования. Гарантии же другого вида регулируются главным образом договором на шефмонтаж оборудования.

Гарантия на шефмонтаж существует в пределах установленного сторонами в договоре гарантийного срока, начало которого определяется датой ввода оборудования в эксплуатацию. Договором может быть установлено, что в случае изменения сроков начала монтажа соответственно смещаются и гарантийные сроки в зависимости от того, по чьей вине произошла задержка.

Продолжительность гарантийного срока на шефмонтаж, как правило, соответствует сроку гарантии на оборудование. Это и понятно, так как работоспособность оборудования складывается из двух компонентов: качества самого оборудования и правильности его монтажа и наладки. С учетом этого обстоятельства ОУМ СЭВ 1973 г. закрепляют правило, согласно которому, если в контракте не определено иное, гарантийный срок на шефмонтаж оканчивается одновременно с истечением гарантии на машины и оборудование по контракту на их поставку.

В результате исполнения сторонами рассмотренных выше обязанностей смонтированное, отлаженное оборудование после прохождения испытаний сдается в эксплуатацию. Подписание двухстороннего акта о приемке оборудования в эксплуатацию является важным правообразующим фактом. С этого момента, согласно договору, возникают субъективное право Исполнителя требовать оплаты оказанной им ус-

⁶ ОУМ СЭВ 1973 г., § 36.

⁷ Петров И. Н. Гарантийные сроки при поставках. М., 1971, с. 10.

луги и обязанность Заказчика выплатить обусловленную договором сумму.

Размер суммы определяется при шефмонтаже отечественного оборудования на основании ценников на монтаж оборудования. Стоимость шефмонтажа, приведенная в ценниках, учитывает все расходы, включающие и расходы по командировкам шефперсонала на расстояние до 500 км. При нахождении завода-изготовителя и потребителя оборудования на расстоянии свыше указанного стоимость шефмонтажа увеличивается в соответствии с показателями, приведенными в приложении № 5 к Общей части ценников на монтаж оборудования⁸.

При одновременном ведении монтажа более одной единицы оборудования (одного типа) стоимость шефмонтажа каждой единицы снижается на основании применения Общей части ценников на монтаж оборудования. По новым или модернизированным видам оборудования, не предусмотренным ценниками, стоимость шефмонтажа устанавливается на основании ставок шефмонтажного персонала, продолжительности монтажа и численности бригады шефмонтажеров⁹. В соответствии с Общей частью ценников на монтаж оборудования никаких добавок к приведенной в ценниках стоимости шефмонтажа производить не допускается¹⁰.

При определении стоимости шефмонтажа импортного оборудования, производимого организацией страны — члена СЭВ, следует руководствоваться ОУМ СЭВ 1973 г. Размер суммы, подлежащей выплате в данном случае, исчисляется на основании ставок, согласованных компетентными органами стран — членов СЭВ. Ставки устанавливаются за месяц в твердом размере по каждой категории специалистов. Возмещение за неполный месяц производится из расчета 1/30 указанных ставок за каждый календарный день. При необходимости исчисления оплаты за час принимается 1/200 месячной ставки.

Месячные ставки, подлежащие выплате, включают зарплату специалистов, суточные и другие расходы, связанные с командировкой, за исключением транспортных. Оплата расходов по проезду и провозу личного багажа определяется

⁸ Ценник на монтаж оборудования. Общая часть. Утв. Госстроем СССР 1 января 1959 г. М., 1959.

⁹ Шелихов С. Н. Справочник по проверке документации для финансирования строительства. Ч. 2. М., 1974, с. 305.

¹⁰ Ценник на монтаж оборудования. Общая часть. М., 1959.

сторонами отдельно. Выплата указанных сумм производится со дня выезда и до дня возвращения специалистов в свою страну. Датой выезда и возвращения считается дата пересечения специалистом государственной границы Исполнителя.

ОУМ СЭВ 1973 г. предусматривают выплату дополнительных вознаграждений за работу сверхурочно, в выходные, праздничные дни, ночное время, а также за работу в особо опасных и вредных для здоровья условиях. Доплата производится в установленных процентах к основной ставке.

Отдельную группу образуют права и обязанности сторон, направленные на создание условий для нормальной работы специалистов поставщика. Обязанным лицом здесь выступает, как правило, Заказчик, а уполномоченным — Исполнитель. Заказчик, в частности, обязуется за свой счет обеспечить специалистов завода-изготовителя жилыми помещениями вблизи места проведения шефмонтажа. Степень благоустроенности жилого помещения оговаривается сторонами в договоре. В случаях длительного срока проведения шефмонтажа и когда договором оговорено право специалистов привезти с собой членов своей семьи (жена, несовершеннолетние дети), Заказчик обеспечивает им соответствующие жилищные условия. Если предоставленное жилое помещение находится от места монтажа дальше обусловленного договором расстояния, Заказчик обеспечивает доставку специалистов Исполнителя своим транспортом. Расходы по доставке специалистов поставщика относятся на счет заказчика. При необходимости заказчик обеспечивает предоставление бытовых помещений, обычно оговаривается выделение Заказчиком отдельного помещения на месте монтажа для хранения контрольно-измерительной аппаратуры, спецодежды, ведения канцелярской работы, а также для отдыха во время перерывов в работе¹¹.

Договором на шефмонтаж могут быть предусмотрены и другие права и обязанности сторон, касающиеся условий труда, быта и отдыха специалистов Исполнителя, а также их культурного, медицинского и другого обслуживания, но все они имеют дополнительный, вторичный характер, не меняющий сущности данного договора.

¹¹ ОУМ СЭВ 1973 г., § 8.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СЕМЬИ

Р. П. МАНАНКОВА

Отсутствие легального определения понятия семьи в юридической литературе обычно просто констатируется, значительно реже этому обстоятельству дается объяснение. Некоторые авторы считают, что это одна из нерешенных проблем советского семейного законодательства. В качестве основных аргументов при этом называются «наличие затруднений в практике работы правоприменительных органов, когда затрагиваются вопросы семьи как целостного образования либо отдельных ее членов», а также то, что «отсутствие законодательного определения понятия семьи мешает выявлению тех семейных отношений, которые необходимо охранять, и тех, которые охранять не следует»¹. Вместе с тем широкое распространение и в литературе и на практике получил тезис о том, что в каждой отрасли права есть свое понятие семьи. Точнее всего эту мысль выразил В. С. Толстой: «Едва ли не в каждой из отраслей права термин «семья» имеет свое особое значение, которое отвечает потребностям регулирования данной области общественных отношений»².

Если термин — это слово или словосочетание, являющееся однозначным выражением для понятий в научных дисциплинах³, то приведенное высказывание можно понять так, что в каждой отрасли права есть свое понятие семьи, обозначаемое этим термином. Но утверждать так — значит впадать в логическое противоречие. Если в каждой отрасли

¹ См.: Шевченко Я. Н. Правовое регулирование охраны семьи по советскому семейному законодательству. — В кн.: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы советского семейного права» (19—21 января 1979 г.). М., 1980, с. 13—14.

² См.: Толстой В. С. Понятие семьи в советском праве. — Сов. юстиция, 1969, № 19, с. 5.

³ См.: Кондаков Н. И. Введение в логику. М., 1967, с. 376.

права есть свое понятие семьи, то разные понятия должны обозначаться соответственно разными терминами.

В понятии отражается совокупность существенных признаков того или иного явления, которые и образуют его содержание. Поэтому в принципе каждое понятие индивидуально, единственно, строго определено, хотя и взаимосвязано с другими понятиями. Иначе говоря, по законам формальной логики не может быть разных понятий, обозначаемых одним и тем же термином «семья». Тот очевидный факт, что в отраслях права состав семьи определяется действительно по-разному, еще не означает, что в каждой отрасли существует свое понятие семьи и что можно говорить о нескольких понятиях семьи в праве. Е. М. Ворожейкин совершенно справедливо замечает, что «не может быть нескольких определений понятий семьи в праве для разных отраслей, а оно должно быть единым»⁴. К этому можно только добавить, что единым это понятие может и должно быть не только в праве, но и во всех остальных науках, предметом изучения которых является семья. Понятие семьи нельзя закрепить в законе потому, что правом не охватываются все грани такого сложного социального образования, как семья, следовательно, любой вариант легального определения понятия семьи был бы неудовлетворителен.

Единое понятие семьи может быть результатом только совместных разработок в соответствующих областях науки. В этой связи представляется плодотворной идея будущей науки фамилистики, высказанная в социологической литературе. А. Г. Харчев и М. С. Мацковский пишут об этом так: «Исследования семьи пока еще не консолидировались методологически и методически в единую науку о семье и рассредоточены по различным «ведомствам» ... Однако тенденция к такой консолидации все явственнее проступает по мере накопления теоретического и эмпирического материала в каждом из этих «ведомств». Ее требуют интересы повышения как научного уровня фамилистики (назовем так условно всю совокупность «составляющих» формирующейся науки о семье), так и ее практической эффективности»⁵. Одним из основных понятий этой науки и должно стать по-

⁴ См.: Ворожейкин В. М. Семейные правоотношения. — В кн.: Сов. семейное право. М., 1974, с. 33.

⁵ Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 13.

нятие семьи, пока же оно является общим, единым для всех соответствующих наук, в том числе и для правовой науки.

В юридической науке разработка понятия семьи ведется в двух аспектах. Во-первых, предлагается немало вариантов определения общего для всех наук понятия семьи, во-вторых, о семье говорят как о понятии многозначном, имеющем свое собственное содержание в различных областях жизни и науки, в том числе и в правовой науке.

Общее понятие социалистической семьи определяется в правовой литературе с учетом всех признаков семьи, оснований ее возникновения, социальной структуры и специфических функций. Естественно, что предлагаемые варианты определений понятия семьи различаются не только текстуально, но и по существу. Так, по вопросу о том, можно ли определять семью как «союз лиц» или это «совместная жизнь лиц» или нечто другое, единство взглядов пока не достигнуто⁶.

Характеристика семьи как «союза лиц» представляется недостаточно точной потому, что, во-первых, семья отождествляется по существу с браком, который тоже является не чем иным, как союзом лиц, во-вторых, союз, т. е. соглашение, имеет место не во всякой семье (семья матери-одиночки и ее ребенка на соглашении не основана), в-третьих, и в семье, возникшей из брака, соглашение всего лишь один из элементов⁷ брачного союза.

Некоторые авторы определяют семью как «совместную жизнь лиц», при этом под совместной жизнью понимается «взаимная общность семейных интересов (духовных, хозяйственных, имущественных, относительно детей и пр.), взаим-

⁶ Подробнее об этом см.: Маслов В. Ф., Подопрigора З. А., Пушкин А. А. Действующее законодательство о браке и семье. Харьков, 1974, с. 115—117.

⁷ Представляет интерес позиция Д. Азаревича, который писал: «В каждом браке мы можем различать следующие три элемента: элемент реальный или физический, элемент соглашения волей и элемент этический. В каждом браке нормально требуются в наличии все три элемента» (Азаревич Д. Брачные элементы и их значение. Ярославль, 1879, с. 5). В советской литературе делаются попытки выделять элементы брака. В частности, В. П. Шахматов, конструируя модель брака, выделяет конститутивные и альтернативные признаки (элементы) брака (см.: Шахматов В. П. К вопросу об основных понятиях науки семейного права. — В кн.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье в правоприменительной практике. Саратов, 1978, с. 25—27).

ная потребность людей в постоянном общении друг с другом, потребность во взаимной заботе и уходе друг за другом»⁸.

Само по себе определение понятия «совместная жизнь лиц» заслуживает внимания, поскольку является точной обобщенной характеристикой специфических отношений, связывающих членов семьи, а термин в силу своей краткости достоин введения в научный оборот. Вместе с тем раскрывать содержание понятия «семья» через совместную жизнь лиц нам кажется неправильным, определять понятие необходимо через ближайший род, а таким родовым понятием в данном случае является понятие «люди», семья — это люди, лица⁹. В этом отношении более удачным представляется понимание семьи как объединения лиц, общности лиц, малого коллектива¹⁰. Такое представление о семье полностью согласуется с выводами социологов, определяющих семью как малую социальную группу, общность взаимодействующих друг с другом людей. Таким образом, одним из существенных признаков семьи является ее квалификация в качестве малой социальной группы.

Следующим атрибутом семьи является ее основание, т. е. указанные в законе обстоятельства, обуславливающие возникновение семейных отношений (брак, родство, усыновление и др.). В любом определении понятия семьи (даже в тех, которые предложены представителями других наук) этот признак называется как обязательный.

В содержании такого сложного понятия, как семья, необходимо, на наш взгляд, разграничивать существенные признаки на те, которые имеют правовую природу, и иные, неправовые. Такое разграничение обуславливается потребностями как теории, так и практики, когда из всего многообразия характеристик семьи извлекаются лишь те, которые имеют правовое значение. Например, если речь идет о суп-

⁸ См.: Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения, с. 34. Этой же точки зрения придерживается Ш. Д. Чиквашвили (см.: Чиквашвили Ш. Д. Имущественные отношения в семье. М., 1976, с. 7).

⁹ В словарях русского языка семья определяется однозначно. В частности, даются обычно два значения: 1) семья — это группа живущих вместе родственников; 2) это — единство, объединение людей, сплоченных общими интересами (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981, с. 633).

¹⁰ См.: Маслов В. Ф., Подопрigора З. А., Пушкин А. А. Действующее законодательство..., с. 117; Матвеев Г. К. Советское семейное право. М., 1978, с. 42; Нечаева А. М. Воспитание чувства ответственности перед семьей. — Сов. государство и право, 1979, № 3, с. 39—40.

ругах, то подразумевается наличие зарегистрированного брака и т. п. В какой-то мере именно нуждаемостью в четких правовых признаках семьи и можно объяснить попытки сформулировать понятие семьи как сугубо правовой категории. Нам этот путь представляется безрезультатным по соображениям, изложенным выше. Семья как сложное социальное образование может быть и в действительности является предметом изучения во многих отраслях науки, однако это обстоятельство не дает оснований изменять содержание самого понятия, сообразуясь с какими-либо прикладными, если можно так в данном случае выразиться, потребностями конкретных наук. Ведь никто же не пытается изменять содержание таких понятий, как «государство», «общество». Понятие семьи по степени обобщения стоит в одном ряду с этими понятиями и так же, как они, может быть отнесено к разряду категорий, «к таким предельно широким понятиям, в которых отображаются наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов и явлений объективного мира»¹¹.

В качестве существенного признака семьи следует выделять и взаимную правовую связанность ее членов. В. А. Рясенцев пишет в этой связи, что «юридический характер семейного союза был бы показан более выпукло при указании на возникновение у членов этого союза прав и обязанностей»¹². Во многих из предложенных в юридической литературе определений понятия семьи этот признак включается в содержание самого понятия без каких-либо обоснований, как аксиома, потому что лица, входящие в состав одной семьи, всегда связаны правами и обязанностями. Тем большее недоумение вызывают те определения семьи, в которых о правах и обязанностях не упоминается¹³.

Многие авторы включают в определение понятия семьи указания на выполняемые ею основные функции либо некоторые из них. Обычно четко выделяются естественная и идеологическая функции или обе они объединяются, когда ука-

¹¹ См.: Кондаков С. И. Введение в логику. М., 1967, с. 143.

¹² См.: Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1967, с. 49. На это же обратила внимание и В. П. Никитина (см.: Никитина В. П. Понятие семьи в применении к институтам гражданского и семейного права. — Ученые труды/Сарат. юрид. ин-т, 1969, вып. 3, с. 74).

¹³ См.: Маслов В. Ф., Подопрigора З. А., Пушкин А. А. Действующее законодательство..., с. 117; Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Сов. семейное право. М., 1974, с. 34.

зывают на коммунистическое воспитание детей как на цель семьи в социалистическом обществе. Что касается экономической функции семьи, то она так или иначе тоже получает отражение в определениях понятия семьи. Однако формы отражения этой функции довольно многообразны, что вовсе не способствует достижению единства в понимании семьи. Так, в содержание понятия семьи включаются в качестве существенных такие признаки, как «общность материальной жизни» (В. Ф. Маслов, З. А. Подопригора, А. А. Пушкин), «материальная общность и поддержка» (Ш. Д. Чиквашивли), «ведение общего хозяйства» (А. М. Нечаева).

Не совсем последовательными представляются суждения Е. М. Ворожейкина. С одной стороны, он характеризует семью как совместную жизнь лиц, имея при этом в виду «взаимную общность семейных интересов ... взаимную потребность в постоянном общении друг с другом, потребность во взаимной заботе и уходе». Такое полное, соответствующее его действительному содержанию понятие исключает необходимость упоминать в определении некоторые признаки (например, совместное ведение хозяйства). Более того, совместное ведение хозяйства чаще всего не цель семьи, а следствие ее создания, одно из условий ее нормального функционирования. С другой стороны, на этой же странице автор дает определение понятия семьи, в котором в качестве самостоятельных признаков называются и совместная жизнь, и совместное ведение хозяйства¹⁴.

Небезупречной является, на наш взгляд, и формулировка, предложенная Г. К. Матвеевым¹⁵. Он выделяет в качестве самостоятельных такие существенные признаки семьи, как «материальную общность и поддержку», а также «ведение общего хозяйства», не придавая значения тому, что это понятия, хотя и не совпадающие полностью, но по содержанию довольно близкие. Ведение общего хозяйства как раз и свидетельствует о наличии материальной общности. В то же время материальная общность — понятие более широкое: если, например, молодая семья никакого домашнего хозяйства не ведет, то для констатации материальной общности достаточно будет наличия общего бюджета. Во всяком случае для отражения экономической сути семейных отношений в определении понятия семьи предпочтительнее было бы

¹⁴ См.: Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 34.

¹⁵ См.: Матвеев Г. К. Указ. соч., с. 42.

ограничиться использованием более емкого понятия «материальная общность». Вместе с тем было бы неправильным акцентировать внимание только на материальной общности, связывающей членов семьи, поскольку определяющими, как известно, являются личные отношения: интимная и духовная близость, взаимная потребность в общении друг с другом, взаимная забота и поддержка и др. Как справедливо отмечает В. А. Рясенцев, семья — «это специфическое и притом сложное общественное отношение, представляющее собой неповторимое единство различных связей, не встречающееся среди других общественных явлений»¹⁶. Это единство точнее всего, как нам кажется, обозначается термином «общность жизни».

Общность жизни — это существенный признак семьи. Элементы общности жизни многообразны и далеко не все из них имеют правовую природу. В числе правовых элементов общности жизни законодатель обычно выделяет «совместное проживание» и «ведение общего хозяйства». С наличием этих обстоятельств связывается возникновение прав и обязанностей во многих отраслях советского права.

В нормах семейного права неоднократно упоминается такой элемент общности жизни, как воспитание детей. Так, в ст. 19 КоБС сказано, что «вопросы воспитания детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно», т. е. надо полагать, что в числе общих «вопросов жизни семьи» вопрос о воспитании выделяется как важнейший. Причем, хотя в законе об этом прямо и не говорится, как и другие вопросы жизни семьи, он решается не только супругами, а всеми членами семьи; семья воспитывает человека, а не только родители. Идеологическая функция семьи в том и состоит, чтобы воспитывать детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности. В законе лишь подчеркивается, что только обязанности родителей воспитывать детей придается юридическое значение (ст. 52 КоБС). Для остальных членов семьи (совершеннолетних) эта обязанность моральная.

Юридический характер придает законодатель и обязанности детей заботиться о родителях и оказывать им помощь (ст. 66 Конституции СССР, ч. 1 ст. 77 КоБС). Эта обязан-

¹⁶ См.: Рясенцев В. А. Указ. соч., с. 47.

ность теперь возлагается на всех детей, а не только на совершеннолетних. Причем право родителя на заботу и помощь по смыслу этой нормы тоже ничем не обусловлено. Нынешняя редакция ч. 1 ст. 77 КоБС выгодно отличается от прежней, в соответствии с которой право на заботу имели только нуждающиеся в помощи нетрудоспособные родители. Родитель, будучи нетрудоспособным, должен был еще доказывать, что он нуждается в заботе и помощи (нематериальной), как будто одного факта его нетрудоспособности для получения помощи, заботы от детей недостаточно.

В ст. 77 КоБС речь идет о трех обязанностях детей по отношению к родителям: об алиментной (чч. 2, 3 и 4), об обязанности заботиться и самостоятельное значение, как нам кажется, придано обязанности детей оказывать родителям помощь (ч. 1). По-видимому, эта последняя обязанность, не совпадающая ни с обязанностью содержать (уплачивать алименты), ни с обязанностью заботиться (поскольку она названа в законе особо) может выражаться в комплексе действий, в которых нуждаются родители в каждом конкретном случае. Это может быть помощь по ведению домашнего хозяйства, работа на садовом участке, участие в ремонте жилого помещения.

В связи с тем, что вышеназванной обязанности детей придано самостоятельное значение, соответственно возникает необходимость в уточнении смысла обязанности «заботиться» о родителях. Для советского законодательства термин «забота» не нов. Так, на родителей, усыновителей, опекунов и попечителей возложена обязанность заботиться о физическом развитии, обучении и подготовке детей к общественно полезной деятельности (ст. ст. 52, 129 КоБС). Забота в этом смысле выражается в комплексе действий, направленных на достижение указанных в законе целей. Совсем другие цели имеются в виду, когда забота адресуется родителям. Цель заботы в данном случае — обеспечить нормальные жизненные потребности человека в общении с родными детьми. Забота может выражаться в моральной поддержке, в уходе за больным родителем, систематическом общении, иных знаках внимания.

Правила ст. ст. 52, 77 и 129 КоБС свидетельствуют о том, что юридический характер имеют только обязанность заботиться о детях со стороны родителей и заменяющих их лиц и обязанность детей по отношению к родителям. Следовательно, во всех остальных случаях члены семьи связаны

взаимной моральной обязанностью заботиться друг о друге, в конечном счете взаимная забота членов семьи как один из элементов общности жизни может носить как правовой, так и моральный характер.

Элементы общности жизни, имеющие правовой характер, хотя и различны по содержанию, однако обладают определенными чертами сходства. 1. Совместное проживание, ведение общего хозяйства, воспитание, забота — все это комплекс действий, пронизанных одной общей целью существования семьи. 2. Это действия повседневные или систематически совершаемые в течение длительного времени.

Однако правовая природа этих действий представляется неоднозначной. Так, в частности, о воспитании детей закон дает основания говорить в нескольких смыслах. Для родителей и усыновителей это право и обязанность в одно и то же время (глава 8 КоБС так и называется: «Права и обязанности родителей по воспитанию детей»). Такое своеобразие, заключающееся в совпадении права и обязанности, явление, конечно, исключительное для советского права (хотя и в других отраслях подобное наблюдается, например, право на труд и обязанность трудиться). Но это не произвольное законодательное решение вопроса о природе отношений по воспитанию детей, а обусловленное их спецификой в семье.

Напротив, воспитание закреплено как только обязанность опекунов и попечителей (ст. 129 КоБС); по смыслу ст. 80—81 для отчима (мачехи), принявших детей только на воспитание без обязанности содержать, воспитание тоже является только обязанностью, а не правом. Этот вывод можно сделать и путем толкования ст. 52 — право на воспитание признается только за родителями (усыновителями), другие лица, если даже они и осуществляют фактическое воспитание ребенка, права на воспитание не имеют.

О воспитании как элементе «общности жизни» В. А. Рясенцев говорит так же, как и о юридическом поступке: «Любое из действий, охватываемых понятием воспитания, направлено ... не на возникновение семейных прав и обязанностей, а на выработку у воспитуемого определенных представлений, навыков, взглядов»¹⁷. Е. М. Ворожейкин в каче-

¹⁷ См.: Рясенцев В. А. Юридические поступки в советском семейном праве. — В кн.: Основы законодательства Союза СССР и союзных республик о браке и семье в правоприменительной практике. Саратов, 1978, с. 13.

стве особой разновидности семейных правоотношений выделяет правоотношения по поводу воспитания детей в тех случаях, когда несовершеннолетнего принимают на воспитание без обязанности его содержать¹⁸.

По-разному можно оценить с точки зрения правовой природы и другие элементы общности жизни. В частности, совместное ведение хозяйства В. А. Рясенцев в одном случае оценивает как юридический поступок, а в другом как факт, юридически безразличный. При этом правильно подчеркивается, что все зависит от того, указаны ли эти обстоятельства в семейно-правовой норме или нет. Для супругов ведение общего хозяйства не имеет семейно-правового значения, напротив, оно выступает в качестве юридического поступка, когда речь идет о судебном установлении отцовства в отношении внебрачного ребенка¹⁹.

Выше уже отмечалось, что общность жизни как существенный признак семьи — это явление сложное; его составляющие могут иметь правовую природу, но могут быть и юридически irrelevantны (физиологическая и духовная близость и другие сугубо личные моменты). Поэтому в целом общность жизни неправильно было бы считать правовым признаком семьи и конструировать с учетом этого правовое понятие семьи. Этот путь в принципе представляется неприемлемым, потому что в противном случае пришлось бы в искомое понятие включать только правовые признаки. Таких чисто правовых признаков мы выделили только два: 1) правовое основание (брак, родство и др.); 2) взаимную правовую связанность членов семьи. Два других существенных признака не могли бы включаться в правовое понятие семьи по формальным соображениям. Первый признак (семья — это малая группа) правовым не является: малая социальная группа — это социологическое, точнее, социально-психологическое понятие. Второй (общность жизни) наряду с правовыми содержит и неправовые элементы. В итоге попытки выработать правовое понятие семьи оказались бы безрезультатными. Вместе с тем на основе названных четырех существенных признаков семьи представляется возможным определить понятие семьи, общее для всех областей знаний.

Семья — это малая социальная группа (объединение лиц), основанная на браке, родстве, усыновлении и иных формах

¹⁸ См.: Ворожейкин В. М. Семейные правоотношения, с. 231.

¹⁹ См.: Рясенцев В. А. Юридические поступки..., с. 15.

принятия детей на воспитание, связанная общностью жизни, а также взаимными правами и обязанностями. Нетрудно заметить, что это определение понятия семьи мало чем отличается от имеющихся в семейно-правовой литературе определений, в том числе от тех, которые претендуют на роль сугубо правовых, а на самом деле таковыми не являются. И это вовсе не случайно, потому что так или иначе сущность такого сложного явления, как семья, может быть выражена только с учетом всех его признаков.

О СУЩНОСТИ И ФУНКЦИЯХ НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В СОВЕТСКОМ СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Т. В. БЛИНОВА

Необходимость уяснения сущности и роли юридических фактов обуславливается их особым значением в системе правовых средств, воздействующих на общественные отношения. От того, насколько четко определены и дифференцированы фактические обстоятельства, вызывающие те или иные правовые последствия, зависит эффективное, глубокое проникновение права в жизнь общества.

Однако в юридической литературе многие проблемы теории юридических фактов не нашли единообразного решения. Такие вопросы, как природа и место фактов-условий, состояний, правопрепятствующих обстоятельств остаются дискуссионными, длительное время носят дискуссионный характер. Недостаточное внимание уделяется и их функциям в механизме правового регулирования. Аналогичная ситуация наблюдается и в семейно-правовой литературе. В связи с этим существует необходимость дальнейшего исследования указанных юридических фактов и определения их роли в динамике семейных отношений.

Движение семейных правоотношений в значительной мере обусловлено совокупностью юридических фактов, роль которых при этом неравнозначна. Одни непосредственно влекут возникновение, изменение или прекращение «субъективных семейных прав и субъективных семейных обязанностей»¹. Другие лишь способствуют их развитию, «примыкают» к конкретным фактическим составам, выступая по отношению к ним юридическим условием². Однако не все авторы

¹ Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972, с. 74; см. также: Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968, с. 20—25.

² Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980, с. 61.

рассматривают эти факты как юридические. В частности, Р. А. Ханнанов не относит факты-условия к категории юридических фактов, полагая, что они «не влекут самостоятельных правовых последствий в виде возникновения, изменения или прекращения субъективных прав и обязанностей»³.

Такое утверждение представляется малоубедительным. Конечно, традиционно юридическими фактами называют фактические обстоятельства, обуславливающие динамику конкретных правоотношений⁴. Вместе с тем в правовой литературе высказано и другое мнение, согласно которому с наступлением юридических факторов связывается не только движение правоотношений, но и правовые последствия иного рода⁵.

Об иных, нетрадиционных правовых последствиях можно говорить и в связи с наступлением обстоятельств, лишь способствующих развитию конкретного правоотношения. В литературе их именуют по-разному: нормативными или юридическими условиями, правосубъективными предпосылками. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является термин «факт-условие», так как он гораздо точнее отражает служебную роль этих обстоятельств.

В общей теории юридических фактов нет единства взглядов относительно связи названных фактов с юридическими фактами, образующими конкретные фактические составы. Доминирует точка зрения, согласно которой юридические условия должны входить в специальный фактический состав⁶.

³ См.: Ханнанов Р. А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения. — Сов. государство и право, 1973, № 8, с. 125.

⁴ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958, с. 75—79 и др.; Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, с. 161; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961, с. 252—253; Алексеев С. С. Общая теория права. Т. II. М., 1982, с. 163, 175; Косова О. Ю. О понятии юридических фактов в советском семейном праве. — Вестн. ЛГУ. Экономика. Философия. Право, 1983, вып. 4, № 23, с. 93.

⁵ Процевский А. И. Метод правового регулирования трудовых правоотношений. М., 1972, с. 81; Реутов С. И. К вопросу о классификации юридических фактов в советском семейном праве. — В кн.: Вопросы гражданского, трудового и колхозного права. Пермь, 1976, с. 93.

⁶ Иванова З. Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, М., 1951, с. 76—77; Она же. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан. — Сов. государство и право, 1980, № 2, с. 36; Гуревич М. Г. Роль и значение оснований возникновения обязательственных правоотношений.

Между тем в последнее время появилось высказывание о том, что вряд ли правильно включать их в конкретные составы⁷.

Представляется, что это утверждение распространяется и на соответствующие юридические факты в семейном праве, хотя оно и поддерживается не всеми. Например, такой факт-условие, как достижение брачного возраста, одни ученые включают в состав, вызывающий к жизни брачное правоотношение⁸, другие не признают его элементом правопродолжающего состава⁹. Разногласия вызваны, как подчеркивает С. Я. Паластина, тем, что «в литературе по советскому семейному праву рассматриваются преимущественно конкретные юридические факты и составы. Различие же исходных позиций приводит к противоположным оценкам одних и тех же явлений»¹⁰.

Факт достижения брачного возраста, на наш взгляд, не должен входить в фактический состав, обуславливающий развитие брачного правоотношения. Это связано с наличием у него специфических черт и функций.

Факт совершеннолетия не порождает брачное правоотношение, для его возникновения необходим конкретный фактический состав: взаимное согласие лиц, вступающих в брак, и регистрация брака¹¹ (ст.ст. 13, 15 КоБС РСФСР). Достижение восемнадцатилетнего возраста выступает по отношению к названной совокупности юридических фактов как условие, возможность наступления в будущем брачного

ношений в советском гражданском праве. — В кн.: Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.). Юридические науки. Свердловск, 1963, с. 72; Ханнанов Р. А. Указ. соч., с. 125; Тарасова В. А. Юридические факты в области социального обеспечения. — Вестн. МГУ. Право, 1972, № 4, с. 16—17.

⁷ См.: Исаков В. Б. Указ. соч., с. 13—14.

⁸ Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1971, с. 49; Он же. Юридические факты в семейном праве СССР. — В кн.: Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов, 1969, с. 49; Реутов С. И. Фактические составы в системе юридических фактов семейного права. — Труды ВЮЗИ, 1975, т. 41, с. 203.

⁹ Оридорога М. Т. Брачное правоотношение. Киев, 1971, с. 17—20; Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 109—110; Исаков В. Б. Указ. соч., с. 10.

¹⁰ Паластина С. Я. Юридические факты в советском семейном праве. — Правоведение, 1976, № 3, с. 43.

¹¹ Существует и иное мнение, согласно которому регистрация брака не является элементом фактического состава. См.: Маслов В. Ф., Подопрigора З. А., Пушкин А. А. Действующее законодательство о браке и семье. Харьков, 1974, с. 30—31, 44.

правоотношения. Но это вовсе не означает, что указанный факт существует в «потенциальном состоянии», не вызывая каких-либо последствий. Достижение брачного возраста в совокупности с фактом дееспособности брачующихся, понимаемой только в смысле психической полноценности лиц, порождают брачную правосубъектность¹². Она образует наряду с правовыми нормами общую правовую предпосылку¹³ развития брачных правоотношений. Таким образом, достижение восемнадцатилетнего возраста — это юридический факт, основной функцией которого является возникновение брачной правосубъектности, а не субъективных прав и обязанностей между супругами. В научной литературе такого рода факты относятся к правосубъектным предпосылкам участия в правоотношении¹⁴. В этой роли они выступают как промежуточное, связующее звено между нормой права и правоспособностью (правосубъектностью).

Вместе с тем факт достижения определенного возраста может выполнять и обычную функцию основания динамики конкретного правоотношения. Например, с достижением пятнадцати лет прекращаются правоотношения опеки¹ и возникают правоотношения попечительства.

Достижение совершеннолетия в качестве способствующего обстоятельства отличается от элементов фактического состава, которые только в совокупности влекут самостоятельные последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Каждый факт, входящий в состав, не имеет самостоятельного юридического значения для данного правоотношения. Если же он порождает правовые последствия, то только как самостоятельный юридический факт, а не элемент состава¹⁵. Например, правоотношения опеки или попечительства возникают на основе установленной в законе совокупности фактических обстоятельств: отсутствия родительского попечения и решения исполкома (ст.ст. 119, 120, 121 КоБС РСФСР). Но в то же время одного факта

¹² См.: Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1967, с. 63; Оридо-рога М. Т. Указ. соч., с. 19—20.

¹³ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 27—39; Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959, с. 3.

¹⁴ См.: Марткович И. Б. Проблемы осуществления конституционного права на жилище: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1981, с. 14.

¹⁵ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 60—61; Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 75; Реутов С. И. Фактические составы в системе юридических фактов семейного права, с. 200—202.

отсутствия родительского попечения достаточно для возникновения между органами опеки и попечительства и другими субъектами административного правоотношения по временному устройству ребенка.

Специфика факта достижения восемнадцатилетнего возраста проявляется и в том, что он предшествует во времени юридическим фактам состава и является универсальным в том смысле, что с ним связывается возможность возникновения не только семейных, но и иных различных по отраслевой принадлежности правоотношений.

В правовой литературе дискуссионный характер имеет вопрос о природе правопрепятствующих фактов. По мнению О. А. Красавчикова, эти факты не влекут каких-либо последствий помимо развития правоотношений и в каждом отдельном случае являются либо правообразующими, либо правоизменяющими, либо правопрекращающими¹⁶. Другие авторы рассматривают их в качестве самостоятельных юридических фактов, порождающих специфические правовые последствия—так называемый «эффект правопрепятствия»¹⁷, т. е. ненаступление ожидаемых правоотношений.

Существование таких юридических фактов признается и в семейном праве¹⁸. Так, если при заключении брака обнаруживается хотя бы одно из обстоятельств, перечисленных в ст. 16 КоБС РСФСР, возникновение брачного правоотношения невозможно. Порождению алиментного обязательства между бывшими супругами препятствует факт пребывания их в браке, непродолжительное время, а также недостойное поведение одного из супругов (ст. 27 КоБС РСФСР). Факт беременности жены в случае ее несогласия на развод является одним из обстоятельств, при наличии которого муж не вправе возбуждать дело о расторжении брака (ст. 31 КоБС РСФСР). Перечисление таких юридических фактов в семейном праве можно продолжить.

Правопрепятствующие факты занимают определенное место в классификации юридических фактов. Критерием их отграничения от других юридических фактов, на наш взгляд,

¹⁶ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 90; см. также: Кечекьян С. Ф. Указ. соч., с. 163.

¹⁷ Исаков В. Б. Указ. соч., с. 68—69; Алексеев С. С. Указ. соч., с. 176, 184.

¹⁸ Рясенцев В. А. Юридические факты в семейном праве СССР, с. 49; Реутов С. И. К вопросу о классификации юридических фактов в советском семейном праве, с. 106—107.

следует считать «характер вызываемых ими правовых последствий»¹⁹. По этому признаку все фактические обстоятельства делятся на порождающие, изменяющие или прекращающие правоотношения, а также препятствующие их развитию.

Иногда правопрепятствующие факты отождествляют с отрицательными или негативными юридическими фактами²⁰. Такое утверждение представляется не вполне оправданным, поскольку эти факты могут быть систематизированы по разным основаниям. В отличие от правопрепятствующих, отрицательные факты подразделяются по «способу связи факта с явлением материального мира»²¹, а не по правовым последствиям. Если факты, названные в ст. 16 КоБС РСФСР, отсутствуют в реальной действительности, то это негативные факты. Они не препятствуют порождению брачного правоотношения. Их наличие вызывает «эффект правопрепятствия», т. е. невозможность заключения брака. При этом наступившие обстоятельства являются положительными, позитивными.

Таким образом, основной функцией правопрепятствующих фактов выступает функция недопущения правовых последствий. Помимо указанной они могут выполнять и другие функции, в частности функцию «предварительного воздействия на общественные отношения»²² до возникновения конкретных субъективных прав и обязанностей. Например, гражданам до оформления брака нужно устранить обстоятельства, препятствующие этому. Следовательно, эти обстоятельства не только создают почву для возникновения брачного правоотношения, но и стимулируют к совершению определенных юридических действий.

На развитие семейных правоотношений воздействуют также своеобразные юридические факты-состояния. Вопрос об их месте в системе юридических фактов является дискуссионным. Одни ученые относят состояния к разряду событий и поэтому не выделяют в качестве отдельного вида юридических фактов. Так, О. А. Красавчиков рассматривает и события, и состояния как неволевые явления. «Поэтому,— пишет он,— более правильно относить первоначально те и

¹⁹ См.: Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 87.

²⁰ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974, с. 287.

²¹ См.: Исаков В. Б. Указ. соч., с. 68.

²² См.: Исаков В. Б. Указ. соч., с. 94.

другие к одной группе, а уже затем производить дальнейшие подразделения»²³. Другие полагают, что состояния могут являться или событиями, или действиями, но также не выделяют их в отдельную группу юридических фактов²⁴. Высказывается также мнение о том, что факты-состояния вообще нельзя признавать юридическими, так как они не «вмещаются» в пределы классификации юридических фактов по признаку направленности воли на правовые последствия²⁵.

На наш взгляд, более приемлема позиция исследователей, рассматривающих состояния в качестве отдельного, самостоятельного вида юридических фактов²⁶. Между тем некоторые из авторов, исходя из предположения, что юридические факты подразделяются только по волевому признаку, выделяют также факты длительного характера наряду с событиями и действиями (К. А. Стальгевич, С. В. Курылев, Ю. К. Толстой). В результате используется не один критерий разграничения, а два: волевой и признак длительности протекания явления. «Ценность же всякой классификации,— отмечает О. А. Красавчиков,— отчасти в том и состоит, что все классифицируемые явления систематизируются по одному заранее избранному признаку подразделения. В противном случае классификация теряет свой научный характер и практическое значение, она становится произвольным нагромождением явлений и фактов»²⁷.

В связи с этим представляется целесообразным классифицировать все фактические обстоятельства по признаку длительности их существования на факты разового и длительного действия. В соответствии с этим критерием факты-

²³ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 85; см. также: Иванова З. Д. Основания возникновения правоотношений по советскому праву, с. 9; Рясенцев В. А. Юридические факты в семейном праве СССР, с. 48; Реутов С. И. К вопросу о классификации юридических фактов в советском семейном праве, с. 104.

²⁴ Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 75; Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982, т. 2, с. 177.

²⁵ Ханнанов Р. А. Указ. соч., с. 124.

²⁶ Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права). — Тр. Иркут. ун-та. Сер. юрид., 1955, т. 13, с. 45—46; Стальгевич К. А. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. — Сов. государство и право, 1957, № 2, с. 31; Толстой Ю. К. Указ. соч., с. 74; Исаков В. Б. Указ. соч., с. 29; Алексеев С. С. Указ. соч., с. 178.

²⁷ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 86.

состояния могут рассматриваться как обстоятельства, имеющие длящийся характер.

Состояния представляют собой факты, существующие длительное время в относительно стабильном виде. В основе их возникновения лежат самостоятельные юридические факты: действия или события. Например, состояние родства порождается событием—рождением ребенка. По отношению к ним собственно состояния выступают как вторичные, факты второго уровня. «Следовательно,—отмечает С. С. Алексеев, существует два ряда (этажа) юридических фактов: первый ряд—основания движения состояний, второй ряд—юридические факты-состояния»²⁸. Действия или события—это лишь начальный момент, стадия, в результате наступления которой возникает собственно состояние.

Относительно природы фактов-состояний нет единого мнения. Отдельные ученые, например О. С. Иоффе, рассматривают их как свойства вещей: делимость и неделимость, потребляемость и непотребляемость и т. д. Другие дополняют указанное определение ссылкой на то, что такие свойства присущи не только вещам, но и другим явлениям или процессам действительности. Поэтому они считают, что правильнее называть такие факты общественными свойствами²⁹. Следует согласиться с позицией авторов, характеризующих некоторые состояния как «уже существующие общественные отношения»³⁰. В этой связи достаточно убедительно звучит высказывание Я. М. Магазинера о том, что свойства вещей—это «только юридический образ, который скрывает в себе действия людей»³¹, т. е. общественные связи между ними, те общественные отношения, в которые граждане вступают по поводу вещей и иных благ. Действительно, такой факт-состояние, как родство, предполагает общественную связь людей, основанную на происхождении одного лица от другого или от общего предка. Причем, как и любое общественное отношение, родство «можно разложить на несколько отношений, хотя в своей совокупности оно выступает как единое целое»³². Это состояние включает в себя

²⁸ Алексеев С. С. Указ. соч., с. 178.

²⁹ Ханнанов Р. А. Указ. соч., с. 126.

³⁰ Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 85; Реутов С. И. К вопросу о классификации юридических фактов в советском семейном праве, с. 103.

³¹ См.: Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право. Л., 1928, с. 174.

³² Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963, с. 61.

многообразные связи между родственниками: отцом и сыном, дедом и внуком, братом и сестрой, но воспринимается как единая взаимосвязь.

Состояниям присущ такой характерный признак, как продолжительность существования. Однако их необходимо отличать от юридических поступков длительного действия, таких, как совместное ведение хозяйства, жестокое обращение с ребенком и т. д., на которые обратил внимание В. А. Рясенцев³³. Такого рода факты складываются из совокупности однородных и сходных действий, каждое из которых влечет те или иные изменения в них. Факты-состояния же существуют как статические, завершенные явления. Они представляют собой застывший, законченный момент действительности.

Эти своеобразные обстоятельства обычно играют роль оснований развития правоотношений. Так, для возникновения алиментного обязательства между бывшими супругами требуются наряду с другими два факта-состояния, нуждаемость и нетрудоспособность (ст. 26 КоБС РСФСР).

Нетрудоспособность является обобщающим понятием и существует как длительное, устойчивое состояние, обусловленное возрастом или болезнью. Ее начальным моментом может быть событие (например, достижение пенсионного возраста) или действие, в частности причинение вреда повреждением здоровья. В дальнейшем «право как бы «отвлекается» от юридических обстоятельств, послуживших предпосылкой состояния»³⁴. Нетрудоспособность становится значимой сама по себе как общественная связь между нетрудоспособным гражданином и всеми другими субъектами.

Нуждаемость представляет собой состояние, положение, в котором находится лицо, не имеющее достаточных средств к существованию, по отношению к иным лицам.

Роль фактов-состояний не ограничивается их традиционной функцией в регулировании семейных отношений. Им присущи также дополнительные функции³⁵, которые не ока-

³³ Рясенцев В. А. Юридические поступки в советском семейном праве. — В кн.: Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье в правоприменительной практике. Саратов, 1980, с. 11—17.

³⁴ Воронина Н. П. Правообразующие юридические факты в советском жилищном праве: Автореф. дис. ... на соиск. канд. юрид. наук. Свердловск, 1982, с. 8.

³⁵ О существовании дополнительных функций юридических фактов см.: Исаков В. Б. Указ. соч., с. 21 и т. д.

зывают прямого воздействия на динамику семейного правоотношения, но способствуют этому. Так, они способны выполнить функцию наступления неблагоприятных последствий, не влияющих на содержание самого правоотношения. Например, состояние родства в совокупности с другими юридическими фактами может привести к лишению родителя права на общение с ребенком (ч. II ст. 56 КоБС РСФСР). По смыслу закона речь идет об ограничении их лишь в реализации права на общение, само же родительское правоотношение продолжает существовать.

Факты-состояния, в том числе и перечисленные в ст. 16 КоБС РСФСР, могут выполнять и правопрепятствующую функцию, о чем уже было сказано выше.

В некоторых случаях они создают лишь возможность наступления в будущем семейных правоотношений и в таком виде выступают как факты-условия. Так, алиментное обязательство между бывшими супругами обусловлено конкретным фактическим составом: расторжением брака, нетрудоспособностью и нуждаемостью бывшего супруга, а также способностью обязанного супруга предоставлять алименты³⁶. Между тем возникновение этого правоотношения невозможно, если ему не предшествовало состояние данных лиц в браке. Оно не входит в фактический состав, обуславливающий возникновение алиментного обязательства, а выполняет особую роль его основания.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы. Юридическими фактами в советском семейном праве, в том числе фактами-условиями, фактами-состояниями и правопрепятствующими фактами, являются обстоятельства, с наличием которых нормы семейного права связывают различные правовые последствия. Основной их функцией является порождение, изменение или прекращение семейных правоотношений. Кроме того, они влекут и специфические правовые последствия: порождение правоспособности (правосубъектности), эффект правопрепятствия, стимулирование к совершению определенных юридических действий, а также наступление неблагоприятных последствий, не влияющих на содержание самого правоотношения. Многообразные функции, выполняемые юридическими фактами, наряду с их обычной, традиционной функцией свидетельствуют о том, что юриди-

³⁶ См.: Паластина С. Я. Указ. соч., с. 50; Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 148.

ческие факты представляют собой не просто «рычажки», приводящие в действие нормы права, второстепенное, передаточное звено между нормой права и правоотношением³⁷, а самостоятельный элемент механизма правового регулирования³⁸.

³⁷ Красавчиков О. А. Указ. соч., с. 27; Алексеев С. С. Указ. соч., с. 164—165.

³⁸ Исаков В. Б. Указ. соч., с. 25.

ЛИЧНЫЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ В БРАЧНОМ ПРАВООТНОШЕНИИ

Е. Л. НЕВЗГОДИНА

1. Впервые в истории нашей страны на уровне Конституции СССР (ст. 53) определено отношение Советского государства к семье, закреплены принципиальные основы построения брачно-семейных отношений. Это делает необходимым их глубокое теоретическое освоение и на этой основе — дальнейшее совершенствование семейного законодательства и практики его применения. Растущее число разводов не дает нам сегодня оснований для утверждения о достаточно эффективном значении действующего законодательства в деле укрепления семьи.

2. Общеизвестно,¹ что одним из главных признаков выделения семейного права в самостоятельную отрасль советского права является то, что основное место в предмете семейно-правового регулирования занимают личные неимущественные отношения, а имущественные выступают как производные, зависящие от неимущественных и обслуживающих их¹. Между тем имущественной сфере супружеских отношений посвящены многочисленные статьи и монографии, уделено значительное внимание в учебной литературе, неимущественные же правовые связи между супругами, несмотря на их общепризнанный главенствующий характер, остаются менее исследованной частью брачного правоотношения.

Традиционное рассмотрение в качестве личных неимущественных прав супругов права на выбор фамилии, рода занятий, профессии, места жительства иногда сопровождается оговоркой о том, что ими не исчерпывается круг личных не-

¹ См.: Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1971, с. 9; Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право. М., 1974, с. 120; Поссе Е. А., Фаддеева Т. А. Проблемы семейного права. Л., 1976, с. 20; Советское гражданское право. М., 1979, т. 1, с. 30; Советское семейное право. М., 1982, с. 10.

имущественных прав в брачном правоотношении, что судить о существовании некоторых из них можно лишь делая умозаключения на основе анализа отдельных семейно-правовых норм, косвенно подтверждающих их наличие². Однако права эти в лучшем случае лишь называются, но не исследуются, не анализируются и корреспондирующие им обязанности. Так, в фундаментальной работе Е. М. Ворожейкина, специально посвященной теории семейных правоотношений, помимо элементов общего правового статуса граждан, в качестве личных неимущественных прав супругов (без указания соответствующих им обязанностей) упомянуты право требовать совместного решения вопросов жизни семьи, право на защиту своих интересов и право на расторжение брака³.

3. При исследовании личных неимущественных связей в брачном правоотношении нельзя не учитывать того, что никакая другая отрасль советского права не знает столь тесного взаимодействия норм права и морали, как право семейное. Нравственные начала проникают в самую ткань семейно-правовых норм⁴, и правила сугубо правовые здесь так тесно переплетаются с нравственными, что образуют с ними нечто целое⁵. Это позволяет характеризовать содержание семейных правоотношений как морально-правовое⁶, а семейное право — как этико-правовую категорию⁷. Яркой иллюстрацией тому может служить ст. 27 КоБС⁸, в силу которой суд может, принимая во внимание недостойное поведение супруга, требующего выплаты ему алиментов, освободить другого супруга от обязанности по его содержанию или ограничить эту обязанность определенным сроком.

То, что супруги должны вести себя в браке достойно, не требует доказательств. Но на то, что это не только моральный долг, но и юридическая обязанность, в литературе не обращалось внимания. Недостойное поведение супруга рас-

² См.: Нечаева А. М. Семья и закон. М., 1980, с. 113.

³ См.: Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972, с. 129—130.

⁴ См.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971, с. 204.

⁵ См.: Нечаева А. М. Указ. соч., с. 64—65.

⁶ См.: Там же, с. 21.

⁷ См.: Шахматов В. П. Законодательство о браке и семье. Томск, 1981, с. 3.

⁸ При ссылке на КоБС и Основы имеются в виду КоБС РСФСР и Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик.

смачивается лишь в связи с алиментными обязанностями. Очевидно, однако, что освобождение супруга от обязанности по содержанию другого супруга является следствием нарушения последним другой важнейшей супружеской обязанности — достойного поведения в браке, так же, как, например, освобождение взрослых детей от обязанности содержать родителей — следствие уклонения родителей от выполнения своих родительских обязанностей (ч. 2 ст. 20 Основ).

Предусмотренное ст. 27 КоБС лишение или ограничение права супруга на получение алиментов в связи с его недостойным поведением не может не расцениваться иначе, как семейно-правовая санкция⁹. Но нельзя установить санкцию, не установив права, которое она призвана охранять, и обязанности, соблюдение которой она признана обеспечить. Поэтому следует признать, что в ст. 27 КоБС путем закрепления санкции установлена обязанность каждого супруга вести себя достойно в браке (а точнее — в семье¹⁰), соответствующая праву другого супруга требовать ее исполнения.

Содержание и критерии достойного поведения супруга, оценка его поведения как недостойного относятся к области морали и нравственно-психологических традиций, сложившихся в советской семье: супруги должны заботиться друг о друге, соблюдать супружескую верность, считаться с мнением друг друга, участвовать своим общественно полезным трудом в создании материальной базы семьи, в ведении домашнего хозяйства, ответственно относиться к воспитанию детей и к семье в целом, не допускать пьянства, грубого, жестокого отношения к супругу и к другим членам семьи, уважать их достоинство и т. п.

Здесь мы имеем дело с тем специфическим для семейно-правового регулирования приемом, когда нормы морали проникают в самую ткань семейного права, определяя социаль-

⁹ См.: Гражданско-правовое положение личности в СССР. М., 1975, с. 355—356; Ворожейкин Е. М. Указ. соч., с. 307—308; Фархтдинов Я. Ф. Судебное рассмотрение дел о расторжении брака. Казань, 1978, с. 103; Советское семейное право. М., 1982, с. 59—60.

¹⁰ Гражданин П., оставив П-ву с двумя детьми, вступил в фактические брачные отношения с другой женщиной. П. платил алименты детям, но, живя с ними в одном городе, никакого участия в их воспитании не принимал, вообще не интересовался оставленной семьей. Став нетрудоспособным по старости, П. предъявил иск к П-вой, брак с которой не был им расторгнут, о взыскании алиментов на свое содержание. Суд справедливо оценил поведение П. как недостойное по отношению к семье и отказал ему в иске (Архив Омского областного суда за 1982 г.).

ное содержание (поведение) семейно-правовой обязанности, а вместе с тем — и содержание связанного с ней права. Такая «контурная»¹¹ правовая регламентация поведения супругов позволяет, не вторгаясь в личную жизнь людей, обеспечивать построение и развитие брака в соответствии с задачами его правового регулирования, вытекающими из ст. 53 Конституции СССР, преамбулы и ст. 1 Основ.

До тех пор, пока брак не заключен, отношения между состоящими в близких отношениях мужчиной и женщиной безразличны для семейного права. И после его заключения отношения любви, дружбы, интимной близости не подвластны правовому регулированию и меньше всего нуждаются в нем. Но брак — это основа семьи, в которой гармонически сочетаются общественные и личные интересы, от успешности функционирования которой зависит благосостояние общества. Поэтому Советское государство не может оставить без правового регулирования обязанность супругов вести себя достойно в браке, ибо взаимное достойное поведение супругов — залог сохранения семьи, эффективного выполнения ею своих функций, в том числе важнейшей — воспроизводства человеческой личности. Известны слова Маркса о том, что никто не принуждается к заключению брака, но всякий вступивший в брак должен подчиняться законам брака¹².

С учетом изложенного и имея в виду большое воспитательное значение самого факта придания правового характера обязанности достойного поведения в браке, представляется целесообразным не только косвенно, как это сделано в ст. 27 КоБС, но и текстуально закрепить эту обязанность в семейном законодательстве.

Обязанность достойного поведения в браке, как и всякая другая личная неимущественная семейно-правовая обязанность (в том числе важнейшая обязанность родителей по воспитанию детей), не поддается принудительному исполнению, в отличие, например, от алиментной обязанности. Но уже само по себе закрепление такого рода обязанности в тексте закона имеет большое воспитательное значение. Право же каждого супруга требовать достойного поведения в бра-

¹¹ О «контурной» правовой регламентации личных неимущественных семейных отношений, характеризующейся «обозначением главных линий», см.: Советское семейное право. М., 1982, с. 13—14.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 162.

ке от другого супруга защищается не только с помощью санкции ст. 27 КоБС (она может быть применена лишь к нетрудоспособному и нуждающемуся супругу, потребовавшему выплаты алиментов). Это право защищается и возможностью по одностороннему волеизъявлению супруга, право которого нарушается недостойным поведением другого супруга, прекратить брачное правоотношение в установленном законом порядке и тем самым пресечь действия, нарушающие право. Злостное недостойное поведение супруга (грубое, жестокое обращение, пьянство, паразитический образ жизни, аморальное, антиобщественное поведение¹³, является основанием для расторжения брака по требованию другого супруга. Недостойное поведение влечет государственное и общественное осуждение: установив факты недостойного поведения в семье, суды должны выносить частные определения для принятия к виновным лицам необходимых мер общественного воздействия¹⁴. Кроме того, право супруга требовать от другого супруга достойного поведения в семье, как и всякое личное право¹⁵, охраняется и силой общественного мнения, нормами морали, нормами иных отраслей права: уголовного — когда недостойное поведение в семье приобретает характер преступления; гражданского — выселение за невозможность совместного проживания, возмещение вреда, причиненного здоровью или имуществу супруга, и т. д.

Представляется, что рассмотренная правовая связь (право требовать достойного поведения в семье и обязанность вести себя достойно) является главной и определяющей по отношению ко всем другим правам и обязанностям супругов в брачном правоотношении. Осуществляя свои личные и имущественные супружеские права и обязанности, супруги должны соблюдать главную обязанность — достойного поведения в семье.

¹³ См.: П. 23 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1982 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей и других членов семьи». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1982, № 3.

¹⁴ См.: П. 26 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 ноября 1980 г. «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». — Бюллетень Верховного суда СССР, 1981, № 1.

¹⁵ См.: Красанчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983, с. 27.

4. В содержание брачного правоотношения входит личное немущественное право каждого супруга на совместное решение вопросов жизни семьи (ст. 11 Основ). Это право основано на конституционном принципе равенства женщины и мужчины в СССР (ст. 35), равноправия супругов в семье (ст. 53 Конституции СССР). Названному праву соответствует обязанность каждого супруга учитывать мнение и интересы другого при решении вопросов жизни семьи, т. е. решать их по обоюдному согласию. И верно то, что указанное право «обеспечивается прежде всего соблюдением нравственных требований о взаимном уважении, справедливом распределении семейных прав и обязанностей, добросовестном к ним отношении»¹⁶, поскольку морально-правовое содержание семейных правоотношений обуславливает и морально-правовой характер ответственности и иных мер защиты семейных прав.

Право каждого из супругов на совместное решение наиболее существенных вопросов жизни семьи обеспечивается на уровне норм семейного и других отраслей права, закрепляющих равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях, равные права супругов в отношении их общего имущества, необходимостью письменного подтверждения согласия супруга на отчуждение жилого дома; правом супруга давать согласие на обмен жилого помещения и на вселение в него других лиц; возможностью обратиться в соответствующий государственный орган за разрешением возникшего спора по поводу детей и др.

Одним из проявлений права на совместное решение вопросов жизни семьи должно быть названо право супруга давать согласие на усыновление ребенка другим супругом (ч. 5, ст. 24 Основ). Такое право предоставлено супругу не только в интересах ребенка, который не должен встретить враждебное отношение в семье со стороны супруга усыновителя, но и в интересах этого супруга, ибо ему далеко не безразлично появление в семье чужого ребенка. Указанное право охраняется от нарушения, во-первых, недопущением усыновления при отсутствии на это согласия супруга усыновителя, во-вторых, возможностью отмены усыновления, состоявшегося без согласия этого супруга. Хотя в ст. 113 КоБС говорится, что отмена усыновления в таких случаях может последовать лишь в интересах ребенка, но практически в тех случаях,

¹⁶ Нечаева А. М. Указ. соч., с. 19.

когда супруги не прекращают семейных отношений и супруг усыновителя требует отмены усыновления, состоявшегося без его согласия, интересы и ребенка, и супруга-усыновителя (хотя и с разных позиций) совпадают и, как правило, требуют отмены усыновления, ибо говорить о нормальной обстановке для воспитания ребенка здесь не приходится.

Не только усыновляемый, но и несовершеннолетний подопечный, по общему правилу, помещается в семью опекуна, попечителя (ч. 2 ст. 129 КоБС). Поэтому по тем же соображениям, которые относятся к усыновляемому, представляется необходимым установить право супруга давать согласие на назначение другого супруга опекуном или попечителем несовершеннолетнего, закрепив это право в ст. 126 КоБС, содержащей условия назначения лица опекуном, попечителем.

5. К числу личных неимущественных прав в брачном правоотношении следует отнести и право каждого супруга на расторжение брака (на развод). Это право как проявление свободы личности в социалистическом обществе является одной из важнейших гарантий закрепленного в ст. 53 Конституции СССР принципа добровольности брачного союза.

В литературе развод рассматривается главным образом как важнейший институт семейного права с позиций причин развода, порядка, формы и последствий. И лишь в некоторых работах кратко упоминается право на развод как личное неимущественное право супруга, квалифицируемое либо как элемент содержания семейной правоспособности, либо как субъективное право. Так, А. М. Нечаева отмечает, что при квалификации предоставленной каждому гражданину государством возможности расторжения брака как элемента брачно-семейной правоспособности «вне поля зрения останется свобода действий в области брачно-семейных отношений»¹⁷. Думается, что противопоставление юридической возможности как элемента содержания семейной правоспособности и как субъективного права не имеет смысла. Первое не исключает второго, а является его необходимой предпосылкой. Право на развод в качестве элемента семейной правоспособности принадлежит каждому гражданину, обладающему брачной правоспособностью, а в качестве субъективного права супругов возникает в рамках брачного правоотношения в силу вступления в брак.

¹⁷ Нечаева А. М. Указ. соч., с. 92—93.

Право на развод — это право каждого из супругов на прекращение брака в установленном порядке и независимо от воли другого супруга. От взаимного согласия супругов на развод может зависеть лишь порядок развода (ч. 7 ст. 14 Основ), но не само наличие этого права, ибо при достаточных основаниях брак расторгается судом или ЗАГСом и в силу одностороннего волеизъявления одного из супругов (ч. ч. 4, 8 ст. 14 Основ).

Обязанность, противостоящая праву на развод, в литературе либо не указывается, либо определяется (в зависимости от порядка развода) как обязанность суда вынести решение о разводе, если сохранить семью невозможно, или как обязанность органа загс оформить развод¹⁸. Такая обязанность действительно существует. Каждый из супругов вправе обратиться в суд с иском о расторжении брака и требовать рассмотрения иска по существу и вынесения решения в соответствии с законом, а суд несет соответствующую обязанность. Но эти право и обязанность существуют в рамках процессуального, а не семейного правоотношения, которое возникает в силу специфических юридических фактов и сторонами которого могут быть только граждане, в данном случае — супруги. По тем же причинам не являются брачно-семейными правоотношения между супругом и органом загс по поводу расторжения брака или регистрации развода.

Это не означает, что право на развод как брачно-семейное право существует вне правоотношения. Любое субъективное право немислимо без корреспондирующей ему обязанности, иначе оно не может быть реализовано. Право на развод обращено к конкретному обязанному лицу — супругу и направлено на прекращение брачного правоотношения, стороной которого он является. Определяя обязанность, противостоящую праву на развод как субъективному супружескому праву в брачном правоотношении, необходимо иметь в виду, что право на развод, как и всякое субъективное право на собственные положительные действия, порождающие юридические последствия для другого (обязанного) лица (в данном случае — для другого супруга), не нуждается для реализации в содействии обязанного лица. Такие последствия (в данном случае — прекращение брачных прав и обязанностей) в случае реализации указанного права возникают у обязанного лица помимо его воли или даже вопреки ей.

¹⁸ Гражданско-правовое положение личности в СССР, с. 325.

С учетом сложившейся в юридической науке терминологии обязанность каждого супруга, соответствующую праву на развод другого супруга, можно определить как обязанность принять на себя юридические последствия реализации права на развод.

Категория «обязанность» здесь не укладывается в рамки традиционной трактовки обязанности как необходимости совершить определенные действия или воздержаться от них. Но различение двух типов связи прав и обязанностей — активного и пассивного — не охватывает всего богатства конкретных видов связи прав и обязанностей, на что уже обращалось внимание в теории права¹⁹. Известен ряд правоотношений, в которых обязанность, противостоящая праву на собственные положительные действия, порождающие юридические последствия для обязанного лица, реализуется независимо от поведения последнего («автоматизм» наступающих последствий)²⁰. Как всякое право требования в правоотношениях активного типа выступает средством обеспечения должного поведения обязанного лица, так и обязанность «принять на себя» прекращение брака является необходимым условием бытия и осуществления связанного с ней права на развод в рамках брачного правоотношения. И так же, как любое право требования реализуется исполнением корреспондирующей ему обязанности ее носителем, так и обязанность «принять на себя» осуществляется путем реализации связанного с ней субъективного права²¹.

Оценка развода с точки зрения реализации личного неимущественного права супругов на развод как элемента содержания брачного правоотношения позволяет проанализировать сложный и многогранный институт развода с позиций обеспечения права личности в социалистическом обществе в соответствии с интересами общества и с учетом этого охарактеризовать пределы содержания и осуществления этого важнейшего права, соотнести его с семейно-правовыми санкциями и иными мерами защиты семейных прав, выяснить значение вины одного из супругов для расторжения бра-

¹⁹ См.: Халфина Р. О. *Общее учение о правоотношении*. М., 1974, с. 247.

²⁰ См.: Невзгодина Е. Л. *Представительство по гражданскому праву*. — *Сов. государство и право*, 1978, № 3, с. 120.

²¹ *Об особенностях связи прав на «свои» положительные действия с юридическими обязанностями см.: Алексеев С. С. Проблемы теории права*. Свердловск, 1972, т. 1, с. 309.

ка и его последствий и др. Все эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Выше были проанализированы некоторые наиболее существенные личные неимущественные права и обязанности супругов в брачном правоотношении, которые еще не привлекли должного внимания науки советского семейного права. Ими, безусловно, не исчерпываются неимущественные правовые связи между супругами, да и сам круг личных неимущественных прав и обязанностей супругов нельзя считать определенным раз и навсегда. Одной из особенностей развития советского права на современном этапе является закрепленная в Конституции СССР общая тенденция расширения правового регулирования личных неимущественных отношений²². Эта тенденция, обусловленная закономерным ростом духовных интересов личности в обществе, имеет особое значение для семейного права как морально-правовой категории, в предмете которого личные неимущественные отношения имеют определяющее значение.

²² См.: Малеев Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981, с. 29; Красавчикова Л. О. Указ соч., с. 32.

Раздел II

ТРУДОВОЕ ПРАВО

ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОМ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В. И. САВИЧ

Глубокое изучение проблем управления, в том числе управления трудом в пределах предприятия, невозможно без исследования функций управления. На необходимость и значение анализа функций управления весьма обоснованно указано в философской, экономической и юридической литературе: «Функциональный подход сосредоточивает внимание на выяснении специфики связей между элементами и общим»¹; «В функциях проявляется сущность и содержание, цели и задачи управления»²; «Функции управления раскрывают основное назначение управления, определенный характер или направление его организующего воздействия»³; «Изучение функций как объективно существующей категории помогает оценить состояние правового регулирования управленческой деятельности и внести предложения по его улучшению, а также по совершенствованию практики управления»⁴; «Исходным пунктом изучения управленческих проблем служит выявление объективно необходимых функций управления, анализ их сущности и характера»⁵.

Несмотря на интенсивное исследование функций управления представителями различных отраслей науки социологического блока, более или менее единого решения основных, исходных вопросов этой проблемы — вопросов о понятии и содержании функций управления — пока нет. Более того, количество и разнообразие пониманий функций управления

¹ Философская энциклопедия. М., 1970, т. 5, с. 418.

² Омаров А. М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики. М., 1980, с. 99.

³ Дюрягин И. Я. Стадии и функции управления. — Правоведение, 1977, № 1, с. 27.

⁴ Бачило И. Л. Функции органов управления. М., 1976, с. 23.

⁵ Научные основы государственного управления в СССР. М., 1968, с. 47.

так велико, что оказывается невозможным проанализировать каждое из них в отдельности. Это делает необходимым выделить наиболее распространенные из имеющихся взглядов на функции управления и условно объединить их в группы в зависимости от подхода к решению этого вопроса.

Первая группа авторов под функциями управления понимает стадии управленческого процесса. В. Г. Афанасьев, рассматривая содержание управления, понимает под ним (содержанием) основные функции управления, которые отождествляет со стадиями управленческого цикла. К числу функций управления он относит выработку и принятие управленческого решения, организацию, регулирование и корректирование, учет и контроль⁶. В принципе такой же точки зрения придерживается и Ю. А. Тихомиров, хотя и предлагает иной состав функций управления: прогнозирование, планирование, сбор и анализ информации, подготовку и принятие управленческого решения, организацию, регулирование и координацию, контроль и оценку результатов управленческих действий⁷.

Вторая группа авторов функции управления рассматривает как вид или род управленческой деятельности. В этом плане функции управления определяются как «наиболее общие, типичные виды действия субъектов управления»⁸, как «один из видов сложного, творческого, умственного труда»⁹, как «особый вид управленческой деятельности, продукт процесса разделения труда и специализации в сфере управления»¹⁰. Таким образом, эта группа авторов, как и предыдущая, выводит функции управления из самого управления, из содержания управленческого процесса в отрыве от объекта управления.

Представители третьей группы авторов, говоря о понятии функций управления, делают определенные уточнения, указывая на связь функций управления с объектом управления. Так, О. В. Козлова и И. Н. Кузнецов пишут, что функция управления — это «отрасль работы, представляющая собой

⁶ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1968, с. 196.

⁷ Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972, с. 15—23.

⁸ Основин В. С. Основы науки социального управления. Воронеж, 1971, с. 53.

⁹ Смирнов Б. В. Функции управления социалистическим производством. М., 1977, с. 19.

¹⁰ Организация управления социалистическим производством. М., 1972, с. 6.

совокупность решений, действий или процессов, объединенных общностью объекта и решаемых задач по управлению производством»¹¹. А. С. Петров под функциями управления понимает «совокупность конкретных видов труда, предметом которых является познание сущности данного экономического процесса или явления, разработка и реализация мер, обеспечивающих их движение в соответствии с поставленной обществом целью»¹². Такое понимание функций управления предопределяет и их перечень. В той или иной модификации авторы этой группы в качестве функций управления называют прогнозирование, планирование, организацию, распорядительство, координацию, регулирование, учет и контроль.

Наконец, четвертая группа авторов под функциями управления понимает направления управленческого воздействия на объект управления. Так, И. Л. Бачило функции управления характеризует как «комплекс взаимосвязанных организационно-правовых воздействий субъекта, которые направлены на конкретный участок деятельности объекта управления и в совокупности обеспечивают достижение цели, стоящей перед системой управления»¹³. Такой же позиции придерживается и И. Я. Дюрягин, указывая на необходимость рассматривать функции управления как направления организующего воздействия самого управления¹⁴.

Хотя приведенные взгляды на понятие функций управления отражают наиболее распространенные точки зрения по этому вопросу, они все же не исчерпывают всего многообразия существующих в литературе высказываний по этому вопросу. Во многих случаях авторы, не давая определения, лишь перечисляют функции управления. Большое количество определений и пониманий функций управления указывает, с одной стороны, на известные трудности, с которыми сталкиваются исследователи этой проблемы, а в другой — на отсутствие единого подхода к решению этого вопроса.

В марксистско-ленинской философии под функцией понимается способ поведения, присущий какому-либо объекту

¹¹ Козлова О. В., Кузнецов И. Н. Научные основы управления производством. М., 1970, с. 62.

¹² Петров А. С. Экономические основы управления производством. М., 1966, с. 81.

¹³ Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., 1973, с. 107.

¹⁴ Дюрягин И. Я. Стадии и функции управления, с. 27.

и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента. Таким образом, функция есть одно из следствий, вызываемых тем или иным объектом в соответствии с некоторым причинным законом, отличительной особенностью которого является то, что оно (функциональное следствие, функция) способствует сохранению существования объекта или системы¹⁵. К этому следует добавить, что не любой объект или система порождают функции, а только те, которые имеют определенный уровень развития или организации. Так, государство как функциональное следствие развития общества с необходимостью появляется только тогда, когда общество разделяется на классы. К. Маркс убедительно показал, что управление трудом как особая функция, «возникающая из самой природы общественного труда и входящая в состав этого последнего», появляется только с возникновением кооперации. Он писал: «С развитием кооперации многих наемных рабочих командование капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда,—действительным условием производства»¹⁶.

Но функция как следствие развития того или иного объекта или системы возникает не для самой себя, не для самостоятельного существования. Она лишь отражает потребности объекта или системы. Функция возникает из объекта и для объекта. Таким образом, самостоятельное существование функции невозможно и лишено смысла. Функция выражает потребности объекта, которые и формируют ее содержание. Поэтому изменения, происходящие в объекте, с необходимостью изменяют и содержание функции. Так, социалистическое государство выполняет иные функции, нежели государство капиталистическое. Функция как элемент системы, выражающий ее потребности, выполняет по отношению к этой системе определенную служебную роль, которая, как правило, и определяет название той или иной функции.

Функциональные связи и следствия весьма многообразны и возникают на разных уровнях структуры социальных явлений и процессов. Так, труд, являясь одной из функций человеческого общества, сам порождает функцию управления им, а управление трудом, постепенно оформляясь в относи-

¹⁵ Философская энциклопедия, т. 5, с. 418.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 342.

тельно самостоятельный социальный процесс, в свою очередь, производит собственные функции и т. д.

Поэтому, анализируя функции, в частности функции управления методологически важно «вычленение того целого, по отношению к которому выполняется данная функция, так как ее характер определяется природой целого»¹⁷, и составным элементом которого она является. Если общественный труд на предприятии рассматривать как целое, как сложную систему с управляющей и управляемой подсистемами, а управление — как воздействие первой на вторую, то можно и нужно говорить о функциях управления трудом на предприятии. Однако если за целое принять управление как относительно обособленный и специфический вид деятельности, то и здесь можно обнаружить функции, но не функции управления трудом, а функции управленческой деятельности, функции управленческого процесса. Таким образом, управление трудом как составная часть общественного труда на предприятии выполняет определенные функции по отношению к нему, а управленческий процесс как самостоятельная система, которая может быть рассмотрена, в свою очередь, как целое, производит и собственные функции, служебная роль которых направлена на обеспечение существования и жизнедеятельности самого управленческого процесса. Поэтому называемые некоторыми авторами в качестве функций управления прогнозирование, планирование, распорядительство, учет, контроль и т. д. не являются функциями управления, они представляют собой функции управленческого процесса, рассматриваемого как самостоятельное целое в отрыве от объекта управления; они направлены на обеспечение жизнедеятельности самого управленческого процесса и являются условиями его существования.

Представляется, что некоторые исследователи функций управления допускают именно эту методологическую неточность — исследуют функции, не определяя то целое, по отношению к которому они выполняются. Разумеется, необходимо изучение и функций управленческого процесса, но для исключения неоднозначного толкования термина «функции управления» нельзя обозначать этим термином разные по существу явления.

Итак, термин «функция» применительно к управлению имеет два значения: во-первых, функция обозначает опреде-

¹⁷ Философская энциклопедия, т. 5, с. 419.

ленное следствие, производимое тем. или иным объектом, процессом или системой; во-вторых, под функцией понимается служебная роль, которую это функциональное следствие должно выполнять по отношению к объекту, системе или процессу, из которого она возникла. Именно в таком двойном значении употребляет К. Маркс термин «функция» при анализе капиталистического управления общественным процессом труда. Он указывает, что управление есть не только функция общественного процесса труда, оно есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда¹⁸.

Вместе с тем это ни в какой мере не свидетельствует о наличии двух видов функций, это лишь две взаимосвязанные стороны одного явления — управления. Ни одна из них не может существовать без другой. Функция-следствие возникает только при наличии объективной потребности объекта для сохранения своего существования в функциях-ролях, а с отпадением этой потребности исчезает и функция-следствие. Именно так коммунистическое общество на определенном этапе развития утрачивает потребность в государственном управлении (функция — роль), и поэтому отмирает государство (функция-следствие).

Таким образом, управление в функциональном плане имеет две стороны: а) управление как функция того или иного социального объекта, системы или процесса; б) функция (или функции) управления данным объектом или системой. Первый аспект социального управления представляет собой проявление объективной потребности объекта или системы в выполнении общей служебной роли по отношению к объекту в целом, в отличие от частных функций составляющих его элементов и происходящих в нем процессов. Управление как функция объекта не имеет специфических черт данного конкретного объекта, и в этом качестве все виды социального управления не отличимы друг от друга — в любом случае это лишь потребность объекта в управлении для сохранения своего существования и обеспечения развития. Эта сторона управления объективна и не зависит от воли и сознания людей.

Второй аспект управления в функциональном плане — функции управления объектом (системой) — возникает на основе первого и формируется в прямой зависимости от со-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 342.

держания, структуры и других особенностей конкретного объекта или системы, составной частью которого оно является и по отношению к которому выполняет свою функциональную роль. Поэтому именно функции управления характеризуют тот или иной вид социального управления и придают ему качественную специфичность. Функции управления могут быть охарактеризованы только на основе анализа объекта, по отношению к которому они выполняются. Следовательно, невозможно исследовать содержание функций управления, вообще, безотносительно к конкретному объекту управления.

Сложные социальные системы, объекты, явления и процессы предопределяют и сложную функциональную структуру управления. Содержание управления складывается из отдельных функций, представляющих собой необходимое воздействие на составляющие элементы объекта или системы на основе осознания их роли и значения для жизнедеятельности объекта или системы в целом. Однако содержание управления не простой набор определенного количества функций, а единый комплекс, обеспечивающий скоординированное воздействие на объект. Координация комплексного воздействия на отдельные элементы объекта в интересах целого характеризует творческое начало управленческой деятельности. Но сами функции управления нельзя представлять как определенный вид или направления деятельности. Управленческая деятельность — это уже осуществление, реализация или выполнение функций.

Обобщая сказанное, функции управления можно определить как выражающие объективную потребность объекта или системы направления необходимого координирующего воздействия на отдельные элементы структуры или частные процессы объекта (системы) в интересах сохранения и развития его как целого.

Функции управления выражают объективную потребность объекта в управляющем воздействии, но реализуются они в ходе сознательной деятельности людей, которая включает в себя следующие моменты: во-первых осознание потребности того или иного объекта в управляющем воздействии; во-вторых, выявление и формулирование функций управления для данного объекта или системы; в-третьих, организационно-правовое обеспечение осуществления функций управления (создание органа управления, правовое закрепление его компетенции на основе выявленных функций управ-

ления и т. д.); в-четвертых, собственно управленческая деятельность, т. е. осуществление функций управления.

Наиболее сложным и практически важным является выявление и формулирование функций управления, поскольку от этого зависят структура и компетенция органа управления, а в конечном счете и эффективность управленческой деятельности.

Представляется, что при выявлении функций управления необходимо прежде всего определить содержание и границы объекта или системы управления, т. е. вычленить то целое, по отношению к которому осуществляется управление. Кроме того, важно выделить составные элементы структуры объекта или системы, установить цели и условия функционирования данной системы, а также ее социальную сущность. Наконец, необходимо учитывать, что функции управления не остаются неизменными — качественные изменения социальных систем предопределяют соответствующие изменения содержания и состава функций управления.

Общественный труд на предприятии, в учреждении или организации есть лишь один из возможных объектов для анализа функций управления трудом. В такой же мере можно исследовать функции управления трудом, в масштабах народного хозяйства в целом, отрасли, на уровне цеха, бригады и т. д. Вполне очевидно, что состав и содержание функций управления трудом будут различны в зависимости от того, что принято за то целое, по отношению к которому осуществляется управление.

Любой труд есть целенаправленная деятельность для получения определенного результата. Поэтому цели и результаты труда являются важнейшей его характеристикой, а для общественного труда, осуществляемого в условиях планового хозяйствования в государственном масштабе их значение возрастает многократно. Любое предприятие не может нормально функционировать без того, чтобы на основе государственных заданий не планировать цели своей деятельности и не оценивать получаемые результаты. Цели деятельности предприятия состоят из большого количества составляющих (номенклатура выпускаемой продукции, количество, качество и себестоимость продукции, производительность труда и т. д.) и не остаются неизменными. Кроме того, конкретные показатели труда на предприятии находятся во взаимозависимости и взаимосвязи, с одной стороны, между собой (например, количество продукции и производи-

ность труда, качество продукции и ее себестоимость и т. д.), а с другой — с элементами структуры предприятия как социальной системы (например, переход на выпуск новой продукции может потребовать замены орудий и средств производства, изменений количественного и качественного состава работающих на предприятии, усиления стимулирования определенных категорий работников и т. д.).

Таким образом, оказывается очевидной невозможность нормальной деятельности предприятия без координирующего регулирования целей и результатов труда путем воздействия на отдельные элементы структуры общественного труда. Потребность общественного труда на предприятии в этой регулирующей деятельности может быть обозначена как функция регулирования целей и результатов труда.

Одним из необходимых элементов общественного труда является «человеческий компонент», т. е. определенное количество рабочих и служащих. Для организации общественного труда на предприятии необходимо, чтобы работники были объединены в единое социальное образование, действующее как «общественный трудовой организм». Кроме того, трудовой коллектив конкретного предприятия помимо количественной характеристики должен обладать определенным профессиональным потенциалом (известным уровнем общей, политической, профессиональной подготовки и опыта), а также вполне определенной структурой (количественным соотношением работников различных профессий, квалификации, управленческого и производственного персонала и т. д.). Если к сказанному добавить, что предприятие как форма общественной организации труда — это постоянно развивающееся образование, действующее в изменяющихся условиях, то станет ясной невозможность организации общественного труда без выполнения управленческой функции формирования и обеспечения развития трудового коллектива.

Любой общественный процесс труда требует, чтобы рабочие и служащие были обеспечены орудиями и средствами труда, чтобы за каждым было закреплено рабочее место, чтобы каждому работнику была поручена конкретная работа с таким расчетом, что отдельные работы составят единый производственный процесс для достижения общей цели. Поэтому в содержании управления общественным трудом

необходимо наличие функции организации общественного процесса труда.

Классики марксизма-ленинизма одним из объективных условий всякого общественно-комбинированного процесса труда называли трудовую дисциплину, т. е. определенный порядок выполнения рабочими и служащими закрепленных за ними трудовых обязанностей, а также приказов и распоряжений руководителей работ. Поэтому одной из функций управления трудом на предприятии является функция обеспечения дисциплины труда.

Организация общественного труда при социализме предполагает использование принципа распределения по труду и тесно связанного с ним принципа материальной заинтересованности работников в результатах труда. Законодательство о труде устанавливает общие нормы оплаты по количеству и качеству затраченного труда. Но реализация этих общих норм применительно к каждому работнику в отдельности возможна только непосредственно на предприятиях и предполагает оценку и учет количества и качества труда, затраченного работником, а также вклад его в общие результаты работы. С организацией распределения по труду тесно связана и необходимость специального стимулирования работников к достижению тех или иных показателей. Таким образом, функция распределения и материального стимулирования является одним из элементов содержания управления трудом на предприятии.

Общественный труд во всех случаях имеет две стороны — техническую и социальную. Первая выражает отношение человека к природе. В этом отношении выступают две чуждые друг другу среды. Несмотря на то, что человек целенаправленно воздействует на природу созданными им орудиями труда, эта деятельность человека во многих случаях оказывается неблагоприятной для его жизни и здоровья. Современный уровень развития технологии и орудий производства не только полностью не устраняет эту опасность, но нередко и увеличивает ее. Это неустранимое пока следствие отношения человека с орудиями и предметами труда относится к числу тех дисфункций, разрушающее действие которых на труд может быть устранено или максимально снижено путем закрепления определенных правил и норм, а также осуществления специальных мероприятий. Иначе говоря, для сохранения любой системы труда необходимо выполнение специальных мероприятий по охране труда.

Другая сторона труда — социальная — выражает отношения между людьми в процессе труда. Эти отношения при социализме характеризуются сотрудничеством и взаимопомощью. Но это не исключает неантагонистических противоречий в рамках общественно-трудовых отношений, которые возникают, например, по поводу рабочего времени и времени отдыха, меры труда и меры потребления и т. д. Основные права рабочих и служащих закреплены в нормах действующего законодательства, но применение этих норм осуществляется непосредственно на предприятиях, где и разрешаются эти противоречия. Поэтому функция охраны труда и трудовых прав рабочих и служащих также является потребностью общественного труда в управленческом воздействии.

В заключение следует подчеркнуть, что разделение управления трудом на предприятии на отдельные функции является относительным, поскольку все они органически взаимосвязаны и находятся в диалектическом единстве. Поэтому сущность управленческого воздействия состоит в координированной реализации отдельных функций для достижения общего результата.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА

Е. М. КАНЕВСКАЯ

В структуре трудового коллектива администрация занимает особое место. Являясь частью коллектива, она обладает известной самостоятельностью и обособленностью, обусловленными необходимостью руководства совместной деятельностью. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, — указывал К. Маркс, — нуждается в большей или меньшей степени в управлении...»¹. К администрации относятся должностные лица, руководящие предприятием в целом и его структурными подразделениями.

Комплексный подход к проблеме правового положения администрации был намечен Н. Г. Александровым, который предлагал рассматривать административное лицо, с одной стороны, как орган юридического лица, осуществляющий имущественную правоспособность последнего, а с другой — как субъекта самостоятельных прав и обязанностей, закрепленных за ним как за должностным лицом². В более позднем исследовании автор углубил и развил эти положения и указал на двойственную природу администрации как хозяйственного органа государства и органа предприятия как юридического лица в гражданско-правовых отношениях с другими предприятиями и гражданами и в «имущественном слое» трудовых отношений с рабочими и служащими³.

Такая концепция была признана плодотворной. В литературе вслед за Н. Г. Александровым обращается внимание

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 342.

² См.: Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М., 1948, с. 210.

³ См.: Александров Н. Г. Экономические методы управления и коллектив социалистического государственного предприятия. — В кн.: Хозяйственная реформа и трудовое право. М., 1970, с. 38—39.

на двойственный характер администрации. С одной стороны, это обособленная часть коллектива, что единодушно признают все ученые, с другой — исключительно орган государственного управления⁴ либо орган предприятия⁵. Каждая из этих конструкций страдает определенной односторонностью, не позволяющей охватить весь комплекс отношений, субъектом которых является администрация. Последнюю следует рассматривать в каждой из ее социальных ролей, исходя из характера правовых связей с ее участием.

Деятельность администрации как руководящего хозяйственного органа проявляется в двух сферах: внутри коллектива и за его пределами. В рамках предприятия она выполняет разнообразные функции по непосредственному применению труда рабочих и служащих: обеспечивает организацию труда, укрепление трудовой дисциплины, создание здоровых и безопасных условий труда и т. п. В этих правоотношениях, пронизанных субординационными связями, администрация выступает в качестве специфического органа государственного управления, наделенного властными полномочиями.

Внутри предприятия складываются также коллективные правоотношения по установлению условий труда и применению трудового законодательства. Их равноправные субъекты — коллектив и администрация, которая выражает волю государства, но не коллектива, ибо управление производством предполагает совместное решение вопросов администрацией и коллективом, а также осуществление контроля со стороны последнего за ее деятельностью (ст. ст. 7, 8, 11, 15 и др. Закона о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями)⁶. Принятие управленческих решений с участием коллектива означает определенное сужение сферы исключительных полномочий администрации, что находит нормативное обоснование в ст. 4 Закона, устанавливающей принципы сочетания единоначалия администрации с широким участием трудящихся в управлении и коллективного обсуждения и решения вопросов деятельности предприятий, учреждений, организаций.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1969, вып. 2, с. 93.

⁵ См.: Советское трудовое право: вопросы теории. М., 1979, с. 296.

⁶ СП СССР, 1983, № 15, ст. 78.

В коллективно-трудовых отношениях коллектив осуществляет свои полномочия непосредственно через общее собрание (конференцию) при заключении коллективного договора, утверждении правил внутреннего трудового распорядка, условий социалистического соревнования и т. д. либо в представительной форме через общественные органы коллектива (профсоюзный комитет, ПДПС, товарищеский суд) в сфере организации социалистического соревнования, нормирования и оплаты труда, улучшения социально-культурных и жилищно-бытовых условий работников и т. д. Если предположить, что в этих отношениях администрация является органом коллектива, то неизбежно возникает такая конструкция, когда коллектив вступает в отношения с самим собой, например при заключении коллективного договора, установлении локальных нормативных актов. Являясь представителем государства на предприятии, призванным обеспечить соблюдение общегосударственных интересов, администрация должна заботиться и об интересах трудового коллектива, поскольку является его структурным элементом. К этому ее обязывает установленный Законом о трудовых коллективах принцип гармонического сочетания интересов государства, общества, коллектива и личности.

Определенную сложность представляет решение вопроса о внешнем представительстве администрации. Вряд ли можно безоговорочно согласиться, что она орган коллектива вне предприятия⁷. Если предположить, что в имущественных отношениях с другими субъектами, в отношениях по формированию коллектива, регулируемых нормами трудового права, администрация выражает волю коллектива, нужно признать, что последний наделен самостоятельным комплексом полномочий. Между тем правосубъектностью в указанных сферах, как правило, обладает предприятие (раздел IV Положения о социалистическом государственном производственном предприятии) как государственная организация, представительство от имени которой осуществляет администрация.

В отношениях с внешними субъектами воля коллектива может быть выражена в непосредственной форме (в основном, это полномочия по формированию органов государственной власти и правосудия, закрепленные в ст. 5 Закона о трудовых коллективах), а также через представительные обще-

⁷ Лившиц Р. З. Коллектив предприятия, ФЗМК и трудовое правоотношение. — В кн.: Хозяйственная реформа и трудовое право, с. 167.

ственные органы, когда, например, профсоюзный комитет вносит в вышестоящие хозяйственные и советские органы предложения по вопросам улучшения деятельности предприятия, условий труда, материально-бытового и культурного обслуживания трудящихся (ст. 10 Положения о правах профкома). В этих отношениях правосубъектность коллектива осуществляет и администрация, в частности при обсуждении в органах государственной власти и управления вопросов государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, в сфере планирования экономического и социального развития трудовых коллективов, охраны окружающей среды и т. д. Эти правовые возможности коллектива администрация реализует в соответствии со своими полномочиями, закрепленными в Типовых правилах внутреннего трудового распорядка, нормативных актах, относящихся к деятельности предприятия, а также по поручению коллектива. Следовательно, во внешних отношениях администрация может выражать волю как предприятия, так и коллектива.

Статья 19 Закона о трудовых коллективах определяет организационно-правовые формы реализации коллективом своих полномочий. Администрация названа в качестве органа, который осуществляет в период между собраниями (конференциями) его права и обязанности единолично в соответствии с законодательством или по поручению коллектива, а также совместно с выборными органами партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Опираясь на конструкцию двойственной природы администрации, можно утверждать, что это нормативное положение распространяется только на внешнюю сферу деятельности коллектива, в которой администрация выступает его органом. Что же касается внутренних отношений по управлению производством, то администрация, являясь органом государства, не может осуществлять полномочия коллектива, ибо в противном случае произошла бы подмена государственного органа общественным образованием, смешение государственных и общественных начал в управлении.

Администрация предприятия на основе принципа единоначалия, используя властные полномочия, руководит производственно-хозяйственной деятельностью, коллектив же участвует в подготовке, принятии, реализации управленческих решений и контроле за их исполнением. Принципиальные различия в формах деятельности администрации и коллектива — дополнительный аргумент в подтверждении того, что

внутри коллектива администрация не может осуществлять его правосубъектность.

В коллективно-трудовых отношениях на администрацию возлагается обязанность создавать условия, обеспечивающие участие рабочих и служащих в управлении производством (ст. 97 Основ), содействовать развитию демократических начал в деятельности трудовых коллективов (ст. 3 Закона о трудовых коллективах). Типовые правила внутреннего трудового распорядка конкретизируют эту обязанность, указывая, что администрация должна способствовать созданию в коллективе деловой, творческой обстановки, всемерно поддерживать и развивать инициативу и активность трудящихся, в полной мере используя рабочие собрания, постоянно действующие производственные совещания, конференции и различные формы общественной самодеятельности; своевременно рассматривать критические замечания рабочих и служащих и сообщать им о принятых мерах (п. «о» ст. 12).

В соответствии с Законом о трудовых коллективах, администрация обязана совместно с профсоюзным комитетом созывать собрания (конференции) коллектива, осуществлять контроль за реализацией его решений (ст.ст. 20, 21). Во исполнение принципа гласности она должна информировать коллектив о различных вопросах деятельности предприятия (ст.ст. 6, 7, 10, 12 и др.), сообщать о своей работе по осуществлению его полномочий (ст. 19) и о результатах рассмотрения предложений и рекомендаций рабочих и служащих (ст. 21).

Помимо централизованного регулирования обязанностей администрации важную роль в наиболее полной реализации правосубъектности коллектива призваны сыграть локальные нормативные акты, способные учесть специфику конкретного предприятия. Согласно Положению о порядке заключения коллективных договоров⁸ они должны содержать взаимные обязательства администрации и профкома по вовлечению рабочих и служащих в управление производством, в том числе и в коллективных формах. Ознакомление с содержанием коллективных договоров нескольких предприятий алтайского края позволило выявить основные направления этой деятельности: привлечение трудящихся к работе ПДПС, общих собраний, разработке планов экономического и социального развития, (Алтайское производственное объединение

⁸ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1978, № 1.

«Сибэнергомаш»); активизация деятельности творческих объединений трудящихся: общественного конструкторского бюро, общественного бюро экономического анализа (Барнаульский завод механических прессов); совместно с ВОИР создание условий, способствующих всемерному развитию массового движения изобретателей и рационализаторов (Алтайское производственное моторостроительное объединение). К сожалению, эти обязательства носят самый общий и весьма формальный характер, более того, большинство изученных коллективных договоров вообще не имеют соответствующего раздела, а указанные обязательства рассредоточены по другим разделам. Такое положение тормозит развитие творческой активности коллектива, затрудняет контроль за выполнением администрацией возложенных на нее обязанностей.

В целях повышения гарантий реализации полномочий трудовых коллективов желательно конкретизировать общее положение ст. 97 Основ, для чего в Квалификационном справочнике должностей служащих и в должностных инструкциях следует четко определить круг обязанностей представителей администрации по созданию условий для эффективного использования общественных форм в управлении предприятием.

В условиях расширения самостоятельности предприятий неуклонно проводится линия на усиление ответственности хозяйственных руководителей. Согласно Закону о трудовых коллективах лица, виновные в нарушении законодательства о трудовых коллективах, несут ответственность в установленном порядке (ст. 2). В нормативном порядке предусмотрена возможность применения по инициативе профсоюзного комитета соответствующими органами санкций к руководящим работникам, не выполняющим обязательств по коллективному договору, нарушающим трудовое законодательство. Закон о трудовых коллективах устанавливает непосредственное участие коллектива в привлечении к ответственности лиц, не выполняющих обязательства по коллективному договору. Указанные полномочия коллектива и его представительного органа в полной мере распространяются на должностных лиц администрации, которые не обеспечивают создание условий для участия рабочих и служащих в управлении производством.

Для более полного представления об администрации как структурном элементе коллектива требуется анализ правовой связи: работник-администрация, где она обладает комплек-

сом полномочий по непосредственному применению труда рабочих и служащих. Статья 8 Основ называет субъектами трудового договора трудящегося и предприятие. В отношениях по формированию коллектива, возникающих вне предприятия, администрация — его орган, осуществляющий функцию заключения трудового договора, которая рассматривается как реализация администрацией правосубъектности предприятия. В процессе развития сложного трудового правоотношения внутри коллектива она выступает в новом качестве органа хозяйственного управления, обладающего своими самостоятельными субъекта права.

Руководство процессом совместного труда предполагает наличие властных полномочий субъекта управленческой деятельности. Предприятие является хозяйственной организацией, выполняющей функцию производства материальных благ и лишенной в силу этого власти. Представителем государства в коллективе выступает администрация, наделенная авторитарными полномочиями, необходимыми для управления частью государственной собственности и производственным коллективом. Следовательно, в организационных отношениях, связанных с распорядительной деятельностью, контрагентом работника может быть только администрация, обладающая самостоятельной правосубъектностью. Предприятие, наделенное имущественным комплексом, является субъектом имущественного слоя трудового правоотношения.

Функции управления совместным трудом сложны и многообразны, поэтому они не могут быть сосредоточены в руках одного лица (руководителя предприятия). К. Маркс считал, что подобно тому, как армия нуждается в иерархии военных командиров, «... точно так же для массы рабочих, объединенных совместным трудом ... нужны промышленные офицеры (управляющие) и унтерофицеры (надсмотрщики)...»⁹. Поэтому должностные лица администрации всех рангов являются полноправными руководителями и непосредственными организаторами производства и труда в установленных пределах (ст. 94 Положения о предприятии). Следовательно, в рамках единого трудового правоотношения работник вступает в отношения не с администрацией, а с конкретным должностным лицом, возглавляющим определенный участок работы. Разумное разграничение компетенции администрации является подтверждением последовательной ре-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 343—344.

лизации принципа единоначалия в каждом звене управления и предпосылкой точного определения персональной ответственности руководящих работников.

Своеобразие правового положения администрации определяется наделением ее представителей соответствующими властными полномочиями, которые проявляются в трех аспектах: нормативная власть, обеспечивающая регламентацию различных сторон деятельности предприятия, обычно указанные полномочия реализуются при участии коллектива; распорядительная власть, направленная на рациональную координацию действий участников трудового процесса; дисциплинарная власть, обеспечивающая соблюдение трудовой дисциплины посредством применения поощрений и дисциплинарных взысканий¹⁰.

Наиболее рельефно элемент авторитарности проявляется при осуществлении администрацией дисциплинарных правомочий и обязанностей. Совершение работником дисциплинарного проступка порождает у администрации комплекс полномочий по применению к нему мер дисциплинарного воздействия с соблюдением предусмотренного законом порядка (ст.ст. 135—136 КЗоТ РСФСР). Дисциплинарная власть имеет место и в том случае, когда администрация вместо наложения взыскания передает вопрос о нарушителе на рассмотрение товарищеского суда или общественной организации (ст. 138 КЗоТ РСФСР). Другой аспект дисциплинарной власти образуют полномочия администрации по применению поощрений за образцовое выполнение трудовых обязанностей (ст. ст. 131—134 КЗоТ РСФСР).

Всей полнотой дисциплинарной власти располагает руководитель предприятия (ст. 90 Положения о предприятии). В соответствии с Типовым положением о мастере производственного участка ему предоставлено право по согласованию с профгруппоргом премировать рабочих за определенные достижения в труде за счет средств премиального фонда мастера¹¹. Начальник цеха также наделен правом поощрения передовиков производства из средств части фонда материального поощрения, находящегося в его распоряжении (Ква-

¹⁰ Смирнов В. Н. Внутренний трудовой распорядок на предприятии. Л., 1980, с. 77—78.

¹¹ Типовое положение о мастере производственного участка производственного объединения (комбината), научно-производственного объединения, промышленного предприятия, строительной и ремонтно-строительной организации. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1977, № 8.

лификационный справочник должностей служащих, ч. II). Однако законодателем не урегулирован вопрос о возможности применения указанными представителями администрации мер морального поощрения. На практике это приводит к тому, что руководитель предприятия передает соответствующие дисциплинарные функции руководителям структурных подразделений.

Нуждается в решении вопрос о субъектах, имеющих право налагать дисциплинарные взыскания. Типовые правила внутреннего трудового распорядка (ст. 26) предполагают установление соответствующих перечней на уровне министерств и ведомств. Сложившаяся на основе отраслевого регулирования практика весьма различна по кругу должностных лиц и объему их полномочий. На Барнаульском хлопчатобумажном комбинате право наложения дисциплинарных взысканий, кроме увольнения по пп. 3, 4, 7 ст. 17 Основ, предоставлено начальникам производств; на Барнаульском заводе мехпрессов аналогичным правом пользуются начальники цехов¹². В соответствии с Квалификационным справочником должностей служащих право привлечения к ответственности предоставлено начальникам цехов, однако без указания конкретных мер, которые они могут применять. Мастер производственного участка вправе лишь вносить предложения о привлечении рабочих участка к дисциплинарной ответственности.

Эффективность осуществления администрацией своей обязанности по обеспечению трудовой дисциплины определяется правильным использованием ею дисциплинарной власти. Поэтому представляется необходимым в централизованном порядке определить перечень должностных лиц администрации, пользующихся правом применения мер поощрения и взыскания, конкретизировав объем их компетенции. Целесообразно предоставить соответствующие дисциплинарные полномочия начальником цехов (отделов), смен, участков.

Таким образом, администрация как структурный элемент коллектива обладает самостоятельной правосубъектностью. Вопрос о признании за ней данного качества не является схоластическим, ибо речь идет о повышении роли администрации в управлении трудом и усилении ее ответственности за реализацию своих прав и обязанностей в отношениях с коллективом и отдельным работником.

¹² См.: Пятаков А. В. Укрепление трудовой дисциплины (правовые вопросы). М., 1979, с. 192—193.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА

Э. Н. БОНДАРЕНКО

Наше государство всегда уделяло должное внимание материальному стимулированию высокопроизводительного труда. основополагающее значение в подходе к решению этого вопроса имеют взгляды В. И. Ленина на роль материальных стимулов при социализме. В. И. Ленин писал: «...Государство не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни...». И еще: «...ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто. Если меня так будут предпочитать, то благодарю покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты»¹. В силу особого значения нормирования труда как основы научной организации труда материальному стимулированию качественных норм принадлежит особое место. Соответствующее значение этому вопросу придает законодатель. Материальное стимулирование технически обоснованных норм труда регулируется комплексом нормативных актов. Важнейшими из них являются постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. (п. 34) «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»² и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. (п. 53) «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»³. Действуют также несколько совместных постановлений Госкомтруда СССР и ВЦСПС, детализирующих

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 150, 212.

² СП СССР, 1965, № 19—20.

³ СП СССР, 1979, № 18.

и разъясняющих те положения названных основных нормативных актов, которые имеют отношение к материальному стимулированию норм труда. Это постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС «Об усилении материальной заинтересованности в работе по технически обоснованным нормам выработки, времени и обслуживания», принятое 12 октября 1973 г.⁴; разъяснение Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС «О порядке материального стимулирования работников за снижение трудоемкости производства, освоение новых норм выработки и норм обслуживания при их пересмотре на предприятиях промышленности, транспорта и связи» от 19 декабря 1973 г.⁵; разъяснение о стимулировании инициативы рабочих по внедрению технически обоснованных норм труда и своевременному их пересмотру в производственных объединениях (предприятиях) промышленности, утвержденное постановлением Госкомтруда СССР и ВЦСПС 8 февраля 1980 г.⁶. Имеют прямое отношение к материальному стимулированию повышения производительности труда Положение об оплате труда рабочих при многостаночном обслуживании на промышленных предприятиях (кроме текстильной промышленности), утвержденное постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС 27 марта 1973 г., и аналогичное постановление тех же органов, касающееся текстильной промышленности⁷; постановление Совета Министров СССР «О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)» от 4 декабря 1981 г.⁸ и Инструкция по применению этого постановления⁹. Наконец, Рекомендации по организации нормирования труда от 3 октября 1975 г. и Основные положения о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности за основные результаты хозяйст-

⁴ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1973, № 12. Этим постановлением дополнительная оплата за снижение трудоемкости продукции и освоение новых норм труда в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 23 мая 1973 г. «О мерах по улучшению нормирования труда» распространена на замену норм как на основе внедрения оргтехмероприятий, так и пересмотр устаревших норм.

⁵ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1974, № 2.

⁶ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1980, № 4.

⁷ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1973, № 6.

⁸ СП СССР, 1982, № 4.

⁹ Инструкция по применению постановления Совета Министров СССР от 4.12.81 г. № 1145 «О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)». Утв. Госкомтрудом СССР, Минфинном СССР и ВЦСПС 14.05.82 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1982, № 8.

венной деятельности (утверждены Госкомтрудом СССР и Президиумом ВЦСПС 28 июня 1977 г.)¹⁰.

Анализ действующего нормативного материала по стимулированию позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, обращает на себя внимание разнообразие оснований и форм (или видов) материального стимулирования технически обоснованных норм труда. Так, материальное стимулирование, согласно терминологии закона, возможно за их освоение, пересмотр, внедрение, переход на работу по прогрессивным нормам и саму работу по ним; выполнение, перевыполнение технически обоснованных норм. Особо обращает внимание на стимулирование инициативы работников в пересмотре норм, обязанность администрации и профкома ставить таких работников в преимущественное положение в смысле материального стимулирования. Очевидно, что некоторые термины, употребляемые законодателем для обозначения оснований материального стимулирования, имеют в виду одно и то же (например, выполнение технически обоснованных норм и работа по ним). Но не так важно, как нам кажется, искать терминологические отличия одного основания от другого, так как все они установлены, чтобы способствовать внедрению обоснованного нормирования, как проанализировать действительность их стимулирования. В качестве видов стимулирования предусмотрены: дополнительная оплата за освоение и пересмотр технически обоснованных норм (п. 34 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г.); единовременное вознаграждение за их внедрение и пересмотр; повышенные расценки за работу по прогрессивным нормам (п. 53 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г.), премии за выполнение и перевыполнение технически обоснованных норм, рост производительности труда, выработки, снижение нормируемой трудоемкости изделий, освоение новых норм выработки (п. 2.2 Основных положений о премировании... от 28 июня 1977 г.).

Во-вторых, анализ нормативных актов, регулирующих материальное стимулирование технически обоснованных норм труда, дает основание для вывода о том, что основная идея законодателя в решении этого вопроса заключается в стимулировании таких норм через дополнительную часть заработной платы (премии, доплаты, единовременное вознаграждение). Правда, в постановлении ЦК КПСС и Совета Минист-

¹⁰ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1980, № 4.

ров СССР от 12 июля 1979 г. наметилась новая тенденция: Госкомитету по труду и социальным вопросам по согласованию с ВЦСПС предоставлено право вводить повышенные (до 20%) сдельные расценки при работе по прогрессивным нормам, но они применяются не на всех предприятиях и, как видим, в особом порядке.

О чем свидетельствует разнообразие оснований и видов материального стимулирования технически обоснованных норм труда? Видимо, о том, что законодатель ищет пути наилучшего решения данного вопроса. Это видно, в частности, и из того, что внимательно изучается и обобщается положительный опыт предприятий в этой области¹¹. И все-таки положение дел с нормированием улучшается медленно. Практика предприятий говорит об отсутствии ожидаемых результатов от применения установленных видов материального стимулирования. Причину, как нам кажется, надо искать в самом принципе подхода к материальному стимулированию качественных норм труда. Сейчас почти все существующие его виды направлены главным образом не на повышение производительности труда при установлении новых норм, а на то, чтобы не допустить снижения заработка, так как «в этот период производительность рабочего или не растет вообще, или растет недостаточно быстро ... не исключены случаи невыполнения норм выработки»¹². При этом очень важно разработать меры, которые заинтересовали бы рабочих в постоянном росте производительности труда¹³. Допла-

¹¹ См., напр.: Об организации работы по нормированию труда в угольной промышленности. Постановление Госкомтруда СССР от 4.12.73 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1974, № 2; Порядок применения Щекинского метода совершенствования организации труда, материального стимулирования и планирования. Утв. Госкомтрудом СССР, Госпланом СССР, Минфином СССР и ВЦСПС 11.04.78 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1978, № 7; О работе по мобилизации резервов повышения производительности труда, проводимой в производственных объединениях и на предприятиях Минхимпрома и Минэлектротехпрома. Постановление Госкомтруда СССР от 21.03.80 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1980, № 6; О состоянии и мерах по улучшению использования трудовых ресурсов, нормирования труда и усилению стимулирующей роли заработной платы на предприятиях торговли Министерства торговли Литовской ССР и Управления торговли Харьковского облисполкома: Постановление Госкомтруда и коллегии Минторга СССР от 25.09.81 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1982, № 1.

¹² Макаев В. А. Совершенствование организации, нормирования и стимулирования труда. М., 1983, с. 114.

¹³ Зайкин А. Д., Шкурко С. И. Правовые вопросы организации оплаты труда рабочих. М., 1967, с. 107.

ты при внедрении и освоении новых норм носят разовый или кратковременный характер, что не создает у рабочих стабильной материальной заинтересованности¹⁴, как известно, такие доплаты, согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г., могут производиться в течение 3—6 месяцев. Срок их выплаты кончается, а проблема поддержания уровня норм остается. Единовременное вознаграждение тем более не сможет решить проблему, так как имеет сугубо одноразовый характер и строго целевое назначение — поощрять инициативу работников во внедрении или пересмотре норм. «Единовременная дополнительная плата — это ... хотя и важное, но моментальное стимулирование. Поэтому она недостаточна для того, чтобы рабочий оказался заинтересованным в постоянной работе по жестким нормам»¹⁵.

Существенную роль в повышении производительности труда призвано сыграть премирование, которому, как одному из видов материального стимулирования, в частности, выполнения и перевыполнения норм, посвящена обширная литература, как экономическая, так и юридическая¹⁶. Выполнение и перевыполнение технически обоснованных норм труда — один из первых показателей премирования (п. 2.2 Основных положений о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности за основные результаты хозяйственной деятельности). Но все же при всей гибкости системы премирования и с ее помощью кардинально решить проблему стимулирования технически обоснованных норм, очевидно, не удастся. Дело в том, что

¹⁴ Иванов С. А. Советская наука трудового права: учет новых явлений в общественной жизни. — В кн.: XV съезд КПСС и развитие науки трудового права и права социального обеспечения. М., 1978, с. 21.

¹⁵ Шкурко С. И. Стимулирование качества и эффективности производства. М., 1977, с. 138.

¹⁶ См., напр.: Каринский С. С. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда. М., 1966, с. 28—131; Зайкин А. Д., Шкурко С. И. Цит. соч., с. 107—108, 131—153; Зайкин А. Д. Материальное поощрение работников промышленности в условиях хозяйственной реформы (правовые вопросы). М., 1970, с. 10—19; Каринский С. С. Оплата труда в промышленности (правовые вопросы). М., 1971, с. 94—144; Каринский С. С., Кучма М. Премирование рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1975, с. 32—51, 70; Кунельский Л. Э. Цит. соч., с. 177—188; Бабич В. П. Экономические проблемы нормирования и оплаты труда. Киев; Донецк, 1982, с. 158—167; Лившиц Р. З. Советское законодательство о премировании. М., 1982.

при действующем механизме пересмотра норм наиболее ошутимый материальный интерес рабочие (в первую очередь это касается сдельщиков) имеют при пересмотре тарифов (их увеличении), чему сопутствует, как правило, сплошной пересмотр и норм труда. В период между этими пересмотрами (а точнее, изменениями условий оплаты труда) нормы постепенно ослабляются. Если приводить их в соответствие с действительными затратами труда, то заработок рабочих будет неизбежно падать. В то же время проблема сохранения заработка хотя бы на прежнем уровне остается.

Может ли премирование сыграть д лящуюся роль (если учесть, что условия оплаты меняются раз в 10—12 лет) в решении этих проблем? С. И. Шкурко в своей книге «Стимулирование качества и эффективности производства» отрицательно отвечает на этот вопрос, он считает, что при таком подходе будет искажена сама суть премирования: его надо будет ввести для всех рабочих независимо от того, вызывается ли оно задачами производства. Тем самым премирование превратится во всеобщую систему заработной платы. Стимулирующее значение премии будет подорвано, так как ее выплата не будет связываться с главными показателями, а сама премия будет вводиться лишь для повышения заработной платы. Повышение заработной платы на основе премий должно будет в значительной мере осуществляться самими предприятиями, что повлечет неоправданный разброс в уровнях оплаты труда¹⁷. Таким образом, премирование тоже вряд ли можно считать панацеей от всех «бед» нормирования.

Когда в 1979 г. Госкомтруду СССР и ВЦСПС было предоставлено право вводить повышенные сдельные расценки за работу по прогрессивным нормам¹⁸, этот вид материаль-

¹⁷ Шкурко С. И. Цит. соч., с. 99—101. Е. И. Капустин также считает, что определенная часть фонда заработной платы, предназначенная для дополнительного материального стимулирования, а также премии из фонда материального поощрения составляют и могут составлять сравнительно небольшую часть заработной платы рабочих и ИТР, поэтому полностью решить задачу материального стимулирования достижения высоких конечных результатов труда не могут (см.: Капустин Е. И. Активное использование заработной платы для интенсификации общественного производства и роста его эффективности. — Социалистический труд, 1983, № 4, с. 7).

¹⁸ Ранее такое право было предоставлено предприятиям машиностроения, легкой промышленности, предприятиям по производству резиновой обуви и резинотехнических изделий, угольной и сланцевой промышленности, черной и цветной металлургии. См.: Новожи-

ного стимулирования сразу получил широкое распространение. Результаты его применения систематически анализируются в экономической литературе, журнале «Социалистический труд»¹⁹. Повышенные сдельные расценки называют «важным средством дальнейшего улучшения нормирования труда и повышения его производительности», существенным рычагом стимулирования *внедрения технически обоснованных норм, который по своей эффективности и значимости может быть с полным правом приравнен к повышению тарифных ставок²⁰. Повышенные сдельные расценки, если можно так выразиться, — самый популярный вид материального стимулирования технически обоснованных норм из всех, установленных законом. Интерес к их применению на отдельных предприятиях и в целых министерствах не случаен, а весьма симптоматичен: они дают возможность на местах обеспечить более или менее постоянную (по сравнению с другими видами) материальную заинтересованность рабочих в росте производительности труда. Но и в применении повышенных сдельных расценок тоже есть свои минусы, прежде всего, это централизованный порядок их разрешения, а также необходимость для предприятий «подгонять» свои «материальные возможности» под размеры фонда заработной платы.

Критически оценивая все действующие виды материального стимулирования технически обоснованных норм труда (а к этому нас принуждает существующее состояние нормирования труда, которое, несмотря на принимаемые меры, как уже неоднократно говорилось, вызывает озабоченность), мы тем не менее не хотим сказать, что они не годятся и их надо отменить. Напротив, надо продолжать их совершенствовать.

Следует поддержать высказанное Р. З. Лившицем мнение о необходимости распространить материальные стимулы в пересмотре норм на основу оплаты труда — тарифные

лов С. С. Роль организации нормирования труда в повышении эффективности производства. — В кн.: Опыт работы производственных объединений (комбинатов) и предприятий по улучшению труда. М., 1981, вып. 4, с. 17.

¹⁹ См., напр.: Фокин Б. У. Опыт применения повышенных сдельных расценок при работе по нормам, рассчитанным по межотраслевым нормативам. — В кн.: Опыт работы производственных объединений (комбинатов) и предприятий по улучшению нормирования труда. М., 1979, вып. 3, с. 210; Макеев В. А. Цит. соч., с. 114—115.

²⁰ Новожилов С. С. Роль организации и нормирования труда в повышении эффективности производства. — В кн.: Опыт работы производственных объединений (комбинатов) и предприятий по улучшению нормирования труда. М., 1981, вып. 4, с. 16—17.

ставки²¹. Характеризуя значение тарифа в организации заработной платы, Е. И. Капустин пишет, что в экономической литературе «...подчеркивалась, как правило, лишь одна его цель: стимулирование более сложного (квалифицированного), тяжелого, выполняемого в относительно худших условиях труда. Однако недостаточно раскрывалась другая задача тарифной системы — стимулирование не просто потенциальных возможностей работника... а стимулирование практической реализации этих способностей и возможностей в конкретных результатах трудовой деятельности... Эта часть заработной платы... должна выплачиваться... за реально выполненную работу, требующую от ее исполнителя определенной квалификации, интенсивности труда, затрат физических или нервной энергии»²².

Таким образом, надо изменить сам законодательно закрепленный принцип подхода к материальному стимулированию технически обоснованных норм через дополнительную часть заработной платы. Экономисты прямо говорят, что в настоящее время наблюдается длительное ухудшение состояния нормирования труда в период между пересмотрами тарифов и кратковременное его улучшение в период введения новых условий оплаты труда, что функцию обеспечения более высокого уровня зарплаты в связи с ростом производительности труда должен выполнять в первую очередь тариф, а сейчас в период между пересмотрами он утрачивает свое значение. Следовательно, основным средством улучшения состояния нормирования считаются периодические изменения тарифных условий оплаты труда и соответствующие им пересмотры норм²³. Практическое использование таких предложений могло бы оказать положительное влияние на улучшение состояния нормирования труда, но, по мнению

²¹ Иванов С. А., Лившиц Р. З. Личность в советском трудовом праве. М., 1981, с. 167; см. также: Ставцева А. И. XXVI съезд КПСС и дальнейшее совершенствование трудового законодательства. — В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982, с. 105.

²² Капустин Е. Активное использование заработной платы для интенсификации общественного производства и роста его эффективности..., с. 6—7.

²³ Капустин Е. И. Качество труда и заработная плата. — М., 1964, с. 112; Горячко М. И., Афилов Э. А., Сименский И. М. Совершенствование нормирования труда на промышленных предприятиях. Минск, 1973, с. 24; Милюков А. И. Механизм стимулирования роста эффективности труда. М., 1977, с. 53; Шкурко С. И. Цит. соч., с. 101—103.

В. П. Бабича, «...реализовать их в производственных условиях довольно сложно, так как это потребует выполнения дополнительного объема трудоемких работ по пересмотру всей совокупности применяемых норм. При нынешних возможностях служб нормирования для многих предприятий проведение такой работы не может быть реально выполнимой задачей. Например, на заводах тяжелого и угольного машиностроения в настоящее время пересматриваются только 15—20% действующих норм в год»²⁴.

Выход из этого положения, как нам представляется, может быть найден в предоставлении предприятиям права самим увеличивать тарифные ставки при пересмотре норм труда. При этом в сочетании с нормативным методом планирования заработной платы и централизованно закреплённой величиной процента соотношения роста производительности труда и заработной платы, думается, удастся избежать основной опасности — нарушения принципа равной оплаты за равный труд. Как пишут А. Д. Зайкин и С. И. Шкурко, «если... одни нормы технически обоснованы, а другие нет, или одни нормы по сравнению с другими занижены, то при одинаковых затратах труда рабочие равной квалификации получают различную заработную плату»²⁵. Механизм материального стимулирования при пересмотре норм путем повышения тарифов на предприятии будет, как нам кажется, наоборот, «работать» на принцип распределения по труду. Его действие видится нам следующим. Принципиально новый подход к образованию фонда заработной платы (планирование по нормативной чистой продукции) означает связь этого фонда, с одной стороны, с технически обоснованными нормами (так как при этом учитываются действительные затраты труда по прогрессивным нормативам), с другой — с производительностью труда через ее соотношение с заработной платой и с ее преимущественным ростом. В такой ситуации предприятия будут вынуждены вводить качествен-

²⁴ Бабич В. П. Цит. соч., с. 55. В промышленности по данным Госкомтруда на 1981 г., — не более 17—18% общего числа действующих норм (см.: Опыт работы производственных объединений (комбинатов) и предприятий по улучшению нормирования труда. М., 1981, вып. 4, с. 98); по Минхиммашу — не более 7%, что в два раза меньше, чем в целом по машиностроению (см.: Новожилов С. С. Цит. соч., с. 20). В 1981 г. в целом по промышленности пересмотрена одна из шести норм, а по отдельным отраслям еще меньше: 1,8; 2,3; 4,9% от общего числа норм (см.: Социалистический труд, 1982, № 4, с. 5).

²⁵ Зайкин А. Д., Шкурко С. И. Цит. соч., с. 103.

ные нормы, а это означает, что одновременно должна включиться система материального стимулирования, так как, во-первых, в противном случае, если они будут платить за нормы, не соответствующие затратам живого труда, им грозит опасность выйти за пределы фонда, т. е. перерасходовать его и уже этим нарушить соотношение в росте производительности труда и заработной платы; во-вторых, необходимость соблюдать это соотношение принудит предприятия идти единственно верным путем — ужесточать нормы, чтобы они отвечали затратам вложенного живого труда, иначе зарплата будет расти темпами, догоняющими производительность труда; в-третьих, чтобы постоянно иметь нормы труда на требуемом уровне и сохранить при этом стабильный состав кадров, надо материально заинтересовать рабочих в пересмотре. При таком положении дел это реально для предприятия, так как экономия живого труда даст экономию фонда заработной платы, которую можно использовать для стимулирования. Предприятие обретает определенную свободу в маневрировании средствами для стимулирования.

Таким образом, будут соблюдены интересы работника, предприятия и общества в целом. Работник будет заинтересован в пересмотре и работе по новым нормам, так как не только не потеряет в зарботке, а, наоборот, может повысить его; предприятие застраховано от перерасхода фонда заработной платы и даст требуемый рост производительности труда с сохранением важнейшего для общества его опережения по сравнению с ростом заработной платы, что в конечном счете является залогом общественного богатства. Общество получит запланированное количество живого труда и оплатит его так, как он стоит.

Итак, совершенствование механизма материального стимулирования технически обоснованных норм труда, по нашему мнению, связано с дальнейшим расширением прав предприятий. Этому должны способствовать определение фонда заработной платы по нормативной чистой продукции; централизованно установленная величина процента соотношения роста производительности труда и заработной платы; сохранение действующих видов материального стимулирования обоснованных норм; предоставление предприятиям права увеличивать тарифы при их пересмотре и внедрении.

НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА КАК ИНСТИТУТ ТРУДОВОГО ПРАВА

Э. Н. БОНДАРЕНКО

Наличие норм труда с техническим содержанием вызвало в свое время дискуссию об их правовой природе. Ныне правовой характер норм труда как разновидности правовых норм с техническим содержанием можно считать доказанным, следующей ступенью их изучения является определение их места в системе норм трудового права. В науке высказаны мнения о том, что есть основания считать совокупность правовых норм, регулирующих нормирование труда, самостоятельным правовым институтом. В своих работах Л. А. Муксимова и Р. З. Лившиц, акцентируя главное внимание на исследовании смежных с нормированием проблем, убедительно доказали, что связь норм труда с рабочим временем и заработной платой еще не говорит о том, что правовые нормы труда являются только элементом этих институтов¹. Однако доказательства самостоятельности института не должны, как нам кажется, сводиться только к отличиям от других институтов. Представляется, что и в позитивном плане совокупность норм, регулирующих нормирование труда, обладает всеми признаками, присущими правовому институту.

Правовой институт как элемент структуры права имеет объективные предпосылки своего существования. Материальный признак правового института — наличие относительно самостоятельного по содержанию и последствиям общественного отношения². Деятельность по созданию и введению норм труда — содержание одного из многочисленных

¹ Муксимова Л. А. Проблемы регулирования рабочего времени в СССР. М., 1969, с. 175; Лившиц Р. З. Заработная плата в СССР. М., 1972, с. 130.

² См.: Якушев В. С. О понятии правового института. — Правоведение, 1970, № 6, с. 65.

отношений, возникающих между коллективом и предприятием по установлению новых или изменению действующих условий труда. Такая деятельность, отнесенная по закону к компетенции предприятия,—общий предмет локального регулирования трудовых отношений. Она касается установления некоторых условий заработной платы, рабочего времени и времени отдыха, охраны труда, а также нормирования труда работников. Деятельность по нормированию труда на предприятии, возникающие при этом отношения между людьми объективны и существуют вполне реально. Труд как таковой и отношения, связанные с ним, в силу значения и многосторонности изучаются не только трудовым правом, но и другими науками, прежде всего экономическими. Разнится лишь аспект изучения. Как экономическая категория нормирование труда существует не только как практическая деятельность, но и как научная дисциплина, являясь предметом экономики труда, научной организации труда, технического нормирования труда. Трудовое право обеспечивает правовую регламентацию нормирования труда и соприкасается с экономическими науками в той сфере, в какой необходимо закрепить права и обязанности участников отношений по установлению и изменению норм труда, оставляя в стороне от юридической регламентации безразличные для права вопросы, например определение способов и приемов разработки норм труда, характер операций и последовательность трудовых процессов и т. п. Конструирование правового института оправдано уже тем, что есть определенный участок общественных отношений, требующий правового регулирования.

Конечно, определенность фактического содержания, своеобразие общественного отношения — первое и главное условие существования самостоятельного правового подразделения. Но чтобы доказать, что оно является самостоятельным правовым институтом, необходим еще внешний признак, точнее, набор определенных структурных признаков и показателей юридического своеобразия. Это прежде всего обособление правовых норм, регулирующих данное отношение, в законодательстве; цельное, относительно законченное регулирование своего участка общественных отношений; наличие общих правовых предписаний; связь и способность взаимодействовать с другими правовыми явлениями на соот-

ветствующем уровне, а также проявление характерных черт отраслевого метода в регулируемых отношениях³.

Общественное отношение по установлению и изменению норм труда объективно требует обособленного правового регулирования. Совокупность правовых норм, регулирующих нормирование, имеет свою структуру, характерную для правового института. Прежде всего, эти правовые нормы представляют собой комплекс нормативных предписаний, правовые источники нормирования труда. Важнейшие из них — ст. 39 Основ законодательства о труде; гл. VII КЗоТ РСФСР, специально посвященная нормам труда и сдельным расценкам; постановление Совета Министров СССР от 15 августа 1956 г. «Об изменении порядка пересмотра норм выработки»⁴; постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 23 мая 1973 г. «О мерах по улучшению нормирования труда»⁵; Рекомендации по организации нормирования труда, утвержденные Госкомтрудом СССР и ВЦСПС 3 октября 1965 г.⁶.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что не просто отдельные нормы в законодательных актах или полностью законодательные акты посвящены регулированию нормирования труда, но обособление этих норм имеет место в кодифицированных актах (главы КЗоТ союзных республик). А кодификация, как известно, осуществляется в соответствии со структурой права. Это является лишним доказательством в пользу наличия юридических признаков самостоятельности исследуемой совокупности норм. Названные и другие нормативные акты содержат нормы, регулирующие все стороны данного общественного отношения: виды, порядок установления и изменения норм труда и разрешения возникающих при этом разногласий, материальное регулирование пересмотра норм и т. п. Кроме того, в составе данной совокупности норм четко выделяются общие правовые предписания. В них, в частности, закреплены основные положения правового регулирования нормирования труда, на основе которых в науке трудового права разработаны правовые принципы нормирования труда. На базе основополагающих указаний, данных в решениях декабрьского (1935 г.) Пле-

³ См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.

⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968, т. 4, с. 320.

⁵ Там же, т. 9, с. 508.

⁶ Бюллетень Госкомтруда СССР, 1976, № 1.

нума ЦК ВКП(б)⁷, к ним относят участие профсоюзов; всестороннюю обоснованность нормативов и норм труда; сочетание централизованного регулирования с широкими правами в области нормирования предприятий; распространение нормирования на все виды труда, всех работников⁸.

С точки зрения строения права любой институт — часть, элемент отрасли и в этом качестве обладает как общими с нею чертами, так и специфическими особенностями. Общие черты выражаются прежде всего в едином методологическом подходе к образованию института и отрасли — наличии «своих» общественных отношений и «своего» способа воздействия на них. Из теории права известно, что между институтом и отраслью существуют генетические и функциональные связи. На наш взгляд, они присутствуют между группой правовых норм, регулирующих нормирование труда, и отраслью «трудовое право». По структуре отрасль — сложное соединение институтов и их укрупненных подразделений, а не непосредственно правовых норм⁹, т. е. объединение правовых норм в отрасль идет через институт. Генетическая, природная, если можно так сказать, связь института с отраслью осуществляется через предмет правового регулирования. И у отрасли, и у института один «родовой» объект правового воздействия, только отрасль регулирует качественно особый вид общественных отношений, а институт — определенный их участок внутри данного вида.

— Среди массы отношений, подвергшихся воздействию норм труда, наряду с центральным отношением отрасли — индивидуальным (между работником и предприятием) четко выделяется группа отношений, его «обслуживающих», — по установлению и изменению условий труда. В их числе отношение по нормированию труда, обладающее определенным, присущим только ему содержанием. Значит, как и другие общественные отношения, служащие предметом иных институтов трудового права, отношение по нормированию труда входит в предмет трудового права (в этом связь с отраслью), но в то же время обладает специфическим содер-

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК КПСС. М., 1971, т. 5, с. 234.

⁸ См., напр.: Островский Л. Я. Нормирование труда рабочих и служащих. — Минск, 1970, с. 18—19; Трудовое право: Энциклопедический словарь. М., 1959, с. 261; Веремчук М. А. Правовое регулирование меры труда и ее оплаты в совхозе: Дис. ... канд. юрид. наук, М., 1981, с. 114.

⁹ Алексеев С. С. Цит. соч., с. 166.

жанием, отчетливо проступающим на фоне остальных отношений трудового права, даже на фоне однородных — по установлению и изменению условий труда. То есть налицо типичная картина соотношения правового института и отрасли: сходство, которое заключается в регулировании однородных или близких по природе отношений, и отличие, выражающееся в объеме, величине предмета регулирования.

Кроме генетических, в праве существуют и функциональные связи. В плане поставленного вопроса они представляют интерес как связи внутри отрасли, и связи именно правовых институтов. Такие связи характерны и для совокупности правовых предписаний в области нормирования труда.

Как известно, в каждой самостоятельной отрасли права есть такие институты, которые определяют предмет, принципы правового регулирования и другие общие для отрасли вопросы. Трудовое право также имеет развитую общую часть, институты которой прямо связаны с предметными, субъектными институтами особенной части. Есть такая связь общей части трудового права и с нормированием труда. Так, несомненна связь нормирования труда с институтом, определяющим предмет трудового права, так как отношение, связанное с нормированием, — одно из отношений трудового права. Нормирование труда испытывает на себе воздействие института, устанавливающего общие отраслевые правовые принципы регулирования общественных трудовых отношений. Например, выделяемый по содержанию принцип единства и дифференциации условий труда¹⁰ действует в нормах, устанавливающих единую меру труда для всех работников определенной должности, профессии, специальности, работающих в равных организационно-технических условиях, через норму выработки или другую норму труда, дифференцируя ее в то же время по некоторым основаниям (степень освоения операции, пол, возраст работника). Принцип обеспечения участия трудящихся в установлении условий труда находит свое выражение в том, что, согласно закону, профсоюзный комитет как представитель коллектива является субъектом отношения по установлению норм труда. Обеспечению устойчивости трудовых правоотношений как принципу трудового права немало содействует законно установленная и всесторонне обоснованная норма труда. Количество труда,

¹⁰ См.: Смирнов О. В. Основные принципы советского трудового права. М., 1977, с. 68—69.

в соответствии с которым выплачивается заработная плата в социалистическом обществе, определяется посредством нормы труда; охрана жизни и здоровья работника в известной степени зависит от нормальной интенсивности труда, которая должна быть предусмотрена нормой выработки и другими нормами труда. Аналогично преломляются в нормировании труда и другие принципы трудового права. Столь же явна связь нормирования труда и с остальными институтами общей части.

Нормирование труда как обособленная совокупность норм тесно взаимодействует и с институтами особенной части трудового права. Теснейшая связь и взаимозависимость нормирования труда существует прежде всего с институтами рабочего времени и заработной платы. Это и понятно: нормы труда, как и рабочее время, служат мерой труда, установленной законом, и ее выполнение (невыполнение, перевыполнение) является показателем должного использования рабочего времени. Выполнение нормы труда есть условие выплаты заранее установленного вознаграждения — связь тоже явная. Все это дало основание для сомнения в самостоятельности норм труда и ее отрицания¹¹. Однако, несмотря на безусловную связь нормирования труда с названными институтами, оно, как комплекс правовых норм, обладает и отличиями, характеризующими его специфику как правового института. Мы не станем на них останавливаться, поскольку они убедительно, на наш взгляд, показаны в работах Л. А. Муксиновой и Р. З. Лившица¹².

Проблема отличия нормирования труда от прочих институтов трудового права уже не стоит так остро в силу характерного, типичного предмета и обособления в законе норм, его регулирующих. Самая непосредственная связь существует с институтом «дисциплина труда»: выполнение, перевыполнение и невыполнение нормы труда как юридической обязанности влечет определенные правовые последствия¹³. Кроме того, можно проследить связь нормирования труда почти со всеми остальными институтами трудового права.

¹¹ Пашерстник А. Е. Правовые вопросы вознаграждения за труд. М.; Л., 1949, с. 282; Правовые основы научной организации труда. М., 1967, с. 93; Смирнов О. В. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968, с. 143—145.

¹² Муксинова Л. А. Цит. соч., с. 175; Лившиц Р. З. Цит. соч., с. 128—130.

¹³ Это отмечали Л. А. Муксинова, Р. З. Лившиц, Л. Я. Островский.

С трудовым договором, согласно ст. 8 Основ и ст. 15 КЗоТ РСФСР в содержание трудового договора входит выполнение определенной трудовой функции, конкретизирующейся в норме труда; обоснованное нормирование служит средством экономии живого труда и правильной расстановки кадров (невыполнение норм труда по причинам профнепригодности может повлечь перевод работника на другую работу или увольнение по п. 2 ст. 33 КЗоТ – РСФСР); технически обоснованная норма, дающая правильное представление об объеме работы, способствует смещению профессий и т. д. Нормирование и охрана труда — связь самая прямая: нормы труда должны быть нормальной интенсивности, т. е. должны обеспечить, с одной стороны, полную занятость работника в течение всего рабочего дня, а с другой стороны, учитывая, что интенсивность труда имеет физические и психические границы, гарантировать сохранение и восстановление физической способности к труду. Взаимодействие с институтами «труд женщин и молодежи» осуществляется по таким критериям, как пол, возраст, степень освоения нормы (например, ст.ст. 164, 179 КЗоТ РСФСР). Недостижение соглашения между профкомом и администрацией при утверждении конкретных норм влечет действие ст. 224 КЗоТ РСФСР: возникшее разногласие разрешается в установленном порядке. Работник тоже может обжаловать незаконную, по его мнению, норму труда (ст. 86 Основ, ст. 201 КЗоТ РСФСР, Положение о порядке рассмотрения трудовых споров).

Думается, есть основания констатировать, что положение нормирования труда как совокупности правовых норм в системе трудового права в смысле его соотношения как с отраслью; так и с ее отдельными самостоятельными подразделениями характерно для правового института. Нормирование труда, как и другие правовые институты, вносит свою лепту в регулирование общественных трудовых отношений, имея свой участок правового воздействия и оперируя своей функцией.

Данный вывод подтверждается также проявлением характерных черт отраслевого метода в регулировании исследуемых отношений. Особенности метода трудового права¹⁴ можно проследить на этапе нормотворчества; общего юри-

¹⁴ См., напр.: Советское трудовое право/Под ред. А. Д. Зайкина. М., 1977.

дического положения субъектов, способа защиты их прав и обеспечения обязанностей и возникновения правоотношений.

На стадии принятия норм проявляются такие черты отраслевого метода, как сочетание централизованного и локального регулирования отношений, связанных с установлением (изменением) норм труда. Это находит свое выражение в том, что наиболее общие вопросы нормирования труда (установление компетенции государственных органов в этой области, виды норм труда, порядок их установления и пересмотра и др.) решаются централизованно. В то же время, учитывая динамику правоотношения по установлению (изменению) норм труда и в связи с этим необходимость оперативного решения вопросов в этой области правового регулирования, установление самих норм труда законодатель относит, как правило, к компетенции предприятия.

Другая черта, характеризующая этап нормотворчества, — наличие общих и специальных норм как проявление единства и дифференциации трудового права, тоже характерна для регулирования исследуемого правоотношения. К общим следует отнести нормы, содержащиеся в ст. ст. 39 Основ; 102—107 КЗоТ РСФСР; Рекомендациях по организации нормирования труда и др. Дифференциация же в нормировании труда проводится по таким основаниям, как половозрастные особенности субъектов (пониженные нормы подросткам, женщинам) и условия труда.

Все виды норм труда, независимо от органов, в которых они разрабатываются, и сферы их применения обязательно согласовываются с профсоюзным органом. В нормировании труда участвуют профсоюзные органы от ВЦСПС до профкома предприятия. Так, единые и типовые нормы согласовываются и утверждаются: межотраслевые — Госкомтрудом СССР по согласованию с ВЦСПС, отраслевые — в порядке, установленном министерствами, ведомствами по согласованию с ЦК профсоюзов¹⁵. Есть некоторые особенности в утверждении норм труда на предприятиях, входящих в состав республиканского и всесоюзного промышленного объединения¹⁶, но и здесь участие определенного профсоюзного орга-

¹⁵ Положение о порядке разработки нормативных материалов для нормирования труда. Утв. Госкомтрудом СССР и ВЦСПС 28 июля 1968 г. — Бюллетень Госкомтруда СССР, 1968, № 9.

¹⁶ См.: Постановление Президиума ВЦСПС «О профсоюзных органах всесоюзных и республиканских промышленных объединений» от 20 сентября 1976 г. — Сб. постановлений ВЦСПС, 1976, июль — сентябрь. 15. Заказ 6240.

на предусмотрено. Во всех же остальных случаях, согласно ст. ст. 39 Основ, 103 КЗоТ РСФСР, подп. «ж» п. 12 Положения о правах профкома, нормы труда вводятся и пересматриваются администрацией предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом.

Таким образом, сочетание централизованного и локального регулирования как черта отраслевого метода характерно и для регулирования отношений по нормированию труда.

Положение субъектов данного правоотношения характеризуется как равное (что тоже свойственно субъектам отношений трудового права), что прямо вытекает из закона. Так, ст. 39 Основ законодательства о труде говорит о введении и пересмотре норм труда администрацией по согласованию с профсоюзным комитетом. Это положение воспроизводят ст. 103 КЗоТ РСФСР, п. 81 Положения о предприятии, п. 12 Положения о правах профкома, п. 21 Рекомендаций по организации нормирования труда. Поскольку согласование — одна из форм решения вопросов на паритетных началах, т. е. на началах равенства, практически это означает, что несогласие любого субъекта — администрации или профкома — лишает их возможности установить норму, а если она все-таки будет установлена и введена, то юридических последствий не порождает как любая правовая норма, принятая с нарушением установленного порядка.

Особенность правоотношения по установлению норм труда (как и иных отношений по установлению условий труда) состоит в специфике ответственности одного из субъектов — комитета профсоюза. Он наделен лишь правом участвовать в правоотношении, а юридической обязанности у него нет: он ответствен перед избравшими его членами профсоюза¹⁷. Поэтому принудить его быть участником данного правоотношения (принимать участие в рассмотрении и утверждении норм труда, осуществляя при этом функцию защиты коллективных интересов) юридическими средствами нельзя, но зато можно отозвать членов профкома, плохо выполняющих свои общественные обязанности, и заменить их другими.

Разрешение трудовых споров, возникающих при установлении или изменении норм труда, как особенность метода, находит свое выражение в рассмотрении спора вышестоящими органами: спор по установлению норм выработки и дру-

¹⁷ См.: Правовые аспекты деятельности профсоюзов в СССР. М., 1973, с. 195.

гих норм труда рассматривают те же органы, которые по закону наделены правом их устанавливать: хозяйственные и профсоюзные, только более высокого уровня, так что интересы обеих сторон представлены.

Таким образом, в результате анализа законодательства о нормировании труда мы приходим к выводу, что совокупность правовых норм, его регулирующих, обладает всеми признаками правового института: своим предметом регулирования, специфической функцией воздействия на общественные отношения; в регулировании нормирования ярко проявляются все специфические черты метода трудового права.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАРУШИТЕЛЕЙ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В. Н. СКОБЕЛКИН

Ноябрьский (1982 г.) и июньский (1983 г.) Пленумы ЦК КПСС указали на необходимость решительной борьбы с нарушениями трудовой дисциплины во всех звеньях народного хозяйства. Центральный Комитет, Совет Министров СССР и ВЦСПС в постановлении от 28 июля 1983 г. «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» отмечали, что «всемерное укрепление социалистической дисциплины труда является важнейшим условием успешного выполнения планов экономического и социального развития, повышения эффективности народного хозяйства, дальнейшего упрочения основ социалистического образа жизни, повышения трудовой и политической активности масс, совершенствования демократии»¹.

Высокопроизводительный и качественный труд—это прежде всего труд дисциплинированный. Рабочий или служащий, выполняющий установленные правила ведения работ, всегда добивается более значительных успехов, нежели работающий «спустя рукава». При прочих равных условиях тот трудовой коллектив работает с большей эффективностью, в котором высок уровень дисциплинированности его членов.

Являясь одним из видов юридической ответственности, дисциплинарная ответственность рабочих и служащих наряду с общими чертами, характеризующими любой вид юридической ответственности, обладает и определенным своеобразием.

Обычно меры юридической ответственности принято считать средством принуждения. Однако это лишь одна сторона их характеристики. Существует и другая. Эти меры с полным основанием можно относить и к средствам убеждения.

¹ СП СССР, 1983, № 21, ст. 115.

Между первыми и вторыми, когда речь идет об ответственности, нет непреходимой грани. Когда говорят, что с помощью наказания государство принуждает человека поступать так, а не иначе, то нельзя не заметить в этом утверждении некоторой условности. В самом деле, ведь наказание применяется уже после совершения противоправного проступка. Значит, до правонарушения оно не оказывало на нарушителя принудительного воздействия, а после наказания человек, на которого оно подействовало, ведет себя соответственно установкам закона вполне добровольно, хотя, может быть, и из боязни быть снова наказанным. Принуждения к определенному поведению в прямом смысле слова здесь нет. Бывший правонарушитель на собственном опыте убедился, что нарушать закон нельзя, что в конфликт с законом вступать не стоит. И постепенно то, что вначале делалось из страха перед наказанием, становится правилом поведения, превращается в привычку.

Примерно так вырабатывается установка на правомерное поведение и у тех людей, которые не испытали на себе воздействия наказания, но воздерживались первоначально от правонарушения из боязни ответственности. Следовательно, в деле укрепления трудовой дисциплины на предприятии важно не только закрепление в законодательстве мер дисциплинарной ответственности, но и реальное их применение к нарушителям.

Все предусмотренные законодательством меры воздействия на нарушителей трудовой дисциплины можно разделить на три группы: дисциплинарные взыскания, другие меры правового воздействия, меры общественного воздействия. Изменения, внесенные в трудовое законодательство в 1983 г., вызывают необходимость разработки ряда вопросов, связанных как с характеристикой самих мер дисциплинарного воздействия, так и с порядком их применения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1983 г.² внесено дополнение в п. 4 ст. 56 Основ законодательства о труде в виде нового абзаца. Приведем текст этого пункта полностью: «...перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или смещение на низшую должность на тот же срок;

за систематическое нарушение трудовой дисциплины, прогул без уважительных причин или появление на работе в не-

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1983, № 33, ст. 507.

трезвом состоянии рабочий и служащий может быть переведен на другую, нижеоплачиваемую работу или смещен на другую, низшую должность на срок, указанный в абзаце первом настоящего пункта».

Как известно, перевод в соответствии с первым абзацем может производиться только с учетом специальности (профессии) работника. Новелла же допускает перевод и смещение на любую работу, на любую должность³, лишь бы она была нижеоплачиваемой.

Формулировка второго абзаца отличается от первого только одним словом — «другую». Но ведь и по правилам первого абзаца работник переводится на другую работу. В этом ни у кого не было сомнения. По смыслу ч. 2 ст. 25 КЗоТ РСФСР переводом на другую работу является поручение работнику работы с изменением размера заработной платы. Очевидно, для придания большей ясности новелле имело смысл прямо в тексте сказать, что перевод и смещение производятся без учета специальности или профессии работника.

Если для перевода рабочих ограничений не установлено, то служащие и инженерно-технические работники, занимающие определенные должности, могут смещаться хотя и без учета специальности (профессии), но только на должность. Нельзя, например, старшего экономиста за прогул перевести в дворники, но вполне допустимо — на должность инспектора по кадрам или заведующего канцелярией.

Новый перевод (смещение) может производиться за один случай прогула без уважительных причин или появления на работе в нетрезвом состоянии. Что касается других нарушений дисциплины, то необходимо, чтобы они были систематическими. Как разъяснили Госкомтруд и ВЦСПС, систематически нарушающими трудовую дисциплину считаются рабочие и служащие, которые имеют дисциплинарное или общественное взыскание за нарушение трудовой дисциплины и нарушили ее вновь. Следовательно, система есть уже при двух дисциплинарных проступках.

Тяжесть проступков для решения вопроса о наличии или отсутствии системы значения не имеет. Но при выборе меры взыскания администрация должна учитывать и тяжесть дис-

³ См.: Разъяснение «О некоторых вопросах, связанных с применением законодательства об укреплении трудовой дисциплины», утв. постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 25 октября 1983 г. — Бюллетень Госкомтруда, 1984, № 1.

циплинарного проступка, и предшествующее поведение работника, и другие обстоятельства. С учетом всех этих обстоятельств она и избирает меру наказания. И здесь даже при наличии системы нарушений или при прогуле вовсе не обязательно применять перевод без учета специальности (профессии).

Следует отметить, что перевод как мера дисциплинарного воздействия даже в новом варианте средство, не обладающее высокой эффективностью. Ведь при переводе перед администрацией неизбежно встает вопрос, кто будет выполнять обязанности переведенного работника. Не случайно переводы по сравнению с другими дисциплинарными взысканиями применяются редко.

Недостатки правил о переводе можно устранить, если их дополнить или заменить новой установкой: переводом на пониженную оплату труда. Нарушитель остается на своей работе, но в течение определенного периода (в пределах трех месяцев) получает оплату в пониженном размере. Снижение можно установить по отношению к тарифной ставке (окладу) в пределах 20—25%.

Согласно ч. 2 ст. 16 Основ (в редакции Указа от 12 августа 1983 г.) время выполнения работ, на которые рабочий или служащий переведен за нарушение трудовой дисциплины, в срок предупреждения об увольнении по собственному желанию не засчитывается. Это относится как к переводам без учета специальности, так и к первому их виду.

В разъяснении Госкомтруда и ВЦСПС от 25 октября 1983 г. сказано, что до истечения этого срока «администрация с учетом интересов производства может по договоренности с работником расторгнуть трудовой договор. Увольнение в этом случае производится по ст. 31 КЗоТ РСФСР и соответствующим статьям КЗоТ других союзных республик, а не по соглашению сторон...»⁴. Эту формулировку вряд ли можно признать удачной. Во-первых, она противоречит п. 6 постановления Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины», в котором прямо сказано, что увольнение по собственному желанию в этот период не производится⁵. Во-вторых, при увольнении по собственному желанию трудовой договор расторгает работник, а не администрация. Не-

⁴ Там же.

⁵ СП СССР, 1983, № 21, ст. 116.

редко администрация может уволить такого работника еще до перевода, сразу после нарушения трудовой дисциплины, по пп. 3, 4, 7 ст. 33 КЗоТ. Если же такой возможности нет, т. е. нарушение не подпадает под действие этих пунктов, а интересы производства требуют увольнения нарушителя, либо необходимость увольнения возникла уже после перевода, то было бы более правильным, с точки зрения соответствия действующему законодательству, допускать здесь увольнение именно по соглашению сторон.

Указом от 12 августа 1983 г. внесено изменение в п. 4 ст. 17 Основ и она дополнена п. 7, предусматривающим увольнение за появление на работе в нетрезвом состоянии. Проголом теперь считается не только «неявка на работу без уважительной причины в течение всего рабочего дня»⁶, но и отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня. Это отсутствие может быть непрерывным, а может складываться из нескольких отрезков времени.

После выхода Указа у многих практических работников сразу возник вопрос, что означает термин «отсутствие на работе». Одни считают, что речь идет о предприятии, другие — о цехе, третьи — о конкретном рабочем месте. Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего обратить внимание на то, что законодатель не изменил формулировку: новая, как и прежняя, говорит о работе, без каких-либо уточнений. Следовательно, можно вполне обоснованно считать, что и применяться новое правило должно так же, как и старое.

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что суды признают прогулом неявку на предприятие, а не в его структурное подразделение или на рабочее место. Так, например, в одном из обзоров судебной практики отмечено: «Иногда суды считают прогулом без уважительных причин случаи, когда переведенный на другую работу рабочий или служащий ежедневно является на предприятие, но к работе не приступает, тогда как это является нарушением трудовой дисциплины, но не прогулом»⁷.

Если считать, что законодатель, применяя термин «на работе», имеет в виду конкретное рабочее место, то придется значительно ограничить рамки применения п. 7 ст. 33 КЗоТ, предусматривающей увольнение за появление на работе в не-

⁶ П. 25 Типовых правил внутреннего трудового распорядка.

⁷ Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1975, № 11, с. 14; см. также: Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1983, № 8, с. 10.

трезвом состоянии. А ведь для его применения достаточно появления нетрезвым на предприятии.

Приведенное выше толкование термина «на работе» расчитано главным образом на компактные предприятия. Если же части предприятия расположены в разных местах, то «работой» будет считаться структурное подразделение, в котором работает данный рабочий или служащий. Это может быть и конкретное рабочее место, если оно расположено отдельно от предприятия, например для продавца газет — киоск.

В связи с выделением появления на работе в нетрезвом состоянии в самостоятельное основание увольнения и исключением его из п. 4 ст. 17 Основ возникает вопрос о возможности применения (как это было до Указа от 12 августа 1983 г.) различных мер воздействия за прогул также и к случаям появления на работе в нетрезвом виде. Речь здесь идет лишь о тех случаях, когда работник не был отстранен от работы на период более трех часов, ибо при таком отстранении налицо отсутствие на работе более трех часов, приравненное к прогулу, либо целнодневное отсутствие.

Поскольку законодатель разделил эти два нарушения дисциплины не только по отношению к увольнению, но и в других случаях (перевод, депремирование), следует прийти к выводу о том, что за появление на работе в нетрезвом состоянии, не связанное с отсутствием на работе более трех часов, меры воздействия, установленные только за прогул, применены быть не могут (сокращение отпуска, лишение процентной надбавки за выслугу лет и т. д.).

Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. установлено, что «рабочим и служащим», совершившим прогул без уважительных причин, очередной отпуск в соответствующем году уменьшается на число дней прогула, при этом отпуск не должен быть меньше двух рабочих недель (12 рабочих дней)».

Как разъяснили Госкомтруд и ВЦСПС, речь идет о ежегодном основном и ежегодном дополнительных отпусках, указанных в ст. ст. 33, 34 Основ законодательства о труде. Исключение сделано лишь для дополнительного трехдневного отпуска, предоставляемого женщинам, имеющим двух и более детей в возрасте до 12 лет, а также дополнительных отпусков за выполнение государственных или общественных обязанностей.

Статья 34 Основ, перечисляя, кому предоставляются дополнительные отпуска, в п. 5 говорит о «других случаях, предусмотренных законодательством». Такая формулировка может дать повод для расширительного применения уменьшения отпуска за прогул. Так, например, авторы Комментария (1981 г.), давая пояснения к этой статье, включили в число дополнительных и творческие отпуска⁸. Но, поскольку законодатель употребил термин «очередные», то ни творческие, ни учебные отпуска к этой категории отнести нельзя. Очевидно, очередными законодатель считает здесь отпуска, предоставляемые в порядке очередности по общему графику.

Согласно вышеупомянутому разъяснению отпуск уменьшается за тот рабочий год, в котором допущены прогулы, независимо от времени использования отпуска. Применение данного правила к случаям, когда отпуск используется после совершения прогула, затруднений не вызывает. А как быть, если работник получил отпуск до прогула? Скажем, за рабочий год, исчисляемый с 15 сентября 1984 г. по 14 сентября 1985 г., слесарь получил отпуск авансом в мае 1985 г. В августе того же года он прогулял без уважительной причины два дня. Поскольку за данный рабочий год он уже отпуска не получит, то и уменьшить ему отпуск на число дней прогула нельзя. Правильен ли такой вывод? С точки зрения разъяснения — да, а по существу — вряд ли. Законодатель не мог установить правило, которое не может быть в значительном числе случаев реализовано (предоставление отпусков авансом — явление широко распространенное). В подобной ситуации администрация, по нашему мнению, должна уменьшать отпуск за следующий рабочий год. Во избежание споров об этом следует прямо сказать в тексте разъяснения.

Госкомтруд и ВЦСПС указали, что уменьшение отпуска должно оформляться приказом (распоряжением) администрации. О том, когда этот приказ должен быть издан, разъяснение умалчивает. А необходимость в таком указании есть. Если считать, что приказ может быть издан в любое время, в том числе и при предоставлении отпуска, то, во-первых, утрачивается воспитательное значение такой меры воздействия на самого нарушителя и на других рабочих и служащих. Во-вторых, если приказ не издан, то работник, совершивший прогул, не будет стараться добросовестным трудом

⁸ Комментарий к законодательству о труде. М., 1981, с. 132.

завоевать доверие трудового коллектива, чтобы по его ходатайству попытаться добиться изменения решения администрации, которая при таких условиях может либо уменьшить число дней, на которые сокращается отпуск, либо дать его полностью.

Представляется поэтому целесообразным установить определенный срок для издания администрацией приказа (распоряжения) об уменьшении продолжительности очередного отпуска работнику, совершившему прогул без уважительной причины. Можно было бы, например, предусмотреть месячный срок, исчисляемый со дня обнаружения факта прогула. При пропуске этого срока администрация теряет право на уменьшение отпуска.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ЗАЩИТЫ ПО МЕХАНИЗМУ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

А. Г. ЮРЬЕВА

Конституция СССР предоставляет гражданам широкий круг трудовых прав. Но факт предоставления прав еще не означает их реального осуществления, пользования ими. Поэтому одним из важнейших требований законности является охрана прав и законных интересов граждан, обеспечение условий их реализации.

Обеспечение субъективных прав граждан достигается с помощью гарантий. В условиях зрелого социализма права граждан наполнились более основательным содержанием, прочнее стали их гарантии. В качестве гарантирующих средств государство использует различные способы воздействия на неисправную сторону соответствующего правоотношения. Одним из таких способов является принуждение, осуществляемое наряду с убеждением и стимулированием.

Реальное исполнение юридических обязанностей, осуществление субъективных прав достигается различными путями в зависимости от характера принудительных средств: в одних случаях опосредованно, через наказание, в других — непосредственно, через восстановление субъективного права, применение мер защиты, которые обеспечивают нормальное течение трудового правоотношения, охрану социалистической организации труда.

«Меры защиты» — термин обобщающий, собирательный, как, например, термин «меры ответственности», и предполагает различия между его составляющими, распадение их на виды. Единая цель применения и характер мер защиты не означают, что они выполняют во всех случаях совершенно одинаковые функции. Они различаются и по способу осуществляемой ими защиты нарушенных субъективных прав, т. е. по характеру воздействия, оказываемого на обязанных лиц.

В зависимости от способа защиты нарушенных прав раз-

личаются меры защиты: а) восстанавливающие прежнее правовое положение (восстановительные меры); б) направленные на принудительное исполнение невыполненных обязанностей; в) отменяющие неправомерные акты, меры пресечения. В качестве критерия деления мер защиты на виды взят механизм воздействия на обязательное лицо, механизм защиты нарушенного субъективного права. Каков же механизм воздействия восстановительных мер?

Ответ на поставленный вопрос попытаемся дать путем анализа такой меры защиты, как восстановление работника на прежнем месте работы. Для вынесения юрисдикционным органом решения о восстановлении необходимо установление факта нарушения порядка увольнения или применения незаконных оснований увольнения, которые нарушили право работника трудиться на конкретном предприятии согласно заключенному договору. В соответствии с этим решением администрация обязана предоставить работнику то место работы, на котором он трудился до незаконного увольнения, следовательно, субъекты нарушенного трудового правоотношения вновь приводятся в первоначальное положение.

Администрация совершает действия, прямо противоположные тем, которые нарушили субъективное право работника: увольнению противостоит прием работника на работу в том же качестве и на то же место. Нарушенная обязанность администрации заключается в том, чтобы не увольнять рабочего или служащего без законных к тому оснований. Новая же обязанность, возникшая в результате решения юрисдикционного органа о восстановлении рабочего или служащего на работе, состоит в предоставлении того же места работы. Выполнение ее восстанавливает нарушенную правовую связь, защищает субъективное право работника, чем и достигается цель восстановительной меры.

Акты, издаваемые администрацией, как и любые другие правовые акты, порождают, изменяют, прекращают определенные права и обязанности для рабочих и служащих. Естественным восстановлением нарушенных прав будет отмена неправомерного акта.

Несмотря на некоторые различия в способах воздействия на обязанное лицо, перечисленные меры объединяют выполняемая ими функция и результат применения — восстановление прежнего правового состояния, посредством которого осуществляется защита субъективного права. Эта общность по-

звolyает объединить данные меры в более широкую группу — меры восстановления.

Механизм воздействия этих мер защиты на поведение нарушителя норм трудового права состоит в понуждении его к исполнению обязанностей, возникающих в результате реакции государства на неправомерный поступок и заключающихся в активных действиях. Причем эти действия противоположны неправомерным. Так, юрисдикционный орган при незаконном увольнении работника, вынося решение, заставляет восстановить его на прежнем месте работы (сохраняя должность, специальность, квалификацию) или отменяет неправомерный приказ руководителя предприятия (организации, учреждения) о переводе рабочего или служащего на другую работу. Иная часть восстановительных мер достигает своей цели с помощью понуждения к исполнению той обязанности, которая была не исполнена или исполнена не в точном соответствии с нормой права (например, вынесение КТС решения об оплате сверхурочной работы, своевременно не оплаченной администрацией).

Таким образом, в одних случаях достижение цели применения восстановительных мер происходит через исполнение обязанностей, новых по отношению к нарушенным. Фактическим их содержанием являются действия, направленные на восстановление прежнего правомерного положения субъектов трудового правоотношения. В других случаях цель достигается путем выполнения ранее не исполненных обязанностей в силу властного предписания юрисдикционного органа.

Основанием применения восстановительных мер является неисполнение трудовых обязанностей, содержание которых включает законченное фактическое действие или комплекс действий. В этом случае обязанность представляет собой законченный, хотя и сложный факт, влекущий конкретные правовые последствия. Например, получение работником аванса на хозяйственные нужды влечет обязанность представить отчет, свидетельствующий о расходовании денежных сумм. Непредставление его и невозврат суммы в кассу дает основание для применения такой восстановительной меры, как удержание суммы из заработной платы. При нарушении администрацией обязанности увольнять работников только на законных основаниях или в установленном законом порядке юрисдикционный орган восстанавливает незаконно уволенного работника.

Иначе обстоит дело с мерами пресечения. Само слово «пресечь» обозначает прерывание, прекращение какого-либо процесса, длящегося во времени.

Труд всегда протекает во времени. И если деятельность рабочего или служащего, хотя бы и состоящая из однократного фактического действия, не соответствует требуемым правилам технологии, то технологический процесс нарушается. а поведение работника носит неправомерный характер и влечет за собой противоправный результат. Наиболее наглядно это наблюдается при бездействии, когда, не выполнив требуемого, работник вносит неправомерность во все свое последующее поведение. Например, работник, пришедший в нетрезвом состоянии, находится на рабочем месте всю смену (или часть ее). Все его поведение является неправомерным, даже если остальные трудовые обязанности он выполняет должным образом. Отстранение от работы прекращает это неправомерное состояние. Так же действуют меры пресечения в случаях, когда рабочий или служащий, занимающийся личными делами или бесцельно разгуливающий по цеху во время рабочего дня, будет водворен администрацией на рабочее место и займется выполнением своих трудовых обязанностей. Сущность пресекательных средств состоит в принудительном прекращении противоправных действий (бездействия) рабочих и служащих.

Не допущенный к работе работник не выполняет свои трудовые обязанности, в том числе и те, которые выполнялись им в противоречии с установленными нормами. Этим достигается предотвращение наступления вредных для предприятия последствий. В случае же противоправного бездействия отстранение от работы с приостановкой выплаты заработной платы заставляет работника осуществить невыполненную обязанность, предположим, пройти медосмотр. Воздействуя таким образом на поведение субъектов трудового правоотношения, меры пресечения обуславливают общественно необходимый вариант поведения, что и составляет желаемый результат, цель их применения.

Таким образом, меры защиты в трудовом праве распа-даются на меры восстановления и меры пресечения.

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

В. С. АРАКЧЕЕВ

Процедура как установленный или принятый порядок действий для достижения определенного результата¹ является одним из элементов механизма правового регулирования трудовых отношений. С ее помощью в трудовом праве закрепляется порядок деятельности рабочих, служащих, администрации во исполнение предоставленных им субъективных прав и возложенных на них юридических обязанностей. Необходимость процедурного регулирования поведения участников трудовых правоотношений объясняется, в основном, следующим: фактическое пользование правами и свободами, обеспеченное широкой системой экономических, политических и юридических гарантий, осуществляется в ходе реализации правовых норм, т. е. в процессе, который находит свое выражение в определенной деятельности субъектов, в их реальном поведении². Для трудового права основным средством реализации прав и обязанностей является активное поведение (деятельность) участников трудовых правоотношений.

Как и любую деятельность, активное поведение субъектов трудовых правоотношений образуют отдельные действия, которые для достижения необходимых результатов должны быть соответствующим образом организованы. Понятие организованной деятельности включает в себя различные моменты: это продуманный состав ее субъектов, и четко очерченный круг их прав и обязанностей, и налаженное взаимодействие, т. е. все то, что характеризует упорядоченную систему, каждый блок и звено которой служат определенным целям, выполняют заданную функцию. Необходимым и

¹ Словарь современного русского языка. М.; Л., 1961, т. 11, с. 1530.

² Пиголкин А. С. Формы реализации норм общенародного права. — Сов. государство и право, 1963, № 6, с. 26.

обязательным элементом всякой организованной деятельности является также тщательно урегулированная, обоснованная и целесообразная процедура совершения отдельных действий. Польский ученый Я. Зеленецкий в этой связи отмечает, что «хорошо организованная деятельность определяется тем, что отдельные ее этапы следуют один за другим в надлежащей последовательности, не делается ничего, что не служило бы ясно очерченной цели данной деятельности, и вместе с тем делается все необходимое так, что каждый этап служит целому»³.

Право призвано вносить организованность и упорядоченность в общественные отношения, в поведение лиц. Это достигается как путем закрепления правового статуса, компетенции, определения прав и обязанностей, так и посредством установления порядка реализации юридических норм. Поэтому требованиям процедуры следуют при реализации многих прав и обязанностей, если этот процесс протекает на основе активного поведения субъектов. Только в одних случаях эта процедура не закрепляется в праве, в других—она формализуется и превращается в процедуру юридическую. Так обстоит дело и с процедурой осуществления трудовых прав и обязанностей.

Однако в процессе трудовой деятельности субъекты правоотношений подчиняются требованиям не только юридической процедуры, поскольку в зависимости от сферы приложения способностей к труду, от характера трудовых операций, условий трудовой деятельности и ряда других факторов процедурные требования могут существенно видоизменяться как по своему содержанию, так и по форме. В настоящее время можно говорить, например, о процедуре устной и письменной, официальной и не официальной, процедуре умственного⁴ и физического труда, правовой и не правовой, технологической, социальной и носящей смешанный характер, т. е. процедуре, которая одновременно основывается на нормах права и общественных организаций, на определенных традициях. Только в тех случаях, когда процедурными требованиями рабочие и служащие руководствуются не по своему усмотрению и не в силу сложившихся обычаев и тради-

³ Земневский Я. Организация трудовых коллективов (введение в теорию организации и управления). М., 1971, с. 36.

⁴ Здравомыслов А. Р. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, с. 44—50.

ций, а потому, что данные требования закреплены в нормативных актах, мы говорим о процедуре юридической.

В правовой литературе уже поставлен вопрос о необходимости более тщательного урегулирования порядка поведения субъектов, указывается та практическая польза, которая может быть в результате этого получена. В. М. Горшенев, например, отмечает, что совершенная процедурно-процессуальная форма усиливает гарантии прав и свобод советских граждан, способствует повышению эффективности управления, дисциплинирует участников правоприменительного процесса и обеспечивает соблюдение законности в различных сферах и на всех стадиях деятельности во исполнение прав и обязанностей⁵. К этому можно добавить, что установление правил, определяющих порядок деятельности субъектов трудовых правоотношений, способствует организованности и слаженности в работе социалистических предприятий, ведет к сокращению излишних затрат времени и средств на выполнение обязанностей, вытекающих из трудового договора, экономичности разрешения всевозможных дел в этой области. Кроме того, четкая процедурная регламентация способствует предупреждению возможных разногласий между трудящимися и администрацией, т. е. служит одним из профилактических средств, предупреждающих возникновение трудовых споров, а также средством предотвращения нарушений прав рабочих и служащих. Сказанное подчеркивает не только общее назначение и роль юридической процедуры, но и характеризует то место, которое она занимает в системе средств правового регулирования трудовых отношений. Процедура — это дополнительный и вспомогательный элемент механизма правового регулирования поведения рабочих и служащих, поскольку его «подключение» к процессу реализации трудовых прав и обязанностей осуществляется только в тех случаях, когда этот процесс может пойти в направлении, не отвечающем интересам государства и самих носителей соответствующих правомочий и обязанностей. Вспомогательный характер юридической процедуры проявляется в том, что она оказывает содействие в реализации материальных норм трудового права, способствуя эффективности и правомерности поведения субъектов.

⁵ Горшенев В. М. Природа и назначение процессуальной формы в советском праве. — В кн.: Проблемы процессуальной формы в юридической науке и практике. Вестн. Ярослав. ун-та, 1976, вып. 4, с. 5.

Несмотря на определенную общность целей и задач, стоящих перед механизмом процедурно-правового регулирования трудовых отношений, анализ особенностей отдельных элементов этого механизма под углом зрения непосредственных целей соответствующих правовых предписаний, предмета их регулирующего воздействия, функциональной роли, приемов и способов регламентации порядка деятельности субъектов свидетельствует о том, что сама юридическая процедура, закрепляемая нормами трудового права, не однородна.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что нормы, закрепляющие требования юридической процедуры в сфере трудовых правоотношений, регулируют не только порядок реализации трудовых прав и обязанностей, но и порядок деятельности по созданию нормативных актов, причем актов локального правотворчества. Наиболее показательным в этом отношении примером является Положение о порядке заключения коллективных договоров, утвержденное постановлением ВЦСПС и Госкомтрудом 26 августа 1977 г.⁶ Этим положением определяется как порядок деятельности вышестоящих хозяйственных и профсоюзных органов, так и деятельности непосредственных участников трудовых отношений по разработке и принятию коллективных договоров, определяются сроки и этапы ее осуществления.

Интересным явлением, подчеркивающим своеобразие трудового права как отрасли советского права является смешанная процедура. Смешанная процедура может устанавливаться различными по своей природе нормами и правилами. Так, например, порядок расторжения трудового договора по инициативе администрации регулируется ст. 36 КЗоТ РСФСР, определяющей, что трудовой договор не может быть расторгнут без предварительного согласия профсоюзного комитета, а также нормами, содержащимися в Уставе профессиональных союзов СССР, несоблюдение которых приводит к юридической ничтожности соответствующей санкции. Отчасти порядок увольнения рабочих и служащих по инициативе администрации основывается на нормах-обычаях, примером которых может служить процедура проведения заседания профсоюзного комитета, на котором рассматривается вопрос о даче санкций на увольнение.

⁶ Бюллетень Госкомтруда, 1978; № 1.

К смешанной процедуре относится также порядок заключения трудовых договоров, который, наряду со ст. 18 КЗоТ РСФСР, п. 7 Типовых правил внутреннего трудового распорядка и некоторыми другими нормативными актами, регламентируется также определенными нормами-традициями, сложившимися на конкретных предприятиях, в учреждениях и организациях. В отличие от первого примера смешанной процедуры несоблюдение порядка заключения трудовых договоров не приводит, по общему правилу, к недействительности принятых на себя сторонами взаимных прав и обязанностей, что свидетельствует о различной степени обязательности процедурных предписаний.

В сфере правового регулирования трудовых отношений находится также, по нашему мнению, процедура технологическая. Конечно, отнесение технологической процедуры к юридической категории несколько условно, ибо ее требования закрепляются техническими нормами и правилами, вытекающими из особенностей технологических процессов. Вместе с тем ее полное исключение из сферы правового регулирования невозможно. Для многих работников, трудовые обязанности которых непосредственно сопряжены с использованием технических средств, исполнение требований технологической процедуры является юридически обязательным. Это делается с целью предупреждения производственного травматизма, обеспечения безопасности ведения работ, охраны здоровья трудящихся. Поэтому, в основном, требования технологической процедуры излагаются в различных правилах и инструкциях по технике безопасности. Примером данного вида процедуры могут служить требования безопасности при обработке письменной корреспонденции на машинах и механизмах, закрепленные в Правилах техники безопасности при работах на предприятиях почтовой связи и союзпечати, утвержденных Министерством связи СССР 4 января 1982 г. Причем в этих Правилах прямо указывается на их юридическую обязательность и возможность применения мер дисциплинарной и иных видов юридической ответственности в случае виновного нарушения соответствующих требований⁷. Названные выше и другие аналогичные Правила служат, по нашему мнению, достаточно убедительным свидетельством невозможности исключения технологической про-

⁷ Правила техники безопасности при работах на предприятиях почтовой связи и союзпечати. М., 1983, с. 7—8.

цедуры из сферы правового регулирования трудовых отношений. С теоретических позиций сказанное можно обосновать следующим образом. Использование станков, механизмов и других технических средств порождает не только технические отношения. В этом процессе неизбежно возникают и отношения социальные, поскольку даже сам факт применения технических средств означает использование работником результатов овеществленного труда других лиц, а следовательно, ставит его в определенное отношение к ним. Кроме того, нарушение, например, требований технологической процедуры может повлечь за собой причинение ущерба здоровью не только самого работника, но и других работников, что также свидетельствует о социальном характере соответствующих отношений. Социальный характер отношений, возникающих при применении требований технологической процедуры, таким образом, дает возможность «подключения» правового механизма и, в частности, механизма, обеспечивающего соблюдение этих требований.

Как уже отмечалось выше, процедурно-правовые нормы обслуживают, как правило, процесс реализации материальных норм трудового права. На этой стадии правового регулирования все виды процедур могут быть подразделены на процедуру регулятивную и правоохранительную (процессуальную). Такое деление обусловлено рядом объективно существующих факторов, в числе которых следует выделить функции и непосредственные цели соответствующих правовых предписаний, объект их регулирующего воздействия, особенности субъективного состава правоотношений, степени урегулированности порядка деятельности субъектов и др.

Правоохранительная процедура рассчитана на случаи правовых аномалий, когда возникает необходимость в устранении препятствий в реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Устраняются эти препятствия извне специальными юрисдикционными органами, стоящими вне конкретного материального правоотношения, развитие которого приостанавливается по причинам негативного характера. Для осуществления функции правовой охраны юрисдикционные органы наделяются полномочиями на применение принудительных способов реализации материальных норм.

Совершенно иные цели и задачи ставятся перед процедурой регулятивной. В ходе ее применения решается задача организации общественных отношений в «естественном»,

обычном их развитии. Здесь не возникает необходимость в принуждении субъектов действовать определенным образом, ибо право не нарушено и ни одна из сторон не требует его принудительной реализации. Иными словами, регулятивная процедура «подключается» к процессу реализации материальных норм, основанному на их добровольном исполнении, использовании или применении, в связи с чем она имеет цель, в отличие от процедуры правоохранительной, закрепить порядок деятельности, способствующей наиболее экономическому, целесообразному и эффективному осуществлению прав и обязанностей. Регулятивная процедура, кроме того, имеет целью предотвратить неправомерную реализацию материальных норм, тогда как процедура процессуальная призвана для устранения уже имеющихся нарушений на этой стадии правового регулирования. Сказанное дает нам основание не согласиться с мнением ученых, которые распространяют свойства процессуальной процедуры на организацию позитивной деятельности субъектов и тем самым выступают против выделения регулятивной процедуры в качестве самостоятельной правовой категории⁸. Такая концепция несостоятельна не только с теоретических, но и практических позиций, поскольку использование свойств процессуальной формы в организации порядка позитивной деятельности привело бы к излишней юридизации и формализации порядка осуществления прав и обязанностей. Поэтому мы считаем, что нет необходимости в объединении всех видов процедур на стадии реализации правовых норм и приспособлении свойств процессуальной формы к потребностям практики позитивного регулирования, но расширение сферы применения процессуальной процедуры следует считать обоснованным, если оно ограничивается рамками юрисдикционной деятельности.

Итак, несмотря на общность природы, целей и задач, юридическая процедура как составная часть механизма правового регулирования трудовых отношений имеет ряд разновидностей. Знание этих разновидностей и их умелое использование на практике позволит, по нашему мнению, повысить эффективность реализации норм трудового права и будет способствовать укреплению законности на этой стадии правового регулирования.

⁸ Юридическая процессуальная форма (теория и практика)/Под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976, гл. I, II, VII.

ПОНЯТИЕ СЕМЕЙНОГО ПОСОБИЯ ПО ПРАВУ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В. К. СУББОТЕНКО

Смысл социального переустройства при социализме основоположники марксизма-ленинизма видели в том, что на место «старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹.

Социальная программа, принятая XXVI съездом КПСС, включает в себя широкий комплекс мероприятий по дальнейшему росту благосостояния всех членов общества (предусматривается улучшение всех сторон жизни советских людей — потребление и жилье, культура и отдых, медицинское обслуживание, условия труда и быта), развитию социалистического образа жизни, всей системы общественных отношений².

Посредством распределения по труду реализуется социально-экономическое равенство граждан СССР, предполагающее равное право на труд и его оплату (ст. 40 Основного Закона). «Равенство состоит в том, — писал К. Маркс, — что измерение производится *равной мерой* — трудом»³. Равная плата за равный труд не означает равенства в потреблении. Отмечая причины этого неравенства, К. Маркс указывал при этом: «Один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать больше... Один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 447.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1981, с. 136—137, 176—183.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 19.

получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого...»⁴. В определенной степени неравенство в потреблении сглаживается ростом производительности труда и стиранием различий между умственным и физическим трудом, ростом и сближением оплаты труда различных групп трудящихся.

Распределение через общественные фонды потребления создает равные условия для удовлетворения основных, общественно значимых социальных и духовных потребностей всех членов общества (в области просвещения, здравоохранения, обеспечения жильем и др.), а также сокращения различий в потреблении, вызванных разным числом иждивенцев и уровнем доходов, путем обеспечения за счет общества престарелых, нетрудоспособных и детей.

Следовательно, общественные фонды потребления, выступая как общегосударственные фонды, служат средством обеспечения соответствия меры труда и меры потребления, рост и справедливое распределение их повышают уровень жизни всего населения (ст. 23 Конституции СССР), способствуют продвижению общества к социальному равенству.

Сложившаяся демографическая ситуация, требующая проведения эффективной демографической политики⁵, характеризуется снижением рождаемости в большинстве республик страны. Малодетная семья в настоящее время является распространенной примерно среди 80% населения⁶. Практически это все население РСФСР, Украины, республик Прибалтики, Грузии. В отдельных районах названных республик и особенно в крупных городах преобладают двухдетные и даже одноплетные семьи.

Основным фактором снижения рождаемости в СССР является рост занятости женщин в общественном производстве⁷. С первых дней Советской власти в отношении женщин установлено политическое и юридическое равноправие. Однако «для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно,— подчеркивал В. И. Ленин,— чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и

⁴ Там же.

⁵ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 136.

⁶ Правда, 1981, 19 июня.

⁷ См.: Урланис Б. Ц. Народонаселение: исследования, публицистика. Сб. статей. М., 1976, с. 96.

мужчина»⁸. С созданием экономических основ Советского государства, приобщением женщин к труду политическое равенство женщин постепенно дополнилось их социально-экономической независимостью.

Статьей 35 Конституции СССР гарантиями равноправия женщин с мужчинами названы предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, участии в общественно-политической и культурной деятельности. Вместе с указанными гарантиями фактического равноправия женщин и мужчин Основной Закон предусматривает специальные меры по охране труда и здоровья женщин.

В Советском Союзе материнство признано важнейшей социальной функцией женщины. Конституция СССР гарантирует создание условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством; правовую защиту; материальную и моральную поддержку материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям.

Советское государство важнейшей задачей своей социальной политики считает обеспечение «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»⁹ и поэтому, естественно, заинтересовано не только в участии женщин в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей, но и в их трудовой и общественной активности. В связи с этим на демографические процессы могут оказать положительное влияние мероприятия по улучшению положения трудящихся матерей.

Отраслевым законодательством по социальному обеспечению закреплены различного вида помощь, услуги и льготы семьям с детьми. Государственная помощь семьям, предусмотренная в решениях XXVI съезда КПСС на 80-е годы и перспективу и их дополняющем законодательстве¹⁰, осуществляется одновременно посредством развития общественных форм воспитания и обслуживания детей и выплаты пособий и пенсии на детей.

Систематическая материальная помощь государства семьям с детьми, установленная нормами права социального

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 201.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

¹⁰ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 104—105, 178; СП СССР, № 13, ст. 75; ст. ст. 139, 141; 1984, № 4, ст. ст. 15, 20 и др.

обеспечения, включает в себя периодические (по беременности и родам и по уходу за заболевшим ребенком), единовременные (при рождении ребенка) и ежемесячные пособия на детей (по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, малообеспеченным и многодетным семьям, на детей-инвалидов, одиноких женщин и военнослужащих срочной службы) ¹¹.

По своему характеру и сущности оказываемая помощь является социальной, поскольку выплаты производятся из общественных фондов потребления Советским государством и в общественно необходимых случаях. Пособиями на детей из общественных фондов обеспечиваются все семьи, нуждающиеся в материальной помощи социалистического государства по причинам, признаваемым обществом уважительными: рождение ребенка, влекущее дополнительные расходы в семье; постоянный уход за ребенком в первые годы его жизни, опасные осложнения для организма, требующий освобождения матери от работы на определенный период времени; недостаточная обеспеченность (средний совокупный доход на члена семьи менее 50 рублей в месяц либо в районах Дальнего Востока, Сибири, европейского Севера не превышает 75 рублей в месяц); многодетность (трое и более несовершеннолетних детей в семье); воспитание ребенка незамужней матерью (в неполной семье); пребывание отца ребенка на срочной службе в Вооруженных Силах СССР, препятствующее надлежащей обеспеченности семей, инвалидность ребенка с детства, требующая повышенных расходов в семье на его воспитание и обслуживание.

Периодически материальная помощь оказывается государством трудящимся женщинам в связи с беременностью и родами и всем работающим по уходу за заболевшими детьми (фактически осуществляющему такой уход родителю или другому члену семьи).

Системой государственная помощь семьям называется в силу множественности и устойчивости выплачиваемых пособий на детей. Ее характеризуют следующие черты: соци-

¹¹ См.: Основные условия обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию от 23 февр. 1984 г., пп. 18, 32—42 (СП СССР, 1984, № 8, ст. 46); Положение о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям от 12 авг 1970 г., с изм. (СП СССР, 1970, № 15, ст. 123; № 24, ст. 141); Положение о порядке назначения и выплаты пособий на детей малообеспеченным семьям от 25 сент. 1974 г., с изм. (СП СССР, 1974, № 21, ст. 123; 1984, № 4, ст. 20) и др.

альная значимость и целевая направленность денежных выплат (и других услуг); единый, несмотря на различные формы, источник выплат; всеобъемлющий характер, поскольку затрагивает практически все семьи работающих и часть неработающих граждан; наличие установленных в законе нескольких видов пособий на детей, различных по размерам и продолжительности обеспечения; широкий круг закрепленных законом гарантий реализации права семьи на пособие.

По смыслу конституционных положений (ст.ст. 23, 24, 35, 43, 53 и др. Основного Закона СССР) и действующего законодательства *государственный* характер социальной помощи семьям означает, во-первых, государством установленные в нормах права вид и объем обеспечения семей пособиями на детей; во-вторых, государством определенные в правовых нормах условия возникновения права семьи на пособие и порядок обращения за пособием, его назначения и выплаты, а также обжалования; в-третьих, государством созданную систему органов, компетентных в предоставлении семьям, имеющим детей, социальной помощи; в-четвертых, государством введенные и осуществляемые надзор и контроль за реализацией семьями права на пособие на детей, справедливым распределением на указанные цели средств из общественных фондов потребления.

Значение государственной помощи семьям с детьми многогранно. Исходя из анализа целевого назначения введения пособий на детей, как правило, указанного в преамбуле или вытекающего из содержания нормативных источников, она дает возможность улучшить материальную обеспеченность семей и поднять деторождаемость в стране; без напряжения семейного бюджета приобрести предметы ухода для новорожденного и иметь средства для кормления и ухода за ребенком в начальный, опасный осложнениями период его жизни; при болезни — осуществлять уход за детьми, так как будет выплачиваться пособие взамен временно утраченного заработка; воспитывать и содержать детей на достигнутом обществом уровне при постоянной денежной помощи государства.

Что означают понятия «пособия» и «семейные пособия», в том числе в соотношении друг с другом?

На основе анализа законодательства, регулирующего выплату государством различного вида пособий, можно прийти к выводу, что «пособия» в сфере социального обеспече-

ния — понятие собирательное, объединяющее случайно выпадающие под это название виды денежных выплат. В реальной жизни столько видов пособий, сколько законодателем установлено их разновидностей.

В качестве самостоятельных в литературных исследованиях в зависимости от целевого назначения называются: пособия, выплачиваемые взамен неполученного заработка (по временной нетрудоспособности, по беременности и родам);

пособия, выплачиваемые в дополнение к семейному бюджету на содержание и воспитание детей — многодетным, малообеспеченным и неполным (одиноким матери) семьям, на детей-инвалидов и военнослужащих срочной службы;

пособия не имеющим источника средств к существованию (инвалидам I, II групп и престарелым, не получающим пенсий, инвалидам I, II групп с детства);

«для покрытия некоторых расходов».

Понятием «пособия», следовательно, охватывается и такая его разновидность, как группа семейных пособий, и в целом его следует рассматривать родовым понятием по отношению к своим видам (либо группе разновидностей).

Перейдем к определению понятия «пособия» в праве социального обеспечения. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин по поводу разработки определения писал: «Что значит дать определение? Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое...»¹². Следовательно, определение понятия «пособия» должно содержать лишь наиболее существенные его признаки.

В литературных источниках нет единого понятия пособия. В. С. Андреев выделяет в нем три специфических признака: источник выплаты; алиментарный (т. е. бесплатный, на безэквивалентных началах) характер выплат; в форме помощи гражданам в установленных законом случаях, называя при этом пособиями «все (кроме пенсий) денежные выплаты алиментарного характера из фондов для нетрудоспособных, представляющие собой помощь гражданам в установленных законом случаях»¹³.

М. И. Полупанов подчеркивает в определении: государственный характер обеспечения граждан пособиями; источ-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

¹³ Андреев В. С. — Право социального обеспечения в СССР. 2-е изд., с изм. и доп. М., 1980, с. 23, 254.

ник выплаты — общественные фонды потребления; целевое назначение пособий; общий для них признак алиментарности¹⁴.

Р. И. Иванова обращает внимание на алиментарность выплат; государственный характер помощи; сроки и цель денежных выплат в случаях, указанных в законе, понимая под пособиями по советскому праву социального обеспечения «единовременные, периодические или ежемесячные социально-алиментарные денежные выплаты, носящие характер государственной помощи гражданам с целью компенсации утраченного (неприобретенного) заработка или при необходимости покрытия части дополнительных расходов, в случаях и на условиях, предусмотренных законом»¹⁵.

К. С. Батыгин, Н. А. Купина, В. Н. Осин при рассмотрении отдельных видов пособий или их групп в определении отмечают государственный характер помощи; единый источник выплаты пособий — общественные фонды; целевое назначение социальной помощи гражданам¹⁶ и др.

При всем множестве определений можно выделить общие черты, характеризующие все пособия как вид материального обеспечения: а) носят государственный характер; б) являются денежными выплатами из общественных фондов потребления; в) по своей социальной сущности выступают в форме помощи гражданам (семьям); г) по целевому назначению их установления служат либо компенсацией временно утраченного заработка, либо предоставляются в восполнение семейного бюджета или при отсутствии источника существования в случаях и на условиях, указанных в законе.

Кроме того, в ряде исследований в качестве неперемennого рассматривается признак алиментарности выплаты пособий. Алименты «(от лат. *alimentum* — питание, содержание) — средства на содержание». Основой алиментного обязательства являются семейные отношения — брак, родство, прирав-

¹⁴ Полупанов М. И. Пособия по социальному обеспечению в СССР: Учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1976, с. 5.

¹⁵ Иванова Р. И. Понятие и социально-правовая природа пособий как вида социального обеспечения. — В кн.: Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты): Труды ВЮЗИ/Отв. ред. В. С. Андреев. М., 1979, с. 86.

¹⁶ См.: Батыгин К. С. Пособия по государственному социальному страхованию. М., 1970, с. 16; Купина Н. А. Пособия как вид социального обеспечения. — Вестн. МГУ. Сер. XI. Право, 1980, № 5, с. 58; Осин В. Н. Понятие ежемесячных пособий по советскому праву. — В кн.: Социальное обеспечение в СССР за 60 лет, с. 137.

нейные к нему отношения¹⁷. При сравнении алиментарности с алиментными обязательствами между гражданами достаточно подчеркнуть, что выплачиваемые из общественных фондов пособия¹⁸ являются социальной помощью, но не содержанием. Государство берет на себя материальную заботу содержать за счет общества нетрудоспособных или престарелых граждан посредством выплаты им пенсии, и в этом смысле признаку обеспечительных выплат вместо заработка отвечает лишь часть пособий. Большинство пособий призваны дополнять семейный бюджет и не могут рассматриваться основным источником средств существования. Они являются помощью гражданам (семьям) и не могут сравниваться с заработком. Таковы семейные пособия на детей. Следовательно, не все пособия по цели их введения законодателем отвечают признаку алиментарности, и он в качестве всеобъемлющего критерия при определении пособий не может быть использован как единственный.

Если рассматривать алиментарность в смысле бесплатности, безэквивалентности обеспечения пособиями, то они действительно предоставляются из общественных фондов потребления без взносов застрахованных и некоторые независимо от этого факта. О бесплатности свидетельствует социальная сущность выплат. О безэквивалентности можно говорить только применительно к части пособий, выплачиваемых трудящимся. Многие пособия предоставляются вне какой-либо связи с трудом или иной общественно полезной деятельностью граждан.

Следовательно, пособия в праве социального обеспечения — социальная помощь государства гражданам (семьям) в виде ежемесячных, единовременных и периодических денежных выплат, предоставляемых из общественных фондов потребления в целях возмещения временно утраченного заработка или в дополнение к семейному бюджету либо не имеющим основного источника средств существования на условиях и в размерах, установленных законом.

Термин «семейные пособия» нами используется в качестве обобщающей категории. Понятием «семейные пособия» могут быть объединены все денежные выплаты, охватываемые целевым назначением их предоставления государст-

¹⁷ Пергамент А. И. Алименты. — В кн.: Юридический энциклопедический словарь/Гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1984, с. 20—21.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980, т. 3, с. 338.

вом — для оказания помощи семьям в воспитании и содержании детей на уровне достигнутого обществом достатка.

В семейный бюджет одинаково поступают денежные средства, предоставляемые государством как в качестве компенсации возмездительного характера на период временно утраченного заработка в связи с беременностью и родами работнице, служащей, члену колхоза, так и в виде помощи на содержание и воспитание детей. Очевидно, к семейным пособиям должны быть отнесены: 1) периодические — по беременности и родам, по уходу за больным ребенком; 2) единовременные при рождении ребенка; 3) ежемесячные — по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года; малообеспеченным и многодетным семьям, на детей одинокой матери и семье военнослужащего срочной службы, на детей-инвалидов до 16 лет.

Совершенствование системы государственных пособий на детей, предусмотренное решениями XXVI съезда КПСС¹⁹, означает наличие в ней общих системообразующих признаков: государственный характер выплат; по своей сущности являются социальной помощью; единый источник выплаты пособий — из средств общественных фондов; цель введения — на воспитание и содержание детей. Следовательно, общие объединяющие государственные пособия на детей в систему признаки проявляются в едином источнике выплаты (из общественных фондов потребления), целевом назначении (как правило, в дополнение к семейному бюджету на воспитание детей²⁰), социальном характере оказываемой государством помощи семьям, имеющим детей, едином субъекте права на пособие на детей. Данные обстоятельства служат основанием объединения пособий на детей одним обобщающим родовым понятием «семейные пособия» и общими характеризующими их признаками, указанными выше.

Семейные пособия можно определить как помощь семье со стороны государства из общественных фондов потребления в виде денежных выплат в дополнение к семейному бюджету на содержание и воспитание детей в случаях и на условиях, указанных в законе, а также компенсацию понятием «семейные пособия» и общими характеризующими их признаками, указанными выше.

¹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 178.

²⁰ Среди других целей обеспечения семейными пособиями могут быть названы стимулирование рождаемости; компенсации неполученного заработка трудящейся женщиной в связи с беременностью и родами.

Особенности анализируемой системы пособий проявляются в зависимости от вида в основаниях возникновения права на то или иное пособие; в субъектном составе на обязанной стороне, размере и продолжительности выплаты пособий, что подчеркивает относительную самостоятельность существования каждого из них.

Несмотря на множественность правовых актов об обеспечении различного вида пособиями семей с детьми²¹, они юридически однородны, одинаково сконструированы, многие в них повторяются, встречается один и тот же обязанный субъект правоприменения и исполнения. Иначе говоря, органы, решающие вопрос о праве семьи на то или иное пособие на детей, как правило, одни и те же: комиссии по назначению пособий на детей на предприятии (в организации), где работает заявитель, либо создаваемые районным (городским) исполкомом Совета народных депутатов. Данное обстоятельство свидетельствует об обособлении норм о пособиях семьям на детей в самостоятельный институт советского права социального обеспечения. Оно произошло постепенно, с появлением у государства экономических возможностей принять на себя заботу о подрастающем поколении посредством создания системы государственных пособий семьям с детьми. Его классификационным признаком явилась функциональная обязанность государства оказывать социальную помощь семьям в воспитании детей выплатой пособий (ст. 53 Основного Закона).

Правовым основанием для выделения системы семейных пособий в самостоятельный институт права социального обеспечения являются, помимо ст. 53, также ст.ст. 35 и 43 Конституции СССР. Указанный институт является специальным в праве социального обеспечения, сложноструктурным. В нем в правовых нормах определены целевое назначение системы

²¹ Основные условия обеспечения пособиями от 23 февраля 1984 г. охватывают регулированием 4 вида пособий семьям, прежде всего женщинам в связи с материнством — пособия по беременности и родам, при рождении ребенка, по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, а также по уходу за заболевшим ребенком; Положение от 12 августа 1970 г. — об обеспечении пособиями на детей многодетных семей и одинокой матери; Положение от 25 сентября 1974 г. — о пособиях малообеспеченным семьям; постановления Совета Министров СССР от 25 октября 1963 г. и ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 мая 1979 г. — соответственно о выплате пособий на детей военнослужащих срочной службы и о пособиях на детей-инвалидов до 16 лет.

пособий (например, в п. 8 Положения от 12 августа 1970 г. — «на содержание и воспитание детей»); субъекты права и правоотношений; основания возникновения права семьи на определенный вид пособия; порядок обращения за пособиями, их назначения и выплаты. То есть нормами данного института обеспечивается законченное правовое регулирование предоставления семьям пособий на детей.

Следуя классификации институтов, предложенной С. С. Алексеевым²², институт «Семейные пособия» — регулятивный, имеет своим предметом пособия как определенный вид помощи государства семьям в воспитании детей.

Институт является «генеральным»²³, включающим в себя дифференцированные (по видам пособий на детей) институты. Очевидно, идет процесс объединения самостоятельных институтов по предмету. Пока эта группа родственных институтов формально не закреплена в кодификационном акте, это еще не объединение, а «накопление» материала для объединения и поэтому не правовая общность²⁴.

Каждый институт имеет внутреннюю структуру. Наиболее типичные его элементы свойственны и институту «Семейные пособия». По аналогии с элементами правоотношений, видовыми основаниями объединения норм в институты, структурно нормы расположены в нем следующим образом:

общие нормы, характеризующие субъекта права на семейное пособие, основания возникновения права семьи на пособие, юридическое содержание процедурных и материальных правоотношений по назначению и выплате соответствующих пособий;

специальные нормы, которые могут быть подразделены на три группы по срокам предоставления пособий и расположены в каждой из них по видам пособий на детей, выплачиваемых семьям периодически, одновременно или ежемесячно. Внутри каждой подгруппы возможно расположение норм по тем же признакам, приведенным для общих норм института.

Такой критерий группировки норм внутри институтов особенной части, как «льготы к отдельным категориям лиц (обеспечение ... многодетных матерей)»²⁵, применительно

²² См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975, с. 119—160.

²³ Алексеев С. С. Указ. соч., с. 147.

²⁴ Там же, с. 149—154.

²⁵ Советское право социального обеспечения/Под ред. А. Д. Зайкина. М., 1982, с. 52—53.

17. Заказ 6240.

к обеспечению семейными пособиями в смысле установления или изменения прав и обязанностей неприменим. Льготу²⁶ нельзя рассматривать самостоятельным видом социального обеспечения. Отдельные материальные блага, социальные услуги предоставляются государством гражданам (и семьям) бесплатно или на льготных условиях по сравнению с другими категориями обеспечиваемых, в большем или меньшем размере по признакам пола, числа иждивенцев в семье, что свидетельствует о применении дифференциации в праве социального обеспечения, как и в других отраслях советского права.

В литературных источниках льготу определяют через преимущества²⁷, т. е. нормы-дополнения. Они устанавливаются по субъектному признаку или с учетом состояния здоровья либо семейного положения родителей несовершеннолетних (чаще женщины-матери)²⁸. Это не новые права, а предоставляемые в дополнение к известным в смысле льготного приобретения условий для их наступления или получения.

Таким образом, льготы — это не новый вид социального обеспечения, а определенные преимущества, предоставляемые государством дифференцированно отдельным категориям граждан (семьям) в связи с реализацией уже имеющихся прав (касающихся льготных условий и размера материального обеспечения или социальной услуги) в жизненно необходимых случаях, установленных дополнительными нормами права.

²⁶ Льгота в одном из смысловых значений В. И. Далям определена как «особые права, преимущества перед другими» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979, т. 2, с. 243).

²⁷ См.: Камаев И. А. Роль льгот в правовом регулировании трудовых отношений. — Сов. государство и право, 1984, № 4, с. 68—69 и др.

²⁸ Подробнее см.: Толкунова В. Н. Дифференциация правового регулирования социального обеспечения женщин и детей. — В кн.: Социальное обеспечение в СССР за 60 лет, с. 10—15; Она же. Право женщин на труд в СССР. М., 1980, с. 18—24.

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В. С. АРАКЧЕЕВ

Вопрос о методах обеспечения трудовой дисциплины не относится к числу малоисследованных в советской правовой науке, но тем не менее он остается в центре внимания ученых-трудовиков и в настоящее время. Объясняется это различными причинами, и прежде всего значимостью объекта исследования. В методах обеспечения дисциплины труда находят отражение сущность социально-экономической политики государства в наиболее важной сфере жизнедеятельности человека — его трудовой деятельности, преимущества социалистической общественной организации труда. Успешное исследование названного вопроса невозможно в отрыве от анализа механизма правового регулирования трудовых отношений в целом, от изучения особенностей предмета и метода трудового права, юридического положения участников трудового процесса. Поэтому исследователи проблемы методов обеспечения трудовой дисциплины вносят определенный вклад и в общую теорию советского трудового права.

Как известно, в последние годы в связи с осуществлением партией и правительством курса по всемерному укреплению организованности и порядка в нашем обществе принят целый ряд специальных нормативных актов, направленных на обеспечение трудовой дисциплины¹. Этими актами расширен арсенал средств борьбы с нарушениями внутреннего трудового распорядка и особенно с такими наиболее злостными их проявлениями, как прогулы и пьянство в рабочее время. Усиление мер ответственности за нарушение трудовой дисциплины породило на практике неверное представление о сущности проводимого партией курса. Вместе с тем в вопросе

¹ См., напр.: Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. № 744 «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда». — СП СССР, 1983, № 21, с. 115.

об использовании мер принуждения наша партия и государство последовательно и неуклонно проводят в жизнь выработанную В. И. Лениным позицию, согласно которой успешное их применение в условиях социалистического строя возможно лишь на базе убеждения². Эта позиция нашла свое нормативное закрепление в действующем трудовом законодательстве, в частности в п. 1 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, в котором указывается, что «трудова дисциплина обеспечивается созданием необходимых организационных и экономических условий для нормальной высокопроизводительной работы, сознательным отношением к труду, методами убеждения, воспитания, а также поощрением за добросовестный труд»³. Меры дисциплинарного и общественного воздействия применяются лишь к нарушителям трудовой дисциплины, что уже само по себе свидетельствует о их дополнительном и вспомогательном характере. Из сказанного следует, что тенденция к усилению ответственности за нарушение трудовой дисциплины в современный период не превратилась в ведущую, а соответствующие нормы не стали единственным средством осуществления политики партии в рассматриваемой сфере правового регулирования трудовых отношений. Разъяснение сущности данной позиции является одной из задач науки трудового права, что также свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения проблемы методов обеспечения трудовой дисциплины.

Большое внимание в исследуемой проблеме уделяется вопросу о видах методов обеспечения трудовой дисциплины, который, в отличие от вопроса о их соотношении, до сих пор еще относится к числу дискуссионных. Не вызывает возражения в литературе лишь выделение методов убеждения и принуждения. Мнение ученых здесь единодушно. Однако на этом, пожалуй, единство взглядов исследователей заканчивается.

Суть разногласий в том, что некоторые авторы, например В. Н. Смирнов⁴, ограничивают число методов двумя названными выше, другие же считают, что наряду с убеждением и принуждением дисциплина труда в социалистическом обще-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 216—217.

³ Типовые правила внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций, утвержденные постановлением Госкомтруда СССР от 20 июля 1984 г. № 213 (См.: Сборник нормативных актов о труде. М., 1985, ч. 2, с. 353.

⁴ Смирнов В. Н. Дисциплина труда в СССР (социальные и правовые проблемы). Л., 1972, с. 37—38.

стве обеспечивается также методами стимулирования⁵, поощрения⁶. В. М. Лебедев дополняет этот перечень методом контроля⁷, а действующее трудовое законодательство — методом воспитания⁸. Итак, в литературе и законодательстве выделяются следующие методы обеспечения трудовой дисциплины: убеждение, стимулирование, поощрение, воспитание, контроль и принуждение. Причем стимулирование и поощрение исследуются не как два самостоятельных, а как совокупность приемов и средств государственного воздействия, образующих один метод, в одних источниках именуемый поощрением, в других — стимулированием добросовестного отношения к труду. Поэтому некоторые авторы используют эти термины, по существу, в качестве синонимов⁹. В литературе имеется также мнение об отнесении поощрения к одной из форм применения средств убеждения¹⁰. Оно было высказано до принятия Основ и новых КЗоТ союзных республик, т. е. основывалось на законодательстве, в котором поощрение, в отличие, например, от ст. 128 ныне действующего КЗоТ РСФСР, еще не выделялось в качестве самостоятельного средства обеспечения трудовой дисциплины. Этим отчасти можно объяснить отнесение его к одной из форм убеждения. Однако такую позицию следует признать необоснованной не только в силу ее несоответствия действующему законодательству. Поощрение, так же как и стимулирование, адресуется непосредственно не к сознанию, а к моральным и материальным интересам работников. Поэтому его применение предполагает использование не средств идеологического и психологического воздействия, а средств, призванных оказать трудящимся общественный почет, публично признать их заслуги и предоставить определенные льготы и преимущества за достигнутые успехи в труде¹¹. Иными словами, при

⁵ Абрамова А. А. Дисциплина труда в СССР (правовые вопросы). М., 1969, с. 102—116.

⁶ Пятаков А. В. Укрепление трудовой дисциплины. Правовые проблемы. М., 1979, с. 100—109.

⁷ Лебедев В. М. Воспитательная функция советского трудового права. М., 1981, с. 27.

⁸ П. 1 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих, служащих предприятий, учреждений, организаций от 20 июля 1984 г.

⁹ Абрамова А. А. Правовые аспекты дальнейшего укрепления трудовой дисциплины. — В кн.: Экономическая политика КПСС, труд и право. М., 1973, с. 114.

¹⁰ Каринский С. С. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда. М., 1966, с. 182—184.

¹¹ Трудовое право. Энциклопедический словарь. М., 1979, с. 325.

применении убеждения и поощрения используются различные рычаги, требующие, в свою очередь, определенного механизма приведения их в действие. Это, по нашему мнению, исключает возможность рассмотрения поощрения в качестве формы убеждения.

Как уже отмечалось, применение поощрения предполагает использование заинтересованности рабочих и служащих в достижении определенных результатов в труде. Если в поощрительной практике не будут в должной мере учтены общегосударственные, коллективные и личные интересы, если она не будет основываться на заинтересованности работника не только в результатах его личного труда, но и в общих итогах деятельности трудового коллектива, то такая практика не только не даст нужного эффекта, но может оказаться даже социально вредной. Моральная и материальная заинтересованность имеет большое значение и для правильной организации стимулирования труда рабочих и служащих. Стимулы, как внутренние или внешние побудители, должны содержать в себе определенные интересы, морально или материально заинтересовывать трудящихся в выборе вариантов поведения, которые угодны обществу и государству. Если, например, стимулом выступает определенное материальное благо, в котором работник не будет заинтересован, то оно автоматически утрачивает качество стимула¹². Таким образом, материальная и моральная заинтересованность является обязательным элементом как механизма поощрения, так и стимулирования, что и является, по нашему мнению, одной из причин отождествления этих явлений, подмены одного из них другим.

Конечно, поощрение и стимулирование находятся в тесной связи, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что многие меры поощрения являются одновременно стимулами к добросовестному труду, а определенные стимулы, в свою очередь, выступают в качестве средств поощрения за успешный труд, примером чему может служить ст. 131 КЗоТ РСФСР, которая, как известно, содержит перечень мер поощрения.

Вместе с тем тесная связь этих явлений не порождает их тождества. Арсенал средств стимулирования значительно богаче, а сфера их применения шире, чем у соответствующих средств поощрения. Не случайно поэтому стимулы можно обнаружить в большинстве институтов советского трудового

¹² См., напр.: Лебедев В. М. Стимулирование социалистической дисциплины труда на промышленном предприятии. Томск, 1973, с. 16.

права, тогда как меры поощрения сосредоточены главным образом в институте трудовой дисциплины и заработной платы. Подтверждением этому могут служить такие стимулы, как длительный стаж работы на одном предприятии, выполнение норм выработки, ряд льгот для лиц, работающих на Крайнем Севере, льготы и преимущества в области социально-культурного и жилищно-бытового обслуживания, установленн ст. 133 КЗоТ РСФСР, и др. Однако далеко не каждое поощрение обладает стимулирующим эффектом. Оно может стать стимулом, но не автоматически, а при соблюдении ряда условий, таких, например, как правильный выбор поощряемого работника, соразмерность меры поощрения достигнутым успехам в труде, обоснованность поощрений и соблюдение порядка их применения и т. д. При невыполнении этих условий поощрение утрачивает свое стимулирующее значение, а следовательно, не может рассматриваться в качестве стимула к добросовестному труду. Сказанное позволяет сделать вывод: поощрение и стимулирование являются самостоятельными элементами механизма правового регулирования трудовых отношений.

Однако соотношение этих явлений существенно изменяется при их анализе непосредственно через призму методов обеспечения трудовой дисциплины. Под этим углом зрения они соотносятся между собой как общее и частное, где в качестве общего выступает стимулирование, а частным является поощрение рабочих и служащих. Иными словами, методом обеспечения трудовой дисциплины, по нашему мнению, является стимулирование добросовестного отношения к труду, а поощрение — наиболее важным структурным элементом данного метода.

Из содержания ст. 131 КЗоТ РСФСР, вытекает, что поощряется успешный труд, т. е. труд высокопроизводительный, результативный и одновременно с этим организованный и дисциплинированный. Следовательно, добросовестное отношение к труду является одним из оснований применения мер поощрения; оно входит в содержание понятия «успешный труд» наряду с такими его элементами, как повышение производительности труда, улучшение качества продукции. Вместе с тем добросовестное отношение к исполнению трудовых обязанностей является важнейшей предпосылкой и условием высокопроизводительного и результативного труда. Поэтому поощрением работника обеспечивается не только выполнение производственных показателей, но и добросовестное отноше-

ние к исполнению трудовых обязанностей, т. е. определенный уровень и состояние трудовой дисциплины.

Механизмом «приведения в действие» системы мер поощрения, как уже отмечалось, является моральная и материальная заинтересованность в результатах труда. Заинтересовывая работника в достижении более высоких производственных показателей, государство тем самым стимулирует его к соблюдению норм, регулирующих внутренний трудовой распорядок. Таким образом, поощрение способствует решению задачи укрепления трудовой дисциплины через стимулирование добросовестного отношения к труду, когда оно выступает в качестве определенного стимула. Поэтому оно и рассматривается нами как одно из средств стимулирования трудовой дисциплины. Подтверждают сказанное и цели поощрения, которое, наряду с публичным признанием трудовых заслуг работника и оказанием ему общественного почета, имеет задачу стимулировать самого работника и на его примере других рабочих и служащих к достижению более высоких производственных показателей.

Каждый метод обеспечения трудовой дисциплины должен обладать спецификой используемых в его рамках приемов и способов воздействия на поведение субъектов. Мы полагаем, что этим качеством стимулирование обладает в полной мере, в связи с чем относим его к числу самостоятельных методов обеспечения трудовой дисциплины. Представляется также, что названный метод, судя по современным тенденциям развития социалистических производственных отношений, системы управления и методов хозяйствования, имеет большую перспективу. Не случайно поэтому даже те авторы, которые ограничивают число методов убеждением и принуждением, вынуждены были поставить стимулирование в один ряд с ними¹³.

В п. 1 Типовых правил внутреннего трудового распорядка от 20 июля 1984 г., как уже отмечалось, впервые в трудовом законодательстве в числе методов обеспечения трудовой дисциплины названо также воспитание. Воспитание рабочих и служащих в духе глубокого уважения к требованиям норм, регулирующих внутренний трудовой распорядок, как показывает практика, имеет исключительно важное значение для

¹³ Смирнов В. Н. Обеспечение трудовой дисциплины и бережного отношения к общенародному достоянию средствами трудового права. — В кн.: Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе. Л., 1984, с. 189—190.

успешного решения задачи по укреплению трудовой дисциплины. Поэтому позицию законодателя об отнесении воспитания к категории методов обеспечения дисциплины труда можно объяснить как его стремление поднять соответствующую работу на более высокий уровень в практической деятельности администрации, общественных организаций и трудовых коллективов предприятий, учреждений и организаций. Однако несмотря на всю важность этой деятельности, возведение ее в ранг методов обеспечения трудовой дисциплины не согласуется, на наш взгляд, с общими положениями теории права о понятии методов как совокупности приемов и средств воздействия на поведение субъектов.

К характеристике воспитания рабочих и служащих можно подходить с различных позиций. Прежде всего его следует рассматривать как цель или задачу соответствующей деятельности. Для реализации этой задачи используются различные средства, в том числе средства, присущие методам убеждения, стимулирования, а также методу принуждения. С другой стороны, воспитание представляет собой процесс, протекаемый во времени и пространстве. Этот процесс нуждается в организованности и упорядоченности, т. е. ему должны быть присущи определенные организационные формы, приемы и методы осуществления соответствующей деятельности. Конечно, воспитание следует рассматривать и как определенное средство укрепления трудовой дисциплины. Но даже и под этим углом зрения, наиболее приближенным по своему содержанию к проблеме методов, мы не получим непосредственного ответа на вопросы, как, каким образом направляется поведение рабочих и служащих. Поэтому представляется, что отнесение воспитания к категории методов обеспечения трудовой дисциплины явилось следствием редакционной ошибки, допущенной при разработке содержания п. 1 Типовых правил внутреннего трудового распорядка. С целью ее устранения п. 1 указанного нормативного акта в анализируемой его части целесообразнее, на наш взгляд, изложить следующим образом: «Трудовая дисциплина обеспечивается ... методами убеждения, морального и материального стимулирования, а также воспитанием и поощрением за добросовестный труд. К нарушителям трудовой дисциплины применяются меры дисциплинарного и общественного воздействия».

Раздел III

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В. Н. ЩЕГЛОВ

1. Новые, более высокие задачи органов юстиции и судов требуют повышения эффективности гражданского судопроизводства, усиления защиты общественного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций и более действенных мер по предупреждению правонарушений. Необходимо дальнейшее совершенствование гражданско-процессуальных норм, одним из важнейших направлений которого является развитие состязательного начала гражданского судопроизводства.

2. Принцип состязательности рассматривается в науке гражданского процесса чаще всего как руководящее, нормативное положение, определяющее обязанности сторон по доказыванию и роль суда в установлении фактических обстоятельств гражданского дела¹. Статья 18 Основ гражданского судопроизводства устанавливает, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Если полученные доказательства недостаточны, суд предлагает сторонам и другим лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства или собирает их по своей инициативе.

Такая формула отражает подлинно демократический характер советского гражданского судопроизводства и, как показывает многолетняя практика, полностью себя оправдала в деятельности судов по установлению фактических об-

¹ См.: Советский гражданский процесс/Под ред. М. А. Гурвича. М., 1975, с. 31; Советский гражданский процесс/Под ред. А. А. Добровольского. М., 1979, с. 25; Курс советского гражданского процессуального права/Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981, т. 1, с. 165—166.

стоятельств гражданского дела. Вместе с тем в целях правильного и быстрого рассмотрения и разрешения гражданских дел необходимо развитие состязательности, ее правовой и научной основ.

3. В дальнейшем исследовании нуждается понятие принципа состязательности. В теории гражданского процесса принято рассматривать состязание сторон при активной роли суда как механизм исследования фактических обстоятельств дела. Действительно, установление фактов является самой трудной задачей суда первой инстанции. Ее решению способствует деятельность сторон, обязанных доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений. Но стороны не лишены возможности состязаться и по вопросу о правовой оценке установленных фактов с позиций материального закона. Они могут спорить о законе, подлежащем применению, о его толковании. Не исключается спор сторон и по процессуальным вопросам². Каждая сторона добивается защиты своего права или охраняемого законом интереса и вправе доказывать как фактическую, так и правовую обоснованность своей позиции в деле³.

Спор о правовой оценке фактических обстоятельств дела является для сторон одним из средств добиваться защиты своего права или охраняемого законом интереса. Он помогает суду в определении круга норм, регулирующих спорное отношение, в их правильном толковании и применении.

Акцентируя внимание на установлении фактических обстоятельств дела, сложившееся понятие принципа состязательности оставляет вне поля зрения деятельность сторон и других участвующих в деле лиц в кассационном и надзорном производствах и при пересмотре судебных решений, определений и постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Состязательность здесь является фактором, способствующим определению законности и обоснованности оспоренных судебных актов. Позиции сторон в таких производствах могут не совпадать и быть прямо противоположными. Каждое лицо, участвующее в деле, вправе доказывать фактическую и юридическую обоснованность своих доводов, оспаривать позиции других лиц, участвующих в деле, и этот

² См.: Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982, с. 123.

³ См.: Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М., 1970, с. 100.

спор способствует вынесению правосудных определений и постановлений по существу жалоб и протестов.

Споры, возникающие между сторонами и другими лицами, участвующими в деле, при проверке правильности судебных решений, определений и постановлений имеют процессуальное содержание. При их разрешении устанавливаются факты, указанные в жалобах и протестах, и применяется процессуальный закон (ст. ст. 44—53 Основ гражданского судопроизводства и соответствующие статьи и ГПК союзных республик).

4. Существенной чертой состязательности в советском гражданском процессе является активная роль суда, могущего предложить сторонам и другим лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства и собирать доказательства по своей инициативе. Основу состязательности составляет деятельность сторон, добывающихся защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Они несут бремя доказывания тех фактов, на которых основывают свои требования и возражения. Без активного участия сторон в доказывании суд не смог бы выполнить обязанности по установлению истины и защите действительно нарушенного права или охраняемого законом интереса⁴. Но недооценка активности суда, направленной на выявление действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, также недопустима. Только при использовании сторонами всех предусмотренных законом средств для отстаивания своих требований и возражений и при активной роли суда могут быть осуществлены задачи гражданского судопроизводства.

Состязательность в гражданском процессе основана на принципе равенства прав сторон и, в свою очередь, способствует осуществлению принципа объективной истины⁵.

5. Состязательность необходимо рассматривать как самостоятельный принцип гражданского процесса. Подлинная состязательность возможна только в условиях реального

⁴ См.: Авдюков М. Г. Принцип законности в гражданском судопроизводстве, с. 104—105; Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1981, с. 304.

⁵ В. Ф. Тараненко справедливо утверждает, что принцип равенства процессуальных прав сторон является одной из предпосылок принципа состязательности. См.: Тараненко В. Ф. Содержание принципа состязательности в советском гражданском процессе. — Труды ВЮЗИ, 1971, т. 17, с. 14.

равенства прав заинтересованных в деле лиц, характерного только для социалистического общества. Но состязательность нельзя считать составной частью принципа равенства прав сторон или формой судопроизводства, при которой принцип процессуального равноправия состоит⁶. Состязание представляет собой не форму судопроизводства, а его суть: при отсутствии процессуальной борьбы сторон надобность в правосудии отпадает.

Принцип равенства прав сторон в гражданском процессе основывается на равноправном положении субъектов гражданского оборота. Согласно ст. 2 Основ гражданского законодательства «к имущественным отношениям, основанным на административном подчинении одной стороны другой, а также и налоговым и бюджетным отношениям гражданское законодательство Союза ССР и союзных республик не применяется».

Принцип процессуального равенства сторон является одним из начал, характеризующих субъектов гражданского судопроизводства как системы, тогда как принцип состязательности относится к структуре и функционированию этой системы в целях установления истины и защиты действительно нарушенных или оспоренных гражданских прав и охраняемых законом интересов.

6. Несмотря на то, что Основы гражданского судопроизводства относят к подведомственности судов споры о праве, возникающие из гражданских, семейных и иных правоотношений (ст. 4), в судебной практике встречается немало фактически бесспорных дел. Объясняется такое положение рядом причин. Претензионный порядок разрешения гражданско-правовых споров, обеспечивающий принятие сторонами мер к непосредственному урегулированию спора и являющийся обязательной предпосылкой обращения с иском в арбитраж (ст. 12 Закона о государственном арбитраже в СССР) распространяется лишь на ограниченное число гражданских дел, подведомственных судам.

Отзыв ответчика на врученную ему копию искового заявления законом не предусмотрен. Письменные объяснения по существу предъявленного иска могут быть затребованы судьей от ответчика только по особо сложным делам (п. 2 ст. 141 ГПК РСФСР).

⁶ См.: Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982, с. 121—125.

Сложившаяся практика рассмотрения судами бесспорных дел, возникающих из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, находит обоснование в отдельных понятиях спора о гражданском праве. Так, по мнению М. А. Гурвича, «спор есть такое состояние права (правоотношения), в котором для осуществления права требуется, согласно закону, решение суда»⁷. Несколько противоречивое мнение высказано было В. В. Бутневым. Рассматривая спор об ответственности как разновидность спора о праве, он понимает этот спор как разногласие субъектов по поводу своих прав и обязанностей. Но далее поясняет, что спор о праве имеет место не только в случае, если ответчик возражает против требований истца, но и тогда, когда он на словах признает предъявленные требования, но фактически уклоняется от их удовлетворения. Спор есть и тогда, когда ответчик вообще не обращает внимания на требования истца⁸. Как видно, такое понимание спора о праве не отличается от предложенного М. А. Гурвичем. Следует, однако, отметить, что позднее В. В. Бутнев безоговорочно признал, что спор о праве представляет собой разногласия субъектов относительно своих прав и обязанностей⁹.

7. Спор о праве нельзя смешивать с нарушением права, а именно из такого понятия спора исходил М. А. Гурвич. Истец в заявлении, как правило, ссылается на факты нарушения или оспаривания его права, но при разбирательстве дела эти факты не всегда находят подтверждение. Было бы неточным также называть правоотношение, о котором спорят истец и ответчик, спорным правоотношением: нередко случается, что права и обязанности, о которых спорят стороны, в действительности отсутствуют и суд отказывает в удовлетворении требования об их признании. Спор о праве имеет место только тогда, когда заинтересованные лица занимают взаимно исключающие или несовпадающие позиции относительно фактических обстоятельств, прав и обязанностей или по существу искового требования. При отсутствии разногласий между сторонами надобность в правосудии отпа-

⁷ Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950, с. 69.

⁸ См.: Бутнев В. В. Спор об ответственности как категория правовой науки.— В кн.: Актуальные вопросы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. Л., 1982, с. 129.

⁹ См.: Бутнев В. В. Спор о праве и порядок рассмотрения дел искового производства.— В кн.: Материально-правовые и процессуальные проблемы защиты субъективных прав. Ярославль, 1983, с. 73.

дает¹⁰. Это не значит, что исключается защита права: нарушенное право подлежит восстановлению компетентным органом, но не в порядке осуществления правосудия.

8. Необходимо отметить, что тенденция к освобождению органов правосудия от рассмотрения бесспорных гражданских дел последовательно проводится в действующем законодательстве. Так, постановлениями советов министров союзных республик, принятыми в соответствии с новым законодательством о государственном нотариате, утверждены обширные перечни документов, по которым взыскание задолженности по требованиям, вытекающим из гражданских, трудовых, административных и других правоотношений, производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей нотариусов. В ряде союзных республик (РСФСР, БССР, УзССР, КазССР, АзССР, ТаджССР) законами предусмотрено совершение исполнительных надписей исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов в населенных пунктах, где нет государственных нотариальных контор.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1985 г. «О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей» установлено, что заявление о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей при отсутствии спора рассматривается народным судьей единолично без возбуждения гражданского дела. При несогласии с постановлением народного судьи лицо, обязанное платить алименты, вправе подать об этом заявление в суд. В этом случае народный судья отменяет постановление, и требование о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей рассматривается в исковом порядке¹¹.

Эта тенденция нуждается в дальнейшем развитии. ГПК Венгерской Народной Республики (глава XIX) предусматривает защиту прав граждан в бесспорном порядке путем выдачи платежного приказа. Такой порядок обязателен для требований, не превышающих 5 тыс. форинтов, и возможен (по выбору истца) для требований на сумму свыше 5 тыс. форинтов. В последнем случае кредитор вправе обратиться в суд с ходатайством о выдаче приказа или с исковым заявлением. Суд имеет широкие полномочия: он может избрать исковой порядок, если требование лишено правового

¹⁰ См.: Матиевский М. Д. Спор о праве в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978, с. 66.

¹¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1985, № 6, ст. 101.

основания, или направлено, в обход закона, или его обособленность представляется судьбе сомнительной. Платежный приказ выдается судьей единолично, без участия должника. Если в течение 15-дневного срока возражение против приказа со стороны ответчика не последует, судья делает заключение о вступлении платежного приказа в законную силу. С поступлением возражений производство превращается в исковое с участием кредитора (истца) и должника (ответчика)¹².

Дореволюционный русский Устав гражданского судопроизводства (ст. ст. 718—735) предусматривал возможность вынесения судом заочного решения после объяснения истца, если ответчик не явился в судебное заседание. Копия заочного решения направлялась ответчику, которому предоставлялось право в месячный срок (а по делам, производившимся сокращенным порядком,— в течение двух недель) дать отзыв, содержащий просьбу о признании заочного решения недействительным. По принятии отзыва суд рассматривал дело с извещением сторон и выносил решение. Заочное решение в этом случае теряло силу.

9. Несмотря на то, что общим положением подведомственности судам гражданских дел является наличие спора о праве (ст. 4 Основ гражданского судопроизводства), в судебной практике нередко встречаются фактически бесспорные дела: ответчик не является по извещению суда и не представляет письменных возражений против предъявленного иска, а после вынесения судебного решения использует свое право на подачу кассационной жалобы. Чтобы предупредить вынесение ошибочных решений в условиях, когда суды принимают все зависящие от них меры к установлению истины, были высказаны предложения о расширении полномочий судьи в выявлении сути спора и возможности защиты нарушенного или оспоренного гражданского права без вынесения судебного решения¹³. Эти предложения встретили

¹² См.: Севастьянова Л. А. Особенности защиты прав граждан по законодательству ВНР.—Сов. государство и право, 1983, № 9, с. 92—93.

¹³ См.: Чечот Д. М. Судебная защита судебных прав и интересов.—Сов. государство и право, 1967, № 8, с. 48; Щеглов В. Н. Спор о праве гражданском как предмет судебного решения.—В кн.: Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. Томск, 1977, с. 99—100; Машутина Ж. Н. Судебная защита и проблемы соотношения материального и процессуального: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972, с. 11—12.

возражения, основанные на том, что может произойти замена коллегиального порядка разрешения гражданско-правовых споров единоличным¹⁴. Однако опасность таких последствий представляется преувеличенной. Во-первых, имеется возможность определить в законодательном порядке, что подобные меры могут применяться лишь при разрешении споров, возникающих только из гражданских правоотношений и при участии в деле лишь истца и ответчика, чтобы не были затронуты права и интересы других лиц. Во-вторых, при выдаче судьей платёжного приказа или вынесении заочного решения у ответчика сохраняется правомочие заявить возражение и тем самым возбудить исковое производство с присущими ему максимальными гарантиями установления истины и защиты действительно нарушенных или оспоренных прав.

Ныне действующий порядок совершения исполнительных надписей нотариусом (ст. ст. 87—92 Закона о государственном нотариате РСФСР) предусматривает именно такую гарантию как возможность разрешения спора о праве, основанного на совершенном нотариальном действии, в порядке искового производства (ч. V ст. 271 ГПК РСФСР).

Многолетняя практика выдачи исполнительных надписей нотариусом полностью себя оправдала и никакой опасности ослабления защиты гражданских прав не представляет, но освобождает суды и арбитражи от рассмотрения большого количества бесспорных дел.

10. Интересы дальнейшего совершенствования состязательного начала гражданского судопроизводства требуют активизации деятельности в судебном заседании сторон и других участвующих в гражданском деле лиц. Правовые нормы, определяющие их процессуальное положение, обеспечивают в целом распределение бремени доказывания и условия для его осуществления, но не в полной мере. Так, ст. 187 ГПК РСФСР предусматривает дачу заключения по делу прокурором после прений сторон. Это положение понимается нередко так, что прокурор, предъявивший иск и обязанный выступить в прениях (ч. III ст. 185 ГПК РСФСР), должен после прений дать еще и заключение и тем самым подвести итог судебному разбирательству перед удалением суда

¹⁴ См.: Кожухарь А. Н. Наличие спора о праве гражданского как предпосылка права на предъявление иска. Кишинев, 1970, с. 47; Бутнев В. В. Спор о праве и порядок рассмотрения дел искового производства, с. 73—74.

в совещательную комнату. Такое положение сдерживает состязание заинтересованных лиц и нарушает принцип равенства их прав. Выступая при исследовании обстоятельств дела и в прениях в качестве состязаемой стороны, прокурор, предъявивший иск, должен как бы «подняться» над спором о законности и обоснованности предъявленного иска и дать объективное заключение. Задача эта трудноосуществима. Прокурор потому предъявляет иск, что убежден в нарушении права и в существовании тех фактов, на которых основано его исковое требование. Выявив правонарушение, прокурор становится лицом, заинтересованным в его устранении, и обязан использовать все предусмотренные законом средства для восстановления нарушенного права (ст. 4 Закона о прокуратуре СССР). Такая заинтересованность прокурора ставит его в иное положение в гражданском судопроизводстве по сравнению с прокурором, вступившим в начатое дело, и не позволяет выступать с заключением после прений. Следует отметить, что в уголовном процессе прокурор не выступает с заключением после прений. В практической деятельности прокуроры, предъявившие иск, испытывают трудности в определении порядка своего участия в деле, понимая бессмысленность выступлений по итогам судебного разбирательства дважды и необоснованность преимуществ перед ответчиком, с которым вначале можно состязаться, а затем выступить после прений, когда ответчик уже лишен возможности парировать доводы, изложенные в заключении. Нередко прокуроры отказываются участвовать в прениях и пассивно ведут себя в процессе, не используя всех возможностей для обоснования иска и устранения правонарушения.

11. Сходные причины ограничивают состязательность в кассационном производстве. Согласно ч. II ст. 302 и ст. 303 ГПК РСФСР прокурор, принесший кассационный протест, поддерживает его, выступая в заседании кассационной коллегии, а затем дает заключение. И здесь сторона, не согласная с доводами кассационного протеста, лишается возможности оспорить доводы заключения прокурора.

Непоследовательность такого порядка участия прокурора в кассационном производстве становится очевидной при его сопоставлении с участием прокурора в надзорной инстанции, где прокурор дает заключение по существу дела только в случае, если протест в порядке надзора принесен председателем судебной надзорной инстанции или его заместителем.

Если же надзорный протест принесен прокурором, он поддерживает протест и с заключением не выступает (ч. VI ст. 328 ГПК РСФСР). По-видимому, в свое время было признано, что заключение прокурора по существу дела, рассматриваемого в надзорном порядке, могло бы ограничить председателя суда или его заместителя в обосновании своего протеста в заседании судебно-надзорной инстанции и поэтому недопустимо. Но очевидно, что недопустимо также ограничение сторон и других участвующих в деле лиц в возможности обоснования своей позиции и в кассационной инстанции. Такое ограничение является отступлением от принципов равенства прав участвующих в деле лиц и состязательности.

12. В дальнейшей активизации нуждается также деятельность истца и ответчика, добивающихся в процессе защиты своих субъективных прав и охраняемых законом интересов. Основами гражданского судопроизводства и ГПК союзных республик закреплен принцип равенства процессуальных прав истца и ответчика. Многочисленными статьями гражданско-процессуальных нормативных актов обеспечиваются равные возможности сторон вести дело, обосновывать свою процессуальную позицию и оспаривать доводы другой стороны. Повышению активности сторон в гражданском судопроизводстве призвано способствовать наложение судом штрафов до 30 р. на лиц, участвующих в деле, и представителей в случае их неявки в судебное заседание без уважительных причин, повлекшей отложение разбирательства дела, и на должностное лицо предприятия, учреждения или организации, по вине которого не была обеспечена явка представителя в судебное заседание¹⁵.

Но возможности дальнейшего развития состязательности сторон в гражданском процессе далеко не исчерпаны. Активизации процессуальной деятельности сторон должны способствовать и научные исследования, которые уделяют иску как средству обращения заинтересованного лица за защитой и возможностям его обоснования в процессе несравненно больше внимания, чем защите против иска¹⁶.

¹⁵ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный кодексы РСФСР». — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1985, № 5, ст. 163.

¹⁶ См.: Васильева Г. Д. Защита ответчика против иска. Красноярск, 1982, с. 3.

Изложенное дает основание утверждать, что для совершенствования состязательного начала гражданского процесса необходимы продолжение теоретических исследований и выработка практических рекомендаций относительно правового положения и функционирования суда и участвующих в гражданском деле лиц во всех стадиях гражданского судопроизводства.

Дальнейшее развитие принципа состязательности в условиях совершенствования развитого социализма является одним из направлений науки советского гражданского процессуального права, призванных обеспечить более правильное и быстрое рассмотрение гражданских дел в целях охраны общественного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и законных интересов граждан и организаций и предупреждения правонарушений.

СЕКРЕТАРЬ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А. С. ГРИЦАНОВ

При отправлении правосудия по гражданским делам между судом и другими участниками гражданского процесса возникают различные по своему характеру и целям гражданские процессуальные отношения. Каждый из участников этих отношений в силу имеющейся у него правосубъектности вступает в процессуальные отношения с судом и становится субъектом гражданского судопроизводства¹. Каждый из субъектов обладает определенной совокупностью субъективных прав и обязанностей в соответствии с нормами гражданского процессуального права.

К субъектам процессуальных отношений относится весьма широкий круг участников, состоящий из судей, лиц, обратившихся к суду, привлеченных судом к участию в данном процессе, а также лиц, являющихся штатными работниками суда. Субъекты гражданского процесса выполняют различные процессуальные функции в зависимости от цели, с которой они вступают в процесс, характера заинтересованности в исходе дела, материально-правовой связи друг с другом.

Определение круга субъектов гражданского процесса, их классификация, дальнейшее правовое регулирование их процессуальных функций — важная задача процессуальной науки.

Если вопросам классификации, исследованию процессуальных функций таких субъектов, как суд, стороны, третьи лица, прокурор в науке уделялось и уделяется достаточно внимания², то вопросы правового регулирования функций

¹ См.: Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса: Лекции для студентов. Томск, 1979, с. 29—30.

² См.: Добровольский А. А. Советский гражданский процесс. М., 1979, с. 38; Мельников А. А. Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981, т. 1, с. 218; Козлов А. Ф. Субъекты совет-

должностных лиц суда как субъектов гражданского процесса остаются слабо разработанными³. Это относится в первую очередь к такому субъекту процесса, как секретарь судебного заседания, относительно правового положения которого в науке высказаны противоречивые суждения.

Так, Д. М. Чечот вообще не относит секретаря судебного заседания к числу субъектов процесса, указывая, что секретарь не связан с судом отношениями, регулирующими нормами процессуального права⁴. С таким суждением согласиться трудно. Действительно, как у штатного работника суда, у секретаря судебного заседания отношения с судом регулируются нормами трудового права (прием на работу, соблюдение правил внутреннего распорядка, увольнение с работы и т. п.), но секретарь судебного заседания вступает с судом и в процессуальные отношения, когда осуществляет свои профессиональные функции. Таким образом, не должно вызывать сомнения, что секретарь судебного заседания как субъект трудовых и процессуальных правоотношений является субъектом процесса.

Нам представляется неверным и другое мнение о секретаре судебного заседания, в соответствии с которым секретарь лишь технически обслуживает судопроизводство, не касаясь правовых вопросов⁵. Верно, что секретарь судебного заседания не входит в состав суда (ст. 15 ГПК), однако технические функции секретаря судебного заседания очень важны, в особенности для проверок законности решений в вышестоящих судах, где протокол играет особую роль; некоторые же функции секретаря судебного заседания выходят за рамки чисто технических операций (например, литературная обработка содержания делааемых записей). Не случайно в нормах процессуального права указаны те же самые основания

ского гражданского процессуального права по Основам гражданского судопроизводства и новым ГПК союзных республик.— Сов. государство и право, 1965, № 6, с. 105; Чечот Д. М. Участники гражданского процесса. М., 1960, с. 12; Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса: Лекции для студентов. Томск, 1979, с. 41—42; Якубов С. А. Субъекты советского гражданского процессуального права. Ташкент, 1973, с. 252—253; Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970.

³ Этот вопрос детально рассмотрен лишь в работе В. Н. Щеглова «Субъекты судебного гражданского процесса» (Томск, 1979, с. 43—67).

⁴ См.: Чечот Д. М. Участники гражданского процесса, с. 8.

⁵ См.: Козлов А. Ф. Субъекты советского гражданского процессуального права по Основам гражданского судопроизводства и новым ГПК союзных республик.— Сов. государство и право, 1965, № 6, с. 105.

для отвода секретаря судебного заседания, что и для судей (ст. ст. 18, 20 ГПК). В этой связи, характеризуя функции секретаря судебного заседания как субъекта процесса, более правильно было бы, с нашей точки зрения, именовать его функции организационно-техническими, что в большей степени соответствует его процессуальному положению. Поэтому правильно указывается в литературе, что права и обязанности суда состоят из действия целого ряда субъектов: суда (коллегиально), председательствующего, народных заседателей, секретаря судебного заседания, судебного исполнителя⁶. Таким образом, все должностные лица суда, в том числе и секретарь судебного заседания, являются субъектами процесса с тем различием, что совершаемые ими процессуальные действия имеют неодинаковую направленность, преследуют разные цели. Суд, как коллегиальный орган, выполняет в ходе процесса большой объем работы. В комплекс его действий входит решение многих как процессуально-правовых, так и материально-правовых вопросов, направленных на разрешение гражданского дела. Комплекс же процессуальных функций должностных лиц суда (секретаря судебного заседания, секретаря суда, судебного исполнителя), как правило, ограничен действиями организационно-технического характера.

И тем не менее анализ процессуальных норм, регулирующих функции секретаря судебного заседания, позволяет сделать вывод о процессуально-правовой важности этих функций, их значительности.

Главной обязанностью секретаря судебного заседания является ведение протокола судебного заседания (ст. 228 ГПК). Следует, однако, отметить, что в нормах гл. 21 ГПК, регулирующих вопросы ведения протокола, нет обязательного требования, чтобы протокол судебного заседания велся штатным работником суда, принятым на эту должность. Это, думается, недостаток законодательства, так как дает возможность выполнения этой работы другими лицами, которые могут не иметь необходимых навыков (например, народным заседателем, не входящим в состав суда, или делопроизводителем), что не в интересах правосудия. Кроме ведения протокола судебного заседания, секретарь докладывает суду, кто из вызванных по данному делу лиц явился, вручены ли повестки неявившимся и какие имеются сведения о причинах

⁶ См.: Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970, с. 13.

их неявки (ст. 151 ГПК). Что касается начального момента открытия судебного заседания (ст. 150 ГПК), то, хотя в процессуальных нормах и не предусмотрено обращение секретаря к залу: «Встать! Суд идет!», на практике подобное стало неписаным правилом. Такое действие со стороны секретаря является излишним и, по нашему мнению, не отвечает духу советского процесса. В ст. ст. 148, 150 ГПК говорится о порядке в зале заседания, о том, что при входе судей все встает, об открытии председательствующим судебного заседания и объявлении, какое дело подлежит рассмотрению. Поэтому никакого обращения со стороны секретаря судебного заседания здесь не требуется⁷.

Доклад секретаря судебного заседания о явке в суд вызванных лиц и решение других связанных с явкой вопросов предполагает определенную подготовку их секретарем заранее. В литературе правильно отмечается, что на обязанности секретаря лежит не только ведение протокола, но и обеспечение явки вызванных по делу лиц, рассылка извещений, соблюдение порядка доставки и вручения повесток, копий исковых заявлений и приложенных к ним документов, копий объяснения ответчика, если они поступили в суд⁸. Следует заметить, что указанные функции секретаря процессуальными нормами не урегулированы, а лишь вытекают логически из его последующих функций, что является пробелом законодательства. На практике часть из указанных действий нередко поручается председательствующим другим работникам суда; а не только секретарю. Думается, что в целях улучшения организации судопроизводства, усиления профессиональной ответственности должностных лиц суда следовало бы нормативно урегулировать все их функции, закрепив их либо в процессуальных кодексах, либо в инструкциях по делопроизводству⁹.

Ведение секретарем протокола судебного заседания, как уже было сказано выше, является одной из его важнейших

⁷ Думается, что это не регламентированное нашим процессуальным правом действие секретаря перекочевало в наши суды с кино- и телеэкранов, показывающих судебный процесс в других государствах, а поэтому должно пресекаться.

⁸ См.: Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса, с. 62.

⁹ В настоящее время действует инструкция по делопроизводству в районных (городских) народных судах, утвержденная приказом министра юстиции РСФСР от 15 марта 1974 г. № 37, в которой этот вопрос требует более глубокого и детального регламентирования.

процессуальных обязанностей, так как в нем отражаются все существенные моменты разбирательства дела (ст. 227 ГПК). Полнота записей в протоколе судебного заседания, объективное и точное изложение в нем всего хода процесса составляют основу для вынесения правильного решения, в то же время качественный протокол является важной гарантией осуществления контроля за законностью и обоснованностью судебного решения. Не случайно правильность составления протокола, полнота содержащихся в нем сведений удостоверяются подписями председательствующего и секретаря (ч. 4 ст. 228 ГПК).

На важность протокола судебного заседания как процессуального документа неоднократно указывалось в постановлениях пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР¹⁰. Между тем анализ процессуальных норм, регулирующих функции секретаря судебного заседания, позволяет, к сожалению, прийти к выводу, что на него, как правило, возложены только обязанности: секретарь должен составить протокол, отвечающий по своему содержанию требованиям ст. 227 ГПК; протокол должен быть изготовлен в самом судебном заседании и только при совершении отдельного процессуального действия вне заседания (ч. 1 ст. 228 ГПК); подписан протокол должен быть не позднее следующего дня после окончания судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия (ч. 3 ст. 228 ГПК); Из имеющихся в настоящее время у секретаря субъективных процессуальных прав можно, пожалуй, лишь указать на его право дать объяснения суду в случае, если ему будет заявлен отвод (ст. 23 ГПК).

Что же касается прав секретаря судебного заседания на участие в решении вопросов, связанных с содержанием протокола, внесением в протокол уточнений, изменений с учетом сделанных в судебном заседании записей (ч. 4 ст. 228 ГПК), либо участием секретаря в рассмотрении замечаний, поданных на протокол судебного заседания (ст. ст. 229—230 ГПК),

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного суда СССР от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности». — Бюллетень Верховного суда СССР, 1967, № 2; Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 марта 1981 г. «О задачах судов в свете решений XXVI съезда КПСС». — Бюллетень Верховного суда СССР, 1981, № 3; Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения судами РСФСР». — Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1967, № 4.

то он в этом отношении оказывается субъектом бесправным. Существующее положение представляется неверным. Дело в том, что, подписывая протокол (ч. 4 ст. 228 ГПК), секретарь, как и судья, удостоверяет своей подписью его правильность, соответствие изложенного в нем содержания проведенному судебному разбирательству, но в то же самое время закон не предоставляет секретарю возможности отстаивать правильность содержания протокола. В литературе по этому поводу совершенно справедливо указывалось, что в замечаниях, поданных на протокол судебного заседания, оспариваются действия как председательствующего, так и секретаря судебного заседания¹¹.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что процессуальные права секретаря судебного заседания как субъекта процесса следовало бы расширить. При этом должны быть учтены следующие особенности его правового положения. Во-первых, хотя секретарь судебного заседания и не входит в состав суда (ст. 15 ГПК), но функции его направлены на обеспечение правосудия по конкретному делу и в этом смысле приближаются к судебным. Во-вторых, при их осуществлении секретарь самостоятелен; он свободен в большинстве случаев в решении вопроса о фиксировании того или иного положения, хотя председательствующий, конечно, может обратить его внимание на обязательное внесение в протокол положений, которые представляются ему существенными. В-третьих, секретарь судебного заседания — должностное лицо суда, штатный его работник и в соответствии с нормами трудового права подчинен председателю суда как руководителю учреждения. Таким образом, правовое положение секретаря судебного заседания в определенной мере двойственно: с одной стороны, он субъект процессуального правоотношения, а с другой — трудового¹².

Из изложенного можно сделать вывод о необходимости совершенствования ст. 230 ГПК, регулирующей порядок рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания. Так,

¹¹ См.: Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса, с. 63.

¹² В этой связи следует заметить, что и судьи также являются субъектами не только процессуальных, но и трудовых правоотношений, однако в законе (ст. 155 Конституции СССР) существуют гарантии их процессуальной независимости от какого бы то ни было на них влияния при осуществлении правосудия. Не будет ли правильным поставить и секретаря судебного заседания в более независимое положение при осуществлении им его профессиональных функций?

в ч. 2 ст. 230 ГПК следовало бы внести дополнение следующего содержания: «При рассмотрении судьей или судом замечаний на протокол заслушивается мнение секретаря судебного заседания о фактической стороне поданных замечаний. Вопросы, связанные с определением существенности для дела тех или иных замечаний, их правовым значением и включением в протокол, решаются судьей, а в соответствующих случаях судом, без заслушивания мнения об этом секретаря судебного заседания».

По нашему мнению, было бы также целесообразно предоставить секретарю право на особое мнение в тех случаях, когда между ним и председательствующим остаются разногласия по поводу фактического содержания тех или иных положений протокола. В связи с этим было бы полезным дополнить ч. 4 ст. 228 ГПК абзацем следующего содержания: «В случае разногласий между председательствующим и секретарем по поводу изложения в протоколе фактических обстоятельств протокол подписывается ими в редакции председательствующего, но секретарь имеет право на особое мнение, которое излагается в письменном виде и прилагается к делу».

Думается, что указанные дополнения способствовали бы повышению качества протокола судебного заседания, а следовательно, улучшению судебной деятельности в целом.

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА С МАТЕРИАЛЬНЫМИ ОТРАСЛЯМИ

Л. К. МЕРЕНКОВА

Социалистическая общественная система по управлению и социальной координации людей включает в себя целый ряд элементов, важнейшими из которых являются экономическая, политическая и правовая системы. Практика коммунистического строительства свидетельствует, что правовая система является одним из эффективных средств решения задач, выдвинутых жизнью. Базируясь на социалистическом способе производства, она закрепляет политическую власть трудящихся, обеспечивает нормальное функционирование общества, стабильность, порядок, организованность, проведение в жизнь экономической и социальной политики партии и государства¹.

Правовая система раскрывается в теории права как сложное собирательное, многоплановое понятие, отражающее всю совокупность юридических явлений общества (норм, взглядов, отношений, учреждений, состояний, институтов, режимов, процессов, статусов)². Главным, центральным звеном правовой системы, определяющим его нормативную первооснову, является право. Право, в свою очередь представляет собой сложную, целостную систему, имеющую функциональный характер. Назначение ее лежит в сфере упорядочения общественных отношений путем закрепления их в тех или иных правовых институтах. Право обеспечивает нормальную организацию общественных отношений, функционирование их в соответствии с требованиями объективных законов общественного развития и одновременно охраняет их, вытесняя отношения, чуждые данному общественному строю³. Функ-

¹ Матузов Н. Н. Правовая система развитого социализма.— Сов. государство и право, 1983, № 1, с. 18.

² Там же, с. 18, 20.

³ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 1, с. 193.

циональны не только система права в целом, но и отдельные ее подразделения, компоненты. То обстоятельство, что каждое подразделение, компонент имеет возможность отвечать за свой участок, согласованность правового воздействия свидетельствует как раз о существовании и функционировании организованной системы права. Объективно обусловленная сложной системой общественных отношений, системность права проявилась как одно из ценнейших его свойств. В функциях отдельных компонентов права проявляется их жизнедеятельность, активность. В то же время функции системы права в целом — это не что иное, как интегративный результат функционирования ее компонентов, результат их взаимосвязи. Следует в связи с этим отметить, что целостность системы права обуславливается не только наличием высокоразвитой и относительно устойчивой структурной организацией компонентов (хотя это также необходимый признак системы), но главным образом характером их связи, если эта связь обеспечивает целостность системы.

П. Б. Евграфов отмечает, что из всех подразделений, компонентов структуры права функциональную его единицу, фокусирующую интегративные и дифференцирующие свойства, характерные праву в целом, все многообразие связей, существующих между нормами, в том числе взаимодействие норм права друг с другом в системе права, представляет отрасль права⁴.

Вопрос о соотношении и взаимодействии различных отраслей права по уровню своей разработанности, к сожалению, далеко отстает от такого традиционно популярного в теории права вопроса, как размежевание отраслей. Между тем в философской литературе справедливо подчеркивается, что системный подход к изучению явления сам по себе должен быть системен. В этом случае предполагается изучение не только внутреннего строения системы (системно-компонентный аспект), сил и факторов, обеспечивающих ее целостность и относительную самостоятельность (системно-интегративный аспект), но и изучение функциональных связей (системно-функциональный аспект)⁵.

Не случайно в связи с этим будущность в исследовании вопроса о системе права усматривается на пути усиления об-

⁴ Евграфов П. Б. Система советского права и перспективы ее развития.— Сов. государство и право, 1982, № 6, с. 86.

⁵ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М., 1981, с. 21.

щесистемного подхода⁶. Прежде всего необходимо отметить, что внутренние функциональные связи системы права, вытекающие из функциональной дифференциации норм системы права, подразделяются на связи субординации и координации. Субординация—согласование функций отраслей права по вертикали, подчиненность функций одних отраслей права другим и функций всех без исключения отраслей системе права в целом. В. Г. Афанасьев подчеркивает, что субординация функций указывает на неодинаковое значение каждого из компонентов в осуществлении функций системы. Одни более или менее прямо «отвечают» за те или иные характеристики системы, «ответственность» же других компонентов системы имеет косвенный, опосредствованный характер⁷.

Представляется, что эти общие положения теории систем проявляются и в жизнедеятельности системы права. Прямо отвечают за характеристики системы права материальные отрасли (например, гражданское, трудовое, колхозное, семейное, административное и др.). Косвенный, опосредствованный характер такой ответственности у процессуальных отраслей и, в частности, у гражданского процессуального права. Следует отметить, что в работах по теории права эти выводы появились значительно раньше, чем в общефилософской теории систем. Так, С. С. Алексеев полагал, что если функции норм материального права заключаются в непосредственной регламентации поведения людей, их коллективов, государства и его органов и составляют само содержание, «рабочий механизм» правового регулирования, то функции норм процессуального права, являющихся надстройкой над нормами материального права, состоят в регулировании организационных общественных отношений, которые складываются в процессе применения норм материального права при наличии обстоятельств, требующих этого применения, и имеют общую задачу — способствовать достижению цели, преследуемой нормой материального права⁸.

Таким образом, механизм воздействия гражданского процессуального права на экономические и иные общественные

⁶ Пискотин М. И. Система советского права и перспективы ее развития.—Сов. государство и право, 1982, № 6, с. 82; Казимирчук В. Развитие правовой системы зрелого социализма.—Сов. законность, 1983, № 9, с. 20.

⁷ Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 28.

⁸ Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961, с. 34.

отношения своеобразен. Это воздействие гражданское процессуальное право осуществляет через нормы гражданского, трудового, семейного, колхозного, административного и нормы некоторых других материальных отраслей, обеспечивая их реализацию. Представляется, что связь между материальным гражданским (в широком смысле этого слова) и гражданским процессуальным правом в связи с этим может быть охарактеризована не только как субординационная, но и как генетическая.

Необходимость в судебной охране материального гражданского права и в государственном принуждении возникает в основном тогда, когда это право нарушено или оспорено. В. И. Ленин указывал, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»⁹. Суд осуществляет принуждение в процессуальных формах, предусмотренных гражданским процессуальным правом.

Итак, материальное гражданское право без процессуального — ничто, но и гражданско-процессуальное право без материального было бы ненужным. В теории права связь процессуальных отраслей с материальными традиционно рассматривается как связь системообразующая, но не всегда — как связь генетическая и субординационная. А. Ф. Черданцев генетическую связь рассматривает как системообразующую, но только в том смысле, что единый экономический базис социалистического общества предопределяет единство общественных отношений, регулируемых правом, а через них и единство системы права¹⁰. Разделяя этот вывод, нельзя вместе с тем не отметить, что это как бы внешняя обусловленность единства и целостности системы, которая дополняется генезисом внутри самой системы права (причем не только на примере материального и процессуального права). Субординационная связь раскрывается А. Ф. Черданцевым как внутрисистемная функциональная связь, призванная обеспечить единство государственной воли в условиях сложного, динамичного правотворческого процесса и множественности субъектов правотворчества путем установления связи норм права с принципами и иерархичности правовых норм¹¹.

Представляется, что понимание системообразующих связей в основном как сил, помогающих уберечь право от про-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99.

¹⁰ Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права. — Сов. государство и право, 1974, № 8, с. 11.

¹¹ Там же, с. 11—12.

тиворечивости, обедняет их содержание. Чем же, если не субординацией, объясняется приспособленность видов судопроизводства, отдельных институтов гражданского процессуального права к особенностям правовых режимов гражданского, административного, семейного и других материальных отраслей. Единственная системообразующая связь, имеющая характер взаимодействия, у А.Ф. Черданцева это связь координации, куда и относит он связь материальных и процессуальных норм. Едва ли можно согласиться с такой трактовкой характера связи материальных и процессуальных норм. В теории систем связь координации предполагает согласование функций компонентов системы по горизонтали. Между тем сам А. Ф. Черданцев подчеркивает служебную роль процессуальных норм по отношению к материальным, зависимость первых от вторых¹². Представляется, что в связях координации гражданско-процессуальное право состоит с другими процессуальными отраслями. И далее, системообразующая связь координации вытекает у А. Ф. Черданцева не из отраслевого «разделения труда» внутри системы права, а из функционального разделения труда между нормами права (охранительными, процессуальными, коллизионными, дефинитивными, оперативными). Думается все же, что системообразующие связи — это те функциональные связи, которые осуществляются в рамках присущей системе структуры.

Продолжительная дискуссия ведется на страницах юридической печати по поводу возможности характеристики связи между гражданским процессуальным и гражданским правом (в широком смысле этого слова) как связи формы и содержания. Так, С. С. Алексеев отмечает, что процессуальные отрасли имеют подчиненное, производное значение по линии их связи с «материальными» отраслями», «производное», «подчиненное» в том самом смысле, что форма какого-либо явления зависит от его содержания¹³. Подобная идея подкрепляется известным высказыванием К. Маркса о том, что процесс есть «только форма жизни закона»¹⁴. Однако в настоящее время в юридической литературе приводятся серьезные аргументы, опровергающие возможность такого вывода из упомянутой работы К. Маркса.

¹² Там же, с. 14.

¹³ Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961, с. 139.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 158.

1. К. Маркс ведет речь о соотношении не материальных и процессуальных отраслей, а материального права и процесса¹⁵. Причем он говорит о соотношении уголовного права и уголовного процесса, который является единственной формой реализации норм данной материальной отрасли, тогда как нормы гражданского права реализуются в основном в добровольном порядке, а в принудительном — далеко не всегда через суд.

2. Отношение между процессуальным и материальным правом не является отношением формы и содержания, ибо одна отрасль права не может быть содержанием другой отрасли права. Всякое право есть форма общественных отношений, и именно общественные отношения составляют содержание права¹⁶.

3. Из слов К. Маркса нельзя сделать вывод о том, что гражданское процессуальное право есть форма материального еще и потому, что через гражданский процесс проходят, кроме собственно гражданских (дел), еще и трудовые, семейные и другие дела. Тогда придется сделать вывод, что все эти отрасли составляют содержание гражданско-процессуального права и не имеют своей формы (далеко не каждой материальной отрасли соответствует своя процессуальная)¹⁷.

4. Форма и содержание с философской точки зрения явление неразрывное. Утверждение, что гражданское процессуальное право есть форма материального, лишает его самостоятельности. По мысли М. С. Строговича, процессуальные формы начинают характеризоваться как часть материальных отраслей¹⁸.

Представляется, что наиболее верный подход к раскрытию ценности работы К. Маркса для гражданского процес-

¹⁵ Гуреев П. П. Демократические основы советского социалистического правосудия/Под ред. И. С. Строговича. М., 1965, с. 183; Иванов О. В. О связи материального и гражданско-процессуального права. — Правоведение, 1973, № 1, с. 51; Боннер А. Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса. — Правоведение, 1978, № 4, с. 27.

¹⁶ Гуреев П. П. Соотношение норм гражданско-процессуального права и норм материального права: Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981, т. 1, с. 67; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, с. 87; Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. М., 1973, с. 116.

¹⁷ Скобелкин В. Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения). М., 1982, с. 29.

¹⁸ Строгович М. С. Уголовное процессуальное право в системе советского права. — Сов. государство и право, 1957, № 4, с. 103.

суального права дается в работах П. П. Гуреева и В. Н. Щеглова. Гражданское судопроизводство справедливо рассматривается как одна из форм жизни материального закона, т. е. реализации норм материального права путем его применения, как форма реализации материального правоотношения¹⁹.

Бесспорно огромное значение положения К. Маркса о том, что «один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы...»²⁰. Материальное право должно обслуживаться однотипным по своей классовой природе процессуальным правом, процесс должен быть приспособлен к материальному праву.

Итак, содержание и форма — неподходящие категории для определения связи материального и гражданского процессуального права. Пожалуй, куда более близкими являются категории причины и следствия, условия и обусловленности. Конкретные проявления связи материального гражданского права с гражданским процессуальным детально исследовались в науке гражданского процессуального права²¹.

Чрезвычайно интересными представляются вопросы о том, когда и где перекрещиваются дороги материального и процессуального права, что становится предметом судебной деятельности и ее результатом. Полагая, что эти вопросы должны стать предметом самостоятельного исследования, в то же время отметим следующее. Все большее число процессуалистов склоняется к тому, что предметом судебной деятельности в случае нарушения или оспаривания материального права является охранительное (а не регулятивное) правоотношение²². Однако достаточной четкости в исследовании вопроса о назначении охранительного отношения, отличии его от материального или гражданского процессуального, его субъектах, конечных результатах жизнедеятельности пока не достигнуто. У П. Ф. Елисейкина это своеобразный слепок со

¹⁹ Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966, с. 148.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 158.

²¹ Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон. М., 1973, с. 115—118; Гуреев П. П. Соотношение норм гражданского процессуального права и норм материального права, с. 69—72.

²² Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе. — Сов. государство и право, 1974, № 8, с. 132; Иванов О. В. Указ. соч., с. 49; Протасов В. Н. Процессуальный механизм в правовом регулировании социалистических общественных отношений. — Сов. государство и право, 1983, № 3, с. 122.

ставшего спорным материального отношения, сторонами которого являются лицо, обратившееся в суд, и лицо, привлеченное к ответу. Регулируя эти отношения, суд устраняет их спорность и тем самым защищает существующее в действительности материальное отношение. Необходимость ввести понятие охранительного правоотношения у П. Ф. Елисейкина связана с тем, что при отказе в иске по той причине, что материально-правового отношения не было вообще, создается впечатление, что предмета деятельности у суда не было²³. Трудно здесь усмотреть разницу между охранительным отношением и предполагаемым спорным материальным правоотношением, которое традиционно считается предметом судебной деятельности (а существует ли оно в действительности, суду и предстоит убедиться).

У О. В. Иванова охранительные отношения служат защите прав, предоставленных регулятивными нормами, возникают и реализуются лишь в процессе, складываются между юрисдикционными органами и заинтересованными лицами, существуют и реализуются параллельно с процессуальными²⁴. Здесь невозможно провести грань между процессуальными и охранительными правоотношениями. Кроме того, подобный подход к предмету судебной деятельности коренным образом меняет устоявшиеся положения теории гражданского процессуального права. Так, если стороны в процессе совпадают со сторонами защищаемого отношения, тогда следует логический вывод, что суд становится в процессе стороной.

У В. Н. Протасова предметом служебной деятельности также выступают охранительные отношения, действием которых устраняется дисфункционирование материальных регулятивных норм. Он не отделяет охранительные нормы и правоотношения от материальных, если они служат непосредственным и необходимым условием реализации материальных регулятивных норм (например, процедурно-правовые правила по обмену жилых помещений и др.)²⁵.

По мнению В. Н. Протасова, цель процесса состоит в выявлении охранительного правоотношения и его реализации. Если следовать рассуждениям В. Н. Протасова и использовать его же пример с процедурой обмена жилой площади как охранительным отношением, то получается, что

²³ Елисейкин П. Ф. Указ. соч., с. 130.

²⁴ Иванов О. В. Указ. соч., с. 49—50.

²⁵ Протасов В. Н. Указ. соч., с. 121.

суд, рассматривающий жилищный спор, осуществляет свою деятельность для того, чтобы выявить и сделать реальным охранительное отношение. И лишь охранительное отношение устраняет дисфункционирование материальных регулятивных норм. В действительности же суд непосредственно осуществляет защиту нарушенных прав по обмену жилой площади, выносит решение о переселении заинтересованных лиц на конкретную жилую площадь. Все, что будет делаться после вынесения решения суда, это уже будут действия по исполнению его требований.

Регулятивное материальное правоотношение не может не быть предметом судебной деятельности, поскольку иначе суду трудно разграничить права и обязанности заинтересованных лиц и найти правильный выход на охранительную норму права. Вопрос о том, в какой мере охранительное правоотношение является предметом судебной деятельности (и является ли), в гражданском процессе подлежит дальнейшему обсуждению (в уголовном процессе проще — предметом деятельности суда становятся охранительные по своему характеру нормы уголовного права). На наш взгляд, охранительные правоотношения в гражданском процессе полностью сольются с процессуальным отношением между судом и обязанным лицом.

Итак, назначение гражданского процесса, регулируемого нормами гражданского процессуального права, состоит, в основном, в том, чтобы в принудительной форме реализовать материальное отношение. Исходя из этого основного суждения, нельзя в то же время забывать, что значение гражданского процессуального права по линии его связи с материальным правом в достаточной степени еще не оценено. Практика работы судебных органов свидетельствует, что к одной из наиболее распространенных категорий дел относятся дела об установлении юридических фактов. В данном случае речь не идет о принудительной реализации норм материального права. Так, если суд устанавливает факт принадлежности заявителю трудовой книжки, в которой были искажены его фамилия, имя, отчество, то перед заявителем открывается возможность использования пенсионного права. Таким образом, судебная деятельность подключается к нормальному (не принудительному) процессу реализации материального права.

В заключение необходимо отметить, что связи гражданского процессуального права с материальным — одно из ярких проявлений системообразующих связей. Это функцио-

нальная, постоянно действующая (работающая) связь-взаимодействие. В настоящее время в нашей стране сложилось достаточно развитое и совершенное законодательство. Но даже самые лучшие законы не смогут привести к желаемым результатам, если не будут соблюдаться и исполняться. В связи с этим одним из основных путей дальнейшего развития и укрепления советской правовой системы является повышение эффективности реализации правовых норм. Гражданское процессуальное право (как элемент системы права и правовой системы) обеспечивает возможность принудительного осуществления норм гражданского, трудового, семейного, колхозного, административного, финансового и других отраслей материального права. Гражданское процессуальное право способно подключиться и к другим (обычным) формам реализации материального права, поскольку предусматривает порядок установления фактов, с которыми нормы различных отраслей (гражданского, семейного, пенсионного и других) связывают правовые последствия.

И наконец, гражданское процессуальное право обеспечивает реализацию собственных правовых норм. Суду для принудительной реализации норм гражданского процессуального права нет необходимости обращаться к какому-либо органу, находящемуся вне процессуальных отношений. В силу особенностей метода гражданского процессуального права принудительная реализация норм этой отрасли зависит от одного из участников гражданско-процессуальных отношений, наделенного решающей властью в процессе, — суда. Таким образом, гражданское процессуальное право по той роли, которую выполняет, в конечном итоге выходит на результаты функционирования правовой системы в целом, а именно на состояние законности в правопорядке.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА, ПРЕДЪЯВИВШЕГО ИСК В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Г. Л. ОСОКИНА

В науке советского гражданского процессуального права одним из спорных является вопрос о процессуальном положении прокурора, предъявившего иск. Анкетирование должностных лиц органов суда и прокуратуры Алтайского, Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей показало, что среди практических работников также нет единого мнения по данному вопросу. Правовое положение прокурора в гражданском судебном процессе — это вопрос о его правах и обязанностях, реализация которых обеспечивает достижение целей прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве, а следовательно, и его эффективность.

Суть всех высказываний по вопросу о процессуальном положении прокурора, предъявившего иск, можно свести к двум основным точкам зрения. Согласно первой точке зрения прокурор, независимо от форм его участия в процессе, занимает особое процессуальное место — место представителя государственного органа, осуществляющего высший надзор за соблюдением законности¹. Представители второй точки зрения считают, что прокурор, предъявивший иск, занимает

¹ См.: Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954, с. 129; Перфильев В. М. Правовое положение прокурора, предъявляющего иск по новому гражданско-процессуальному законодательству.— Сб. аспирантских работ/Свердл. юрид. ин-т, 1964, вып. 4, с. 124; Викут М. А. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968, с. 44—46; Лутченко Ю. И. Процессуальное положение прокурора, предъявившего иск в гражданском процессе.— Сов. государство и право, 1977, № 5, с. 128—131; Кац С. Ю. Прокурорский надзор в стадии судебного разбирательства.— В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Свердловск, 1979, с. 100; Муравьева А. С. Проблемы судебного разбирательства. — В кн.: Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. Л., 1979, с. 163.

в процессе положение процессуального истца, стороны особого рода².

Аргумент, с которого начинают критический анализ почти все представители первой точки зрения, состоит в том, что прокурор не может быть признан стороной в процессе (процессуальным истцом), так как он не является субъектом спорного материального правоотношения³. Ход рассуждений указанных авторов в общем-то понятен: сторонами в процессе, истцами и ответчиками, являются предполагаемые субъекты спорных правоотношений. Поскольку такое предположение в отношении прокурора исключается, он не может быть ни истцом, ни ответчиком⁴. Однако с этим выводом трудно согласиться по следующим причинам.

Во-первых, некоторые авторы, в частности А. Ф. Козлов, отмечают необходимость пересмотра установившегося представления о сторонах в процессе как о субъектах спорного правоотношения ввиду того, что участие в спорном материальном правоотношении не является обязательным признаком истца и ответчика⁵. Действительно, на практике возможны такие ситуации, когда сторонами в процессе, истцами и ответчиками, выступают лица, которые не являются субъектами спорного правоотношения. Возможность подобных ситуаций учтена законом, например в ст. 36 ГПК, предусматривающей замену ненадлежащей стороны надлежащей. Сюда

² См.: Козлов А. Ф. Взаимоотношения суда первой инстанции и прокурора при рассмотрении гражданского дела.— Учен. труды/Свердл. юрид. ин-т, 1969, вып. 9, с. 228—230; Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970, с. 190—191; Комиссаров К. И. Возбуждение гражданских дел по требованию прокурора — мера повышения эффективности правового регулирования.— В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Свердловск, 1979, с. 91; Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1979, с. 102—106; Осокина Г. Л. О процессуальном положении прокурора, предъявившего иск.— В кн.: Новая Конституция СССР и вопросы государства и права. Томск, 1979, с. 134—135; Советский гражданский процесс/Под ред. А. А. Добровольского. М., 1979, с. 52; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. М., 1983, с. 49, 50, 65, 91.

³ См.: Курылев С. В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., 1956, с. 13—14; Банченко-Любимова К. С. Участие прокурора в суде первой и второй инстанций по гражданским делам. М., 1963, с. 10; Викиут М. А. Указ. соч., с. 44.

⁴ См.: Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951, с. 123.

⁵ См.: Козлов А. Ф. Указ. соч., с. 229—230.

же относятся случаи необоснованного обращения с иском, когда суд отказывает в удовлетворении заявленного иска ввиду отсутствия у истца права требования к данному ответчику. То, что стороной в процессе может быть лицо, не являющееся субъектом спорного правоотношения, признают сами сторонники рассматриваемой точки зрения. Например, С. В. Курылев прямо указывает, что понятие сторон в процессе может не совпадать по объему с понятием сторон в материальном правоотношении⁶.

Во-вторых, иск есть средство защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов, а истец — лицо, использующее это средство, добывающееся защиты. Советское процессуальное законодательство построено таким образом, что оно предусматривает возможность защиты не только своего, но и «чужого» права или охраняемого законом интереса. В последнем случае прокурор, а также лица, указанные в п. 3 ст. 4 ГПК РСФСР (п. 3 ст. 6 Основ гражданского судопроизводства), не являются субъектами спорных правоотношений, но они управомочены законом требовать защиты прав других лиц, используя для этого все предоставленные сторонам процессуальные средства (см. ст. ст. 30, 41, 50, 166 ГПК и др.).

Заслуживает внимания тот факт, что авторы, категорически отрицают признание прокурора стороной, тут же заявляют о том, что прокурор, предъявивший иск, имеет такие же процессуальные права, как и стороны — предполагаемые субъекты спорного правоотношения⁷. Такое признание, свидетельствуя о явном противоречии в аргументации представителей первой точки зрения, по существу сводит на нет рассуждения о недопустимости признания прокурора стороной.

Некоторые авторы, например Ю. И. Лутченко, критикуют судебную практику за то, что она пользуется термином «истец» для обозначения прокурора, предъявившего иск, что, по его мнению противоречит процессуальному законодательству (ст. 41 ГПК)⁸. Автор прав, полагая, что действующее гражданско-процессуальное законодательство не знает таких понятий, как «сторона особого рода», «процессуальный истец».

⁶ См.: Курылев С. В. Указ. соч., с. 10.

⁷ См.: Гуреев П. П. Судебное разбирательство гражданских дел. М., 1958, с. 78; Тадевосян В. С. Прокурорский надзор в СССР: Учеб. пособие. М., 1968, с. 78.

⁸ См.: Лутченко Ю. И. Указ. соч., с. 128—131.

Однако это еще ничего не доказывает, так как в законе вообще отсутствует определение процессуального положения прокурора, участвующего в гражданском процессе в той или иной форме, что как раз и служит источником разногласий по данному вопросу. Правильный ответ на поставленный вопрос может быть дан лишь на основе глубокого, содержательного анализа действующего процессуального законодательства. Закон, четко отграничивший в ст. 29 ГПК РСФСР стороны от лиц, предъявляющих иски в защиту прав других лиц, в последующих статьях ГПК использует термин «сторона» (истец) таким образом, что он может быть отнесен к прокурору и другим лицам, перечисленным в п. 3 ст. 4 ГПК. Например, прокурор при предъявлении иска обязан выполнять требования ст. 126 ГПК, предусматривающей, реквизиты искового заявления. В частности, он обязан указать в исковом заявлении обстоятельства, которые обосновывают исковые требования. Однако, чтобы добиться действительного устранения выявленного правонарушения, прокурор должен не просто указать эти обстоятельства, но и доказать суду обоснованность заявленного им требования. Отсюда следует, что закон (ч. 1 ст. 50 ГПК), предусматривающий обязанность сторон доказывать факты, обосновывающие их требования или возражения, имеет в виду и тех лиц, которые предъявляют иски в защиту «чужих» прав или охраняемых законом интересов. Таким образом, утверждение Ю. И. Лутченко о том, что судебная практика противоречит процессуальному законодательству, вряд ли можно признать состоятельным.

Как показали результаты социологического исследования, 53% должностных лиц органов прокуратуры признали свое положение в процессе поддержания иска двойственным, т. е. в качестве органа надзора, дающего заключение по существу дела в целом после судебных прений, и как стороны, выступающей в судебных прениях⁹. 46% судей указали в анкетах, что прокурор, предъявивший иск, является одновременно органом надзора за законностью рассмотрения дела и процессуальным истцом. 12,5% судей рассматривают положение прокурора, предъявившего иск, как процессуального истца¹⁰. В практике судов г. Томска встречаются дела, в кото-

⁹ См.: Осокина Г. Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980, с. 212.

¹⁰ См.: Там же, с. 214.

рых прокурор, предъявивший иск, называется процессуальным истцом¹¹. И наконец, в подтверждение того, что судебная практика знает и использует термин «истец» в отношении прокурора, предъявившего иск, можно сослаться на п. 1 постановления № 2 Пленума Верховного суда РСФСР от 19 марта 1975 г. «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при рассмотрении ст. 109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома»¹².

Итак, прокурор, предъявивший иск, занимает в процессе положение истцовой стороны. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать прокурора истцом в полном смысле этого слова? Чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть другой аргумент противников признания прокурора, предъявившего иск, стороной. Этот аргумент состоит в том, что поскольку объем процессуальных прав и обязанностей прокурора отличается от объема процессуальных прав и обязанностей сторон — предполагаемых субъектов спорного правоотношения, прокурор, предъявивший иск, не может быть признан стороной. Действительно, объем процессуальных прав и обязанностей лиц, предъявляющих иски в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, отличается от объема процессуальных прав и обязанностей лиц, защищающих свое право или интерес. Это отличие вполне объяснимо. «Не являясь стороной спорного гражданского правоотношения,— пишет М. А. Вилкут,— прокурор и другие организации и лица, возбуждающие процесс по защите «чужого» права, не могут совершать такие процессуальные действия, которые направлены на распоряжение спорным правом, являющимся объектом судебной защиты»¹³. Из приведенного высказывания вовсе не следует, как полагает М. А. Вилкут, что прокурор не может быть стороной в процессе. Оно свидетельствует о том, что, поскольку прокурор не является субъектом спорного правоотношения, он не может распоряжаться не принадлежащим ему материальным правом, а стало быть, нет необходимости наделять его такими процессуальными правомочиями, которые направлены на распоряжение этим правом.

¹¹ См.: Дело № 2-1071 — Архив Томского райнарсуда г. Томска за 1976 г.; Дела № 2-198, 2-366, 2-2051.— Архив Советского райнарсуда г. Томска за 1978 г.; дело № 2-1379.— Архив Ленинского райнарсуда г. Томска за 1979 г.

¹² См.: Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1975, № 6, с. 6.

¹³ См.: Вилкут М. А. Указ. соч., с. 44.

Ряд авторов указывают на некоторые другие права и обязанности, которые есть у сторон — предполагаемых субъектов материального правоотношения, но отсутствуют у прокурора, и наоборот. В частности, обращается внимание на то, что стороны имеют право отвода прокурора, а прокурор права на отвод сторон не имеет, что, по мнению С. В. Курьлева, служит наглядным подтверждением положения, согласно которому прокурора нельзя считать «равным» обычной стороне¹⁴. Действительно, закон не предусматривает право прокурора заявлять отводы сторонам, да в этом и нет никакой необходимости. Более того, такой отвод означал бы незаконный отказ в правосудии. Что же касается права сторон на отвод прокурора, то в реализации такого права есть свои особенности. По смыслу ст. 17 ГПК прокурор как лицо, участвующее в деле, отводу не подлежит (лица, участвующие в деле, отводу не подлежат). Однако прокурор, предъявивший иск, не только ищет, добивается защиты нарушенного права, но одновременно с этим выполняет функцию надзора за соблюдением законности при рассмотрении дела. Поэтому можно ставить вопрос об отводе данного конкретного должностного лица, а не вообще об отводе прокурора, предъявившего иск.

В доказательство недопустимости отождествления даже в процессуальном отношении лиц, предъявляющих иски в защиту своих прав, с лицами, требующими защиты «чужого» права или интереса, М. А. Викут ссылается на ст. 140 ГПК, полагая, что она неприменима к прокурору и другим лицам, указанными в п. 3 ст. 4 ГПК¹⁵. Ст. 140 ГПК применима в отношении всех лиц, предъявляющих иски (ст. 4 ГПК), что подтверждается нормой ч. 1 ст. 94 ГПК в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 августа 1980 г.¹⁶

Анализ законодательства, регулирующего процессуальную деятельность лиц, перечисленных в пп. 2, 3 ст. 4 ГПК, дает основание считать, что прокурор и другие лица, предъявляющие иски в защиту «чужих» прав и интересов, наделены такими же процессуальными правами и обязанностями, как истец, за исключением прав и обязанностей, отсутствие которых обусловлено тем, что вышеозначенные лица не являются

¹⁴ См.: Курьлев С. В. Указ. соч., с. 14; Гуреев П. П. Указ. соч., с. 78; Лутченко Ю. И. Указ. соч., с. 129.

¹⁵ См.: Викут М. А. Указ. соч., с. 45.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1980, № 32, ст. 987.

субъектами спорного материального правоотношения¹⁷. Поэтому их по праву можно называть истцами, но истцами в процессуальном смысле в отличие от истцов в материально-правовом смысле, добивающихся защиты своего права или интереса. В связи с этим представляется неудачным термин, предлагаемый М. А. Видутом, для обозначения лиц, предъявляющих иски в защиту «чужого» права¹⁸. Термин «заявитель иска» дает неверный ориентир при определении правового положения прокурора, предъявившего иск, а также лиц, указанных в п. 3 ст. 4 ГПК, ограничивая их деятельность только предъявлением иска. Более удачным следует признать термин «процессуальный истец»¹⁹, который наиболее полно и верно отражает правовое положение лиц, предъявляющих иски в защиту прав и интересов других лиц. Нет в таком случае и соучастия, как утверждает М. А. Видутом²⁰, потому что по смыслу ст. 35 ГПК соучастниками могут быть только истцы в материально-правовом смысле. Это объясняется тем, что в качестве своего основания соучастие предполагает наличие у соистцов либо общего права требования при обязательном соучастии, либо однородного права требования при факультативном соучастии. Поскольку процессуальные истцы не обладают правом требования в материально-правовом смысле, нет оснований считать их соучастниками в смысле ст. 35 ГПК.

Ничего не дает ссылка авторов на ч. 2 ст. 33 ГПК, в которой говорится о том, что лицо, в чьих интересах возбуждено дело, участвует в процессе в качестве истца²¹. Сам закон не всегда придерживается указанной терминологии. Достаточно сослаться на ч. 3 ст. 41 ГПК, где говорится не об

¹⁷ См.: Козлов А. Ф. Указ. соч., с. 219, 227; Шакарян М. С. Указ. соч., с. 190; Неваи Ласло. Роль прокурора в гражданском процессе ВНР.— В кн.: Вопросы теории и практики прокурорского надзора. М., 1975, ч. 2, с. 125.

¹⁸ См.: Видутом М. А. Указ. соч., с. 46.

¹⁹ Некоторые авторы подвергают сомнению правильность указанного термина. См.: Козлов А. Ф. Понятие стороны в советском гражданском процессе (в теории и ГПК РСФСР).— В кн.: Проблемы совершенствования гражданского процессуального кодекса РСФСР. Свердловск, 1975, вып. 40, с. 28; Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права, с. 49—50.

²⁰ См.: Гражданский процесс/Под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972, с. 92.

²¹ См.: Курылев С. В. Указ. соч., с. 15; Видутом М. А. Стороны—основные лица..., с. 44.

истце, а о лице, в защиту интересов которого прокурором предъявлен иск. Норма ч. 2 ст. 33 ГПК не колеблет вывода о признании прокурора и других лиц, предъявляющих иски в защиту «чужих» прав и охраняемых законом интересов, процессуальными истцами, потому что она лишь уточняет правовое положение тех, в чьих интересах предъявлен иск. Это необходимо для того, чтобы показать, что все материально-правовые последствия предъявления иска лежат на том, чье право или охраняемый законом интерес защищается.

Некоторые авторы считают, что объем и характер процессуальных прав и обязанностей прокурора не зависят от формы его участия в процессе²², т. е. прокурор имеет одинаковые права и обязанности как в случае предъявления им иска, так и в случае вступления его в уже начатый по инициативе других лиц процесс. Поэтому, по мнению указанных авторов, прокурор в гражданском процессе всегда официальный представитель государства и только. Конечно, прокурор всегда, в том числе и когда предъявляет иск, остается представителем государства, как, впрочем, и лицо, защищающее свое право или интерес, остается гражданином или организацией. Однако это не мешает прокурору занимать в процессе строго определенное процессуальное положение, используя которое, прокурор выполняет задачи, поставленные перед ним как перед органом надзора за законностью.

Если правовое положение прокурора всегда одинаково, если объем прав и обязанностей прокурора не зависит от форм его участия в процессе, какой смысл выделять и разграничивать две формы участия прокурора, предусмотренные ст. 41 ГПК? Существование в гражданском судопроизводстве двух форм участия прокурора обусловлено наличием неоднозначных целей и соответственно неоднозначных способов и средств их достижения. Чтобы выявить правонарушение, нужны свои особые средства и методы действия, отличные от средств, с помощью которых устраняются (пресекаются) выявленные правонарушения. Анализ действующего законодательства (ст. 4 Закона о прокуратуре СССР, ст. ст. 12, 41 ГПК) показывает, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве путем возбуждения дела отличается от участия его в судебном разбирательстве путем вступления в на-

²² См.: Курьлев С. В. Указ. соч., с. 14; Гуреев П. П. Указ. соч., с. 79; Тадевосян В. С. Указ. соч., с. 78; Вилкут М. А. Указ. соч., с. 45; Кац С. Ю. Указ. соч., с. 100; Муравьева А. С. Указ. соч., с. 163.

чатый по инициативе других лиц процесс. Прокурор, вступивший в процесс, начатый по инициативе других лиц, осуществляет функцию надзора за законностью рассмотрения дела. Дача заключения по существу дела в целом перед удалением суда в совещательную комнату является основным и главным средством осуществления указанной функции. Несколько иная задача стоит перед прокурором, предъявившим и поддерживающим иск в процессе судебного разбирательства. Предъявление и поддержание иска является процессуальной формой борьбы с гражданскими правонарушениями. Прокурор, предъявивший иск, параллельно с функцией надзора за законностью рассмотрения дела осуществляет функцию поддержания иска, т.е. добивается пересечения и устранения выявленного до и вне процесса гражданского правонарушения; привлечения виновных к ответственности; защиты прав и законных интересов граждан и социалистических организаций (ст. 4 Закона о прокуратуре СССР). Основными средствами осуществления функции иска являются дача объяснений (ст. 166 ГПК), доказывание фактов основания иска (ст. 50 ГПК), выступление в прениях (ст. 185 ГПК). Именно как сторона в процессе прокурор, предъявивший иск, наделяется соответствующим комплексом прав и обязанностей, которых нет у прокурора, вступившего в процесс, начатый по инициативе других лиц.

Рассматривая иск как акт реагирования на обнаруженное правонарушение, нетрудно представить, что прокурор, предъявивший иск, приходит в процесс со сложившимся убеждением в совершенном правонарушении, виновности лица, его совершившего. Однако этой убежденности недостаточно для того, чтобы наступили последствия, предусмотренные санкцией соответствующей нормы материального закона. Предъявив иск, прокурор приходит в процесс с целью его поддержания, добиваясь признания судом отстаиваемых прокурором положений. В этом состоит отличие прокурора, предъявившего иск, как субъекта доказывания от прокурора, вступившего в уже начатый процесс, как субъекта познания. Поведение прокурора, предъявившего иск, носит наступательный, активный характер, в чем проявляется его сходство с лицом, предъявляющим иск в защиту своего права или интереса. Это обстоятельство обуславливает необходимость надления прокурора как субъекта доказывания такими же процессуальными правами, которые имеют предполагаемые субъекты спорного правоотношения (ст. ст. 30, 41, 50, 185,

186 ГПК) и которых нет у прокурора, вступившего в процесс, начатый по инициативе других лиц. Доказательственная деятельность прокурора, предъявившего иск, не ограничивается представлением доказательств. Она включает в себя также дачу устных и письменных объяснений суду (см. ст. ст. 166, 175, 178 ГПК); участие в исследовании всех представляемых суду доказательств, в связи с чем ему предоставлено право задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам, а также обязанность отвечать на вопросы, задаваемые лицами, участвующими в деле (ст. ст. 166, 170, 173 ГПК); заявлять ходатайства и возражать против них (ст. ст. 30, 41, 156 ГПК); представлять свои доводы и соображения по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам (ст. ст. 30, 41 184 ГПК).

Содержащееся в ст. 50 ГПК правило о распределении обязанности доказывания распространяется и на прокурора, предъявившего иск, который не только вправе, но и обязан доказать обоснованность предъявленного требования.

Данные социологического исследования, материалы изучения практики поддержания прокурорами исков свидетельствуют о том, что должностные лица органов прокуратуры недостаточно активны в использовании правовых средств, обеспечивающих достижение целей прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве. Так, на вопрос, активен ли прокурор в процессе поддержания им иска, 11% судей Алтайского, Красноярского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей категорично ответили «нет». 54% судей затруднились дать однозначный ответ. Отвечая на поставленный выше вопрос, судьи указали на недостаточную подготовленность прокурора к ведению процесса, пассивность, стремление должностных лиц органов прокуратуры переложить на суд всю работу по доказыванию обоснованности предъявленного иска. Чаще всего деятельность прокурора в гражданском судебном процессе независимо от форм его участия сводится к даче заключения по существу дела в целом, что не может должным образом обеспечить достижение тех целей, которые стоят перед прокурором, предъявившим иск.

Позиция авторов, категорически отрицающих возможность признания прокурора процессуальным истцом, «сторонней особой рода», дезориентирует практических работников прокуратуры и суда, теоретически оправдывает пассивное, безынициативное поведение в процессе прокурора, предъ-

явившего иск. Подобная позиция не соответствует требованиям партии о необходимости усиления прокурорского надзора и повышения его эффективности, ибо «не формальная регистрация выявленных нарушений, а активная, острая и принципиальная борьба за законность с использованием всех средств, предоставленных прокурору — в этом суть требований, предъявляемых к прокурорскому надзору Законом о прокуратуре СССР»²³.

Таким образом, предъявление и поддержание прокурором иска обуславливают специфическое процессуальное положение прокурора, который, оставаясь органом надзора за законностью, приобретает вместе с тем черты и свойства процессуального истца. В интересах единообразного и более эффективного применения процессуальных норм, регулирующих деятельность прокурора, предъявившего иск, необходимо предусмотреть в ГПК РСФСР правило, согласно которому прокурор, предъявивший иск, будет являться процессуальным истцом. Аналогичное положение должно быть предусмотрено и в отношении лиц, указанных в п. 3 ст. 4, ч. 1 ст. 42 ГПК РСФСР.

²³ См.: Рекунков А. Принципы организации и деятельности прокуратуры.— Соц. законность, 1980, № 7, с. 8.

О ПРОЦЕДУРНЫХ НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Т. Ю. БАРИШПОЛЬСКАЯ

Гражданское право — одна из профилирующих отраслей в структуре советского права. Ее содержание составляют материально-правовые нормы. Реализация этих норм обеспечивает удовлетворение в основном имущественных, а также личных неимущественных интересов участников правоотношений. Очевидно, этим обстоятельством объясняется «материальность» норм гражданского права. «Материальное право, — пишет К. И. Комиссаров, — регулирует порядок и возможность овладения материальными и духовными благами»¹. Качество «материальности» гражданско-правовых норм обнаруживается и при сопоставлении гражданского права с гражданским процессуальным правом. «Понятие «материальное право» в отрыве от понятия «процессуальное право» утрачивает всякий смысл»².

Гражданское право — это система материально-правовых норм. Но это не исключает возможности классификации гражданско-правовых норм, так как они отнюдь не однородны. В зависимости от осуществляемых функций нормы гражданского права подразделяются на регулятивные и охранительные, а регулятивные, в свою очередь, — на обязывающие, управомочивающие и запрещающие.

«Материальными регулятивными нормами следует считать те правовые нормы, которые, будучи «рабочей частью» правового механизма, непосредственно регулируют многооб-

¹ Комиссаров К. И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права. — В кн.: Сборник ученых трудов. Свердловск, 1973, вып. 27, с. 79.

² Иванов О. В. О связи материального и гражданско-процессуального права. — Правоведение, 1973, № 1, с. 47.

разную «ткань» общественных отношений»³. Охранительные нормы гражданского права предусматривают правовые последствия, наступающие для субъекта, нарушившего предписание регулятивных норм, и таким образом «охраняют» регулятивные нормы. По мнению С. С. Алексеева, «охранительные предписания направлены на регламентацию мер юридической ответственности, а также специфических государственно-принудительных мер защиты субъективных прав (обобщенно — санкций)»⁴. Гражданско-правовые регулятивные и охранительные предписания являются нормативной основой возникновения гражданских регулятивных и охранительных правоотношений.

В широком смысле все нормы гражданского права можно назвать регулятивными, так как все они регулируют общественные отношения. При выделении в гражданском праве собственно регулятивных норм, на наш взгляд, подчеркивается то, что эти нормы непосредственно регулируют имущественные и личные неимущественные отношения, т. е. их реализация служит удовлетворению имущественных и личных неимущественных интересов субъектов, а также и то, что регулятивные нормы выступают как основные по отношению к другим (охранительным) нормам гражданского права.

При более глубоком анализе норм гражданского права, традиционно считающихся регулятивными, обнаруживается их неодинаковая роль в регулировании общественных отношений. В частности, они различаются в зависимости от того, обеспечивает ли их реализация непосредственное удовлетворение разнообразных имущественных и иных потребностей субъектов (получение имущества, денег, оказание услуг) или же эти нормы лишь упорядочивают, организуют реализацию первых. Примерами регулятивных норм, направленных на непосредственное удовлетворение интересов участников имущественного правоотношения, могут служить предписания, определяющие обязанности хранителя в обязательстве, возникающем из договора хранения имущества (ст. 425 ГК). Примером же упорядочивающей нормы является правило ч. IV ст. 550 ГК, направленное на реализацию нормы ч. I ст. 550 ГК о праве наследника по закону или по завещанию отказаться от наследства. Нормы, регла-

³ Протасов В. Н., Щеглов В. Н. Юридический процесс и процедура.— Тр. ВЮЗИ. М., 1980, с. 113—114.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 2, с. 67.

ментирующие порядок заключения гражданско-правовых договоров, содержатся в ст. ст. 160, 162—164 ГК, в Положении о поставках продукции производственно-технического назначения, в Положении о поставках товаров народного потребления и других нормативных актах. Эти нормы упорядочивают возникновение гражданских регулятивных правоотношений (обязательств).

Нормы, непосредственно нацеленные на достижение каких-либо материальных или духовных благ, удовлетворяющих разнообразные потребности граждан и организаций, составляют основу всей совокупности гражданско-правовых предписаний. Думается, что в силу этого именно они будут являться регулятивными нормами гражданского права. Нормы же, которые упорядочивают реализацию первых, косвенно связаны с возможностью удовлетворения имущественных и иных интересов субъектов гражданских правоотношений. Эти нормы могут быть названы нормами гражданской материальной процедуры.

Таким образом, гражданско-правовые нормы, упорядочивающие процесс реализации регулятивных норм, обеспечивающих удовлетворение разнообразных имущественных и личных неимущественных интересов участников гражданских правоотношений, являются процедурными нормами гражданского права или нормами гражданской материальной процедуры. Они регулируют отношения, упорядочивающие возникновение и реализацию гражданских регулятивных правоотношений.

Представляется, что в гражданском праве могут быть выделены три группы норм: регулятивные, материально-правовой процедуры, охранительные. Взаимодействие этих трех разновидностей предписаний можно показать на следующем примере. Часть I ст. 120 ГК содержит регулятивную норму о праве преимущественной покупки доли в общей собственности нескольких граждан. Реализация этой нормы непосредственно обеспечивает удовлетворение имущественных интересов участников общей долевой собственности. Правила же ч. III ст. 120 ГК являются процедурными нормами по отношению к регулятивной норме ч. I ст. 120 ГК, так как упорядочивают ее реализацию. Часть IV ст. 120 ГК содержит правило охранительного характера, предусматривающее юридические последствия, наступающие для участника общей долевой собственности, нарушившего процедурные предписания ч. III ст. 120 ГК.

Конечно, все нормы гражданского права в итоге нацелены на достижение каких-либо материальных или духовных благ, удовлетворяющих разнообразные потребности субъектов правоотношений, но существование общей цели не исключает наличия непосредственной (ближайшей) цели процедурных норм — упорядоченности возникновения и реализации гражданских регулятивных правоотношений. Соответственно процедурные правоотношения имеют своим объектом (целью) упорядоченность возникновения и реализации регулятивных правоотношений, которые выступают как упорядочиваемые относительно первых. Поэтому гражданско-правовые процедурные нормы играют служебную, вспомогательную роль по отношению к регулятивным нормам гражданского права.

С учетом вышесказанного представляется, что разработка вопроса о юридической природе норм, закрепляющих порядок осуществления принадлежащих субъектам регулятивных прав, имеет большое значение для организации процесса реализации прав и обязанностей.

Существование в рамках различных отраслей права процедурных (у ряда авторов — организационных)⁵ норм и возникающих на их основе правоотношений в литературе замечено давно. «В каждой отрасли права, особенно в праве гражданском, трудовом, колхозном, имеется немало организационных норм, которые регулируют соответствующие организационные отношения»⁶. О. А. Красавчиковым даже предпринята попытка классифицировать гражданские организационно-правовые отношения. Отмечено также, что необходимость разработки проблемы организационных норм, организационных отношений давно назрела. Вначале эта проблема была поставлена применительно к отраслям материального права. Но процессуальное право, по мнению некоторых авторов, не исключение в этом плане. Организационные нормы выявлены и там⁷.

Термины «процедурные нормы», «правовая процедура» довольно часто стали употребляться в нашей юридической литературе, и правомерность их употребления не вызывает

⁵ См.: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения.— Сов. государство и право, 1966, № 10, с. 50—57.

⁶ Там же, с. 53.

⁷ См.: Елисейкин П. Ф. Структура гражданских процессуальных норм.— В кн.: Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1977, с. 60.

сомнений⁸. Правда, нередко они используются неоднозначно, в них вкладывается различный смысл, но стремление к упорядочению терминологии должно привести к единообразному решению данного вопроса.

Процедурные нормы гражданского права являются относительно самостоятельным элементом механизма правового регулирования имущественных отношений. Роль любых правовых норм как регуляторов общественных отношений сводится к тому, что с их помощью достигается упорядоченность, организованность общественных отношений, все они вводятся в единые рамки. Из жизни общества исключаются в необходимых случаях произвол, бесконтрольность. Особенность процедурных норм заключается в том, что, регламентируя одни отношения, они упорядочивают возникновение и реализацию других (регулятивных) правоотношений.

«Признаком общим для всякой правовой процедуры является сам принцип реализации каких-либо правовых норм и правоотношений посредством реализации иных правовых норм и правоотношений»⁹. Эту принципиальную характеристику процедурных норм и правоотношений можно проиллюстрировать несколькими примерами. Так, нормами ГК и законодательства о нотариате предусмотрена процедура принятия наследства. Эти процедурные нормы упорядочивают реализацию наследственного правоотношения, и в том числе правомочия на принятие наследства. Оно может быть реализовано только посредством реализации норм, регламентирующих порядок принятия наследства. Право завещать имущество на случай своей смерти гражданин может реализовать только посредством процедуры удостоверения завещания. Обязательство по поставке продукции и товаров может быть осуществлено только при условии соблюдения Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству. Эти нормы упорядочивают реализацию обязательственного правоотношения. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

⁸ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981, т. 1, с. 35—36.

⁹ Протасов В. Н. К вопросу о процессуальном в системе правового регулирования общественных отношений.— В кн.: Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе. Томск, 1977, с. 185.

Гражданско-правовые процедурные нормы неразрывно связаны с соответствующими гражданскими регулятивными нормами. Без процедуры в ряде случаев невозможна реализация регулятивных норм. Поцедурные нормы как бы обслуживают соответствующие гражданские регулятивные нормы. Нормы материальной процедуры представляют собой организационно-правовое средство, используемое в целях упорядочения возникновения и реализации имущественных и личных неимущественных прав. Процедурные нормы устанавливают оптимальный вариант реализации организруемых правоотношений. Они «закреплены» за определенными регулятивными нормами и не могут быть от них обособлены¹⁰. В литературе, посвященной анализу роли процедурных норм в регулировании общественных отношений, правильно отмечается, что нормы и отношения материальной процедуры подлежат только мысленному вычленению с целью их познания и совершенствования, а организационно они должны быть максимально приближены к тем нормам и отношениям, которые они реализуют¹¹.

Характер предписаний процедурно-правовых норм как общеправовой критерий позволяет выделить в их числе нормы обязывающие, управомочивающие и запрещающие¹². В тех случаях, когда процесс реализации прав и обязанностей содержит угрозу нарушения прав других лиц, целесообразнее иметь процедуру обязывающую. Такова, например, процедура, установленная ч. III ст. 120 ГК. Если же необходимо регламентировать порядок деятельности управомоченного субъекта, то для этого целесообразно использовать процедурные нормы управомочивающего характера, например нормы претензионной процедуры.

Как отмечалось выше, нормы гражданской материальной процедуры направлены на возникновение и реализацию регулятивного правоотношения, которое выступает в качестве основного для процедуры. Этим процедурные нормы гражданского права существенно отличаются от норм гражданского процессуального права, регулирующих отношения, направленные на выявление и реализацию гражданского охранительного правоотношения. Охранительное правоот-

¹⁰ См.: Протасов В. Н., Щеглов В. Н. Указ. соч., с. 112.

¹¹ См.: Протасов В. Н. Указ. соч., с. 183.

¹² См.: Аракчеев В. С. Процедурно-правовые нормы: понятие и значение в регулировании трудовых отношений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1981, с. 13.

ношение выступает в качестве основного для процесса. Процедурные и процессуальные нормы также имеют различную целенаправленность. Процедурные нацелены на упорядочение возникновения и реализации гражданских регулятивных правоотношений, а процессуальные — на защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав.

Между тем в литературе встречается неоправданное отождествление процедурных норм гражданского права и гражданских процессуальных норм. Первые в этом случае называются «процессуальными». Так, по мнению П. М. Рабиновича, нормы, устанавливающие порядок заключения договора или процедуру составления завещания, являются процессуальными правилами. Он пишет даже, что некоторые комплексы гражданско-правовых норм, которые обычно считают материальными (например, Положение о поставках товаров народного потребления, Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству), следует рассматривать как процессуальные¹³. Представляется, что эти и подобные им нормы являются процедурными, так как упорядочивают возникновение и реализацию гражданских регулятивных правоотношений. Признание названных норм процессуальными может привести к размыванию границ между материальным и процессуальным.

Процедурные нормы как относительно самостоятельные элементы системы правового регулирования общественных отношений отражают общие закономерности развития советского права. Одна из этих закономерностей — специализация права. Суть ее состоит в том, что в праве происходит и притом имеет тенденцию к усилению то, что условно может быть названо разделением труда между нормами, в результате которого те или иные нормы и их комплексы все более сосредоточиваются на выполнении определенных операций¹⁴. Гражданские процедурные нормы призваны упорядочивать, организовывать возникновение и реализацию гражданских регулятивных правоотношений. А поскольку «ткань» общественных отношений становится все более сложной, особенно в области хозяйства, возникает необходимость в дальнейшей дифференциации гражданско-правовых норм и совершенст-

¹³ См.: Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975, с. 244, 247.

¹⁴ См.: Алексеев С. С. Указ. соч., т. 2, с. 37.

вовании как норм регулятивных, так и обеспечивающих их эффективное осуществление процедурных норм.

Гражданские процедурные нормы представляют собой гарантии осуществления гражданских прав. В любой области отношений, регулируемых гражданским правом, где имеется необходимость в совершенствовании порядка возникновения и реализации гражданских прав, должна быть предусмотрена соответствующая материально-правовая процедура. Отсутствие в ряде случаев нормативных указаний о порядке деятельности субъектов вынуждает практику использовать процедуру, сложившуюся на основе опыта, имеющихся традиций. В соответствии с присущим гражданскому праву принципом диспозитивности субъекты имущественных правоотношений могут определять для себя процедуру реализации субъективных прав и обязанностей. Например, порядок передачи материальных ресурсов между сторонами договора подряда на капитальное строительство определяется в этом договоре.

Реализация же процедурных норм гражданского права гарантируется соответствующими охранительными нормами, предусматривающими юридические последствия несоблюдения процедуры. В частности, охранительные нормы, обеспечивающие реализацию процедурных, устанавливают, что действия субъектов, совершенные в «обход» процедуры, признаются юридически ничтожными. Это положение подтверждают следующие примеры.

Жилищным законодательством установлена процедура выдачи ордера о предоставлении гражданину жилого помещения. Выдача ордера создает для гражданина правомочие на вселение и на заключение договора жилищного найма, а для домоуправления — соответствующую обязанность. Ордер на занятие жилого помещения, выданный исполкомом местного Совета народных депутатов с нарушением установленного законом порядка, может быть признан судом недействительным, т. е. не порождающим правовых последствий. Суд в данном случае осуществляет контроль за правомерностью процедуры.

Разнообразные процедуры предусмотрены в специальном законодательстве о внешней торговле. В частности, правила о форме и порядке подписания внешнеторговых сделок предусмотрены в постановлении Совета Министров от 14 февраля

1978 г. «О порядке подписания внешнеторговых сделок»¹⁵. Реализация этих процедурных норм обеспечена нормой ч. 4 ст. 14 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, устанавливающей, что «несоблюдение формы внешнеторговых сделок и порядка их подписания влечет за собой недействительность сделки».

Таким образом, в обоих случаях нарушение процедуры влечет за собой признание юридической ничтожности результатов действий субъектов, совершенных в порядке реализации процедурного правоотношения, т. е. в первом случае ордер не порождает прав гражданина по отношению к домоуправлению, а во втором — заключенная сделка не влечет возникновения обязательства.

В соответствии с требованиями норм гражданского права некоторые сделки должны быть удостоверены в нотариальном порядке. В этих случаях процедура нотариального удостоверения сделок направлена на возникновение гражданского регулятивного правоотношения. Несоблюдение же этой процедуры ведет к признанию юридической ничтожности всех предшествующих действий субъектов сделки, т. е. соглашение сторон не порождает правовых последствий (ч. 1 ст. 47 ГК).

Являясь составной частью гражданского права, процедурно-правовые нормы, наряду с другими его правовыми предписаниями, составляют основу законности, выступают в качестве одной из ее предпосылок. Поэтому не только полная неурегулированность порядка деятельности субъектов, но и недостаточная четкость нормативных установлений в этой области приводят к разнобою в правоприменительной практике, к нереализованности прав и обязанностей. В этом смысле нуждается в совершенствовании порядок предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями¹⁶. В соответствии с ч. IV ст. 6 ГК «до предъявления иска, вытекающего из отношений между организациями, обязательно предъявление претензии». Это правило способствует восстановлению нарушенного права без искового разбирательства спора. Доарбитражное урегулирование споров (претензионная процедура) включает в себя соверше-

¹⁵ Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 г. «О порядке подписания внешнеторговых сделок». — СП СССР, 1978, № 6, ст. 35.

¹⁶ См.: Либерман Ф. Х. Доарбитражный порядок урегулирования хозяйственных споров нуждается в совершенствовании. — Сов. государство и право, 1983, № 1, с. 96—100.

ние сторонами определенных действий по непосредственному разрешению возникшего спора, например направление должнику в письменной форме претензии о восстановлении нарушенного права, рассмотрение претензии и удовлетворение законных требований кредитора, уведомление о результатах рассмотрения претензии, уплату признанных по претензии сумм и т. д. Все эти и другие действия, составляющие содержание претензионной процедуры, предусмотрены Положением о порядке предъявления и рассмотрения претензий¹⁷. Невершенство же правового регулирования в данной области выражается в первую очередь в том, что названным Положением установлен общий доарбитражный порядок разрешения споров. Другими актами, в частности транспортными уставами и кодексами, установлен иной порядок, называемый в юридической литературе и на практике специальным претензионным порядком. Причем нормы, регламентирующие специальный претензионный порядок, часто не согласуются с общими нормами, регулирующими претензионную процедуру. Разумеется, это вызывает трудности в практике доарбитражного урегулирования хозяйственных споров, усложняющие и без того нелегкую проблему упорядочения отношений в области хозяйства. Поэтому в литературе содержатся предложения об устранении множественности актов и норм, предусматривающих претензионный порядок урегулирования споров¹⁸.

¹⁷ См.: Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулировании разногласий по хозяйственным договорам, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 17 октября 1973 г. № 758.—СП СССР, 1973, № 23, ст. 128.

¹⁸ См.: Либерман Ф. Х. Указ. соч., с. 96.

ЦЕЛЬ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

А. В. ЦИХОЦКИЙ

Из содержания ст. 141 ГПК¹ вытекает, что совершение судом разнообразных процессуальных действий, направленных на подготовку дела к судебному разбирательству², является его обязанностью. В юридической литературе единодушно поддерживается точка зрения о подготовке дела как обязательной и самостоятельной стадии гражданского процесса³.

Являясь важным звеном механизма правосудия по гражданским делам, стадия подготовки дела имеет свою самостоятельную цель: обеспечить своевременное и правильное разрешение дела (ч. 1 ст. 141 ГПК). Она призвана создать условия для непосредственного осуществления задач гражданского судопроизводства. Сопоставляя цель подготовки дела с задачами судопроизводства (ст. 2 ГПК), нетрудно установить, что законодатель делает особый акцент на обеспечении своевременного разрешения дела, поставив своевременность разрешения дела на первое место в тексте статьи по сравнению с правильностью его разрешения. При этом быстрое рассмотрение и разрешение дела, как одна из задач гражданского судопроизводства, трансформируется в «своевременное разрешение», что вынуждает нас определить действительное содержание этого понятия.

Интересно отметить, что гражданское процессуальное законодательство не указывает срок разрешения дела,

¹ Здесь и далее ссылка на ГПК РСФСР.

² Далее кратко — подготовка дела.

³ См.: Юдельсон К. С. Предварительная подготовка дела в советском гражданском процессе. М., 1948, с. 3; Логинов П. В. Предварительная подготовка гражданских дел. М., 1960, с. 16; Курс советского гражданского процессуального права: В 2-х т., М., 1981, т. 2, с. 74—75.

а в ст. 99 ГПК закрепляет только сроки рассмотрения дела. Таким образом, сопоставляя редакцию статей 2, 99 и ч. 1 ст. 141 ГПК, можно утверждать, что в законодательстве проведено четкое разграничение между понятиями «рассмотрение дела» и «разрешение дела». Однако приведенное различие понятий не всегда учитывается авторами, отстаивающими мнение о существовании процессуальных сроков, установленных законом, для разрешения гражданских дел по существу⁴.

Разрешение гражданского дела венчает процесс его рассмотрения и сводится к вынесению судебного постановления-решения, если дело разрешается по существу (ст. 191 ГПК).

Любое гражданское дело должно быть разрешено в одном судебном заседании — непреложное требование процессуального закона, вытекающее из положений глав 15 и 16 ГПК. Что касается сроков проведения судебного заседания по рассмотрению конкретного гражданского дела, то они определяются по правилам ст. 99 ГПК. Следовательно, если судебное заседание начнется в течение указанных сроков и будет длиться несколько дней, то нельзя говорить о нарушении сроков рассмотрения дела также и в том случае, когда решение по делу будет поставлено судом и за их пределами, так как рассматриваемая статья процессуального закона определяет правило, в соответствии с которым гражданские дела «должны рассматриваться», но не «должны быть рассмотрены» в определенные сроки. Законодатель не мог предвидеть конкретный день окончания судебного рассмотрения дела, это ему не подвластно. Только путем логического суждения можно прийти к утверждению, что закон определяет признаки этого дня: когда суд будет располагать всем необходимым для вынесения законного и обоснованного судебного постановления.

Кроме того, рассматривая вопрос о своевременном разрешении гражданского дела, не следует упускать из вида, что, если в судебном заседании суд по каким-либо причинам не сможет рассмотреть и разрешить дело, он вынужден разбирательство дела откладывать (ст. 161 ГПК).

Отложение разбирательства дела, а также несоблюдение сроков его рассмотрения является несвоевременным разреше-

⁴ Аналогичный вывод см.: Ковин А. Ф. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971, с. 19.

нием дела по существу и должно расцениваться как следствие ненадлежащей подготовки дела к судебному разбирательству.

Но это лишь одна сторона вопроса о цели стадии подготовки дела. Ведь дело не только в том, чтобы подготовительная деятельность суда создала условия для своевременного разрешения дела, стадия должна обеспечить и правильное его разрешение. Такое нормативное выражение цели подготовки дела способно создать представление о ее двойственности. Однако подобное понимание цели стадии было бы неверным, оно не соответствовало бы функциональному назначению данного этапа процесса. Трудно представить, что цель стадии подготовки дела будет достигнута только при создании условий для своевременного разрешения дела, что правильность разрешения будет поставлена в ущерб своевременности его разрешения. На наш взгляд, о реализации цели подготовки дела можно говорить лишь в том случае, когда будет обеспечено единство своевременности и правильности разрешения дела. Расчленять ее на элементы допустимо условно, руководствуясь стремлением проникновения в глубину сути явления.

Исследование процессуальных особенностей стадии подготовки дела всегда ставит вопрос о пределах ее действия во времени. На этот счет в гражданском процессуальном законодательстве закреплено принципиальное положение о начале стадии: подготовка дела к судебному разбирательству производится после принятия заявления (ч. 1 ст. 141 ГПК).

Первым процессуальным действием суда в ходе подготовки дела является вынесение определения в порядке ст. 142 ГПК. Важность этого процессуального документа определяется, по нашему мнению, двумя обстоятельствами. Во-первых, в нем должны быть отражены все процессуальные действия, которые необходимо совершить в ходе подготовки дела. Определяя перечень подготовительных действий, определение о подготовке дела к разбирательству становится рабочим планом судьи по конкретному делу. В этом проявляется планирующая функция данного определения, позволяющая внести в подготовительную деятельность суда элементы научной организации труда. Во-вторых, определение служит одновременно и контрольной функцией, так как его содержание позволяет кассационной и надзорной инстанциям установить, насколько полно и целеустремленно суд первой инстанции ис-

пользовал стадию подготовки дела для осуществления задач правосудия.

На практике могут возникнуть вопросы о целесообразности изложения подробного перечня подготовительных действий в определении. Постановка подобных вопросов будет обоснована тем, что такой перечень приведен в ст. 141 ГПК. Действительно, названная статья закона устанавливает круг подготовительных действий. Однако при этом не учитывается особенность рассмотрения и разрешения различных категорий гражданских дел. Она выступает идеальной, абстрактной моделью стадии подготовки дела вообще. Ее конкретизация должна быть выражена в правоприменительном акте судьи. Этот вывод может быть подтвержден, например, и тем, что по гражданским делам с участием социалистических организаций ряд положений ст. 141 ГПК суду вообще не придется применять.

Вторым существенным моментом в обосновании необходимости указания конкретного перечня действий судьи в определении о подготовке дела служит то, что судья может предусмотреть и какие-то дополнительные действия, которые не определены в ст. 141 ГПК. Например, в практике встречаются случаи, когда судья по своей инициативе принимает меры по обеспечению иска социалистической организации на стадии подготовки дела, указывая это действие в определении о подготовке дела, хотя в дальнейшем и выносит отдельное определение об обеспечении иска.

Разрешая вопрос о правомерности дополнительных подготовительных действий, не предусмотренных в названной статье, необходимо отметить, что буквальное толкование текста статьи закона не позволяет прийти к утвердительному ответу. Но такое понимание ее сущности входило бы в противоречие с целью стадии. Полагаем, что в ст. 141 ГПК закреплен обязательный минимум процессуальных действий, выполнение которых способно обеспечить достижение цели стадии подготовки дела, он не является ограничителем инициативы суда в совершении дополнительных подготовительных действий. В этой связи мы считаем, что ст. 141 ГПК целесообразно дополнить п. 13 следующего содержания: «совершает и другие процессуальные действия, необходимые для надлежащей подготовки дела»⁵.

⁵ Курс советского гражданского процессуального права, т. 1, с. 41.

И хотя тщательное оформление определения о подготовке дела обладает очевидными преимуществами, позволяющими суду контролировать ход подготовки, обеспечить высокую эффективность всей подготовительной деятельности, однако на практике этот факт не учитывается. В большинстве случаев процедура вынесения определения сводится к тому, что судья на специально заготовленном типографским способом бланке, как правило, ограничивается лишь записями примерно следующего содержания: «Запросить приказ», «Вызвать для разговора ответчика»; «Истребовать доказательств»⁶ и т. п.

Устранению отмеченного недостатка в подготовке гражданских дел способствовало бы улучшение содержания ст. 142 ГПК путем закрепления обязанности суда излагать перечень подготовительных действий.

Если начало стадии подготовки дела к судебному разбирательству связано с моментом вынесения определения о подготовке дела, то ее окончание определяется по правилам ст. 143 ГПК, в которой сказано, что судья, признав дело достаточно подготовленным, выносит определение о назначении его к разбирательству в судебном заседании. Следовательно, формула «признав дело достаточно подготовленным», закрепленная в рассматриваемой статье процессуального закона, выступает в качестве признака момента окончания стадии. Полагаем, что не требует особых доказательств то обстоятельство, что законодатель предусмотрел положение, дающее суду право самостоятельно определять момент окончания подготовки дела. Подобная редакция статьи ГПК позволяет суду более рационально планировать как всю свою деятельность в целом, так и подготовку конкретного дела к судебному разбирательству.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что процессуальный закон устанавливает гарантии, направленные на активизацию подготовительной деятельности суда. В ст. 99 ГПК предусмотрено общее правило: подготовка дела должна быть проведена не позднее чем в семидневный срок со дня принятия заявления. Исключение из этого правила относится к делам особой сложности, подготовка которых не может превышать двадцати дней. Закрепляя предельные сроки подго-

⁶ Архив Ордынского районного народного суда Новосибирской области за 1980 г. Дела № 2-129; 2-145; 2-279 и др.; Архив Одинцовского городского народного суда Московской области за 1978 г. Дела № 2-ПС-209; 2-ПС-484 и др.

товки гражданских дел, законодатель стремится не только к ликвидации субъективизма судьи при применении ст. 143 ГПК, но и создает условия для влияния на результативность подготовки дела со стороны лиц, участвующих в деле.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СПОР — ПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ, РАЗРЕШАЕМЫЙ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ

С. Д. ЧИГАНОВА

Предметом судебного разбирательства в делах искового производства является спор о праве гражданском. Деятельность участников процесса, и прежде всего суда, направлена на его разрешение. От характера спора в значительной мере зависит и характер отношений между ними, а следовательно, и та атмосфера судебного заседания, в которой формируется внутреннее убеждение судей, лежащее затем в основу судебного решения. Это обстоятельство и обуславливает внимание, которое уделяется исследованию спора о праве в юридической литературе.

Существуют две основные концепции, определяющие сущность понятия «спор о праве»: материально-правовая и процессуальная. Сторонники первой концепции отождествляют спор со спорным материальным правоотношением¹, сторонники второй — с правоотношением процессуальным². В. В. Бутенев и Н. Н. Тарусина предложили рассматривать спор о праве как особое организационно-охранительное отношение³. Однако все эти точки зрения вызывают в той или иной мере возражения.

Если считать спор особым состоянием материально-правового отношения, то окажется, что во всех случаях, когда

¹ Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950, с. 19; Елисейкин П. Ф. Некоторые вопросы применения ст. 129 ГПК РСФСР.— Учен. зап./Дальневост. ун-т, Сер. юрид. наук, 1969, т. 21, ч. 2, с. 138.

² Матиевский М. Д. Спор о праве и гражданское дело.— Известия вузов. Правоведение, 1978, № 2, с. 104—108.

³ Бутенев В. В. Спор о праве — организационно-охранительное отношение.— В кн.: Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1981, вып. 5, с. 43; Тарусина Н. Н. О теоретических предпосылках исследования понятия «спор о праве». — Там же, с. 63—64.

суд отказывает в иске за отсутствием материального права, спора о праве не существовало с самого начала судебного разбирательства. Что же тогда было его предметом? Такое особое состояние материального правоотношения, возникшее в результате его нарушения, не может свидетельствовать о наличии спора между сторонами, поскольку непременным условием спора является осознание лицом факта нарушения его субъективного права. Только такое осознание побуждает управомоченное лицо к обращению за защитой своего нарушенного права в юрисдикционные органы, т. е. к возбуждению спора о праве.

Признание спора процессуальным правоотношением приводит к выводу о том, что существование такого правоотношения возможно непосредственно между сторонами или что участником спора является суд. Оба вывода противоречат общепринятой в гражданской процессуальной науке точке зрения.

Не можем мы согласиться и с признанием спора охранительным правоотношением. Ведь если охранительное отношение понимать как возникшее в результате нарушения материального правоотношения право потерпевшего на защиту и соответствующую обязанность нарушителя, то его возникновение носит чисто объективный характер, управомоченное лицо может и не узнать о нарушении своего права; в этом случае не возникнет, конечно, и спора о праве. Если же охранительное отношение понимать как отношение, складывающееся между судом и истцом в результате реализации последним своего охранительного правомочия, то стороной такого правоотношения (а следовательно, и стороной спора) мы вынуждены будем признать суд, хотя в действительности он стороной в рассматриваемом им споре не является.

Возникает вопрос, можно ли вообще считать спор о праве правоотношением. Разногласия субъектов по поводу их взаимных прав и обязанностей можно разрешить, не прибегая к посредничеству юрисдикционного органа. Только в случае обращения заинтересованных лиц в суд, арбитраж или другой орган, разрешающий правовые споры, эти разногласия получают правовую регламентацию. Думается, что в разногласиях сторон и выражается существо правового спора, а сам спор есть не что иное, как правовой конфликт сторон, перенесенный на разрешение юрисдикционного органа.

Правовой конфликт — это взаимодействие, в котором находит выражение развившееся до столкновения противоречие

в понимании сторонами своих субъективных прав и юридических обязанностей. Такое столкновение есть столкновение деятельностей и их взаимное изменение.

Конфликтную сущность спора отмечают многие авторы⁴. Конфликт — это взаимодействие, в котором находят выражение развившиеся до столкновения противоречия сторон. Такое столкновение есть столкновение деятельностей сторон конфликта и их взаимное изменение. Если конфликтную сущность спора понимать именно таким образом, то естественным является вывод о том, что для возникновения спора о праве необходимо, чтобы стороны осознавали существующее между ними противоречие и стремились к его разрешению именно в установленной законом форме. Правовой конфликт, служащий основанием гражданско-правового спора, возникает обычно до процесса и независимо от него. Предметом такого конфликта служат субъективное право и соответствующая ему юридическая обязанность. Возникший правовой конфликт стороны могут разрешать различными способами, от устного или письменного напоминания до насильственных противоправных действий. Процесс же разрешения спора развивается в предписанном законом порядке. «Спор, — считает И. М. Резниченко, — это продолжение конфликта, но иными средствами»⁵. Возникает вопрос, в какой момент правовой конфликт перерастает в спор о праве. В. В. Бутнев и Н. Н. Тарусина полагают, что спор о праве существует и до обращения в юрисдикционный орган, причем спор может быть урегулирован также и самими сторонами. В подтверждение Н. Н. Тарусина ссылается на ст. 25 ГПК РСФСР и п. 4 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами. Однако конкретного ответа на поставленный выше вопрос эти авторы все же не дают. П. Ф. Елисейкин писал, что «обращение заинтересованного лица в суд в любом случае вызывает по закону не одни только процессуальные последствия, но еще последствия материально-правовые в виде спора о праве между заинте-

⁴ Тарусина Н. Н. О теоретических предпосылках..., с. 63; Резниченко И. М. Спор и конфликт. — В кн.: Правовые вопросы гражданского права и процесса/Под ред. Н. И. Овчинникова. Владивосток, 1976, с. 87; Матиевский М. Д. Спор о праве и гражданское дело. — Правоведение, 1978, № 2, с. 106; Боннер А. Т. Введение. — В кн.: Арбитраж в СССР. М., 1981, с. 6; Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982, с. 29.

⁵ Резниченко И. М. Спор и конфликт, с. 87.

ресованными лицами»⁶. Однако спор является предметом не только судебного разбирательства, но и предметом рассмотрения в КТС, ФЗМК (для трудовых споров), в товарищеском суде и т. д. Кроме того, возможен еще претензионный порядок разрешения спора. Поэтому возникновение спора не обязательно связано с обращением в суд. Думается, что правовой конфликт становится спором о праве в тот момент, когда одна из его сторон совершает юридически значимое действие, в связи с которым процесс разрешения конфликта приобретает правовую регламентацию. Таким действием может быть заявление противной стороне претензии, подача в суд искового заявления и т. д. После него конфликт сторон разрешается в предусмотренном законом порядке, поскольку именно оно возбуждает спор о праве.

Спор о праве есть, по нашему мнению, явление процессуальное. Наличие спора о праве представляет собой предпосылку права на обращение за защитой к юрисдикционному органу. Спор — это юридический факт, необходимый для возбуждения гражданского дела в суде, арбитраже, товарищеском, третейском суде, КТС, ФЗМК.

В исковом производстве суд должен рассматривать только спорные дела. Это прямо предусмотрено ст. 25 ГПК РСФСР. Поэтому на стадии возбуждения гражданского дела судья должен прийти к убеждению, что между сторонами существует спор о праве. Для этого надо установить конфликтность отношений сторон. Важнейшим признаком правового конфликта является юридическое равенство его сторон. Взаимодействие в конфликте — это борьба сторон за свои интересы. По этой причине отношения, складывающиеся между гражданином и государственным органом в сфере управления, не могут носить характера спора, так как не являются отношениями борьбы, а определяются властными полномочиями одной стороны и подчинением другой. Не является по этой же причине спором отношение между гражданином и судом первой или второй инстанции при обжаловании решения или определения.

Для оценки спорности отношений сторон в юридической литературе предлагались различные критерии. Так, И. М. Резниченко внешним выражением конфликта считает

⁶ Елисейкин П. Ф. Процессуальное понимание спора о праве и его критика. — В кн.: Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1981, вып. 5, с. 20.

проявление различного отношения сторон к предмету конфликта, в действии одной стороны и противодействии другой⁷. В. Н. Щеглов полагает, что для спора характерно разногласие сторон в процессе⁸. Т. Е. Абова пишет, что «спор о праве означает несоответствие позиций сторон относительно исполнения обязанностей и осуществления прав»⁹, не уточняя, каким образом это несоответствие должно быть выражено. В. П. Воложанин считает, что «для спора вовсе не требуется активного противодействия должника. Достаточно его уклонения от исполнения своих обязанностей»¹⁰. И. И. Жеруолис вообще полагает, что для «возникновения спора о праве материально-правового характера не обязательно, чтобы стороны пререкались, спорили между собой. Неисполнение стороной своих юридических обязанностей... означает оспаривание субъективных прав другой стороны, означает возникновение спора о праве»¹¹. С этой точкой зрения мы не можем согласиться. Следуя ей, мы пришли бы к выводу, что спор о праве имеет место и в том случае, если сторона даже не знает о нарушении ее прав или если другая сторона не осознает, что своим действием или бездействием нарушает чье-либо субъективное право. Потому же и одного «уклонения» должника (по П. В. Воложанину) недостаточно. Необходимо, во-первых, чтобы это уклонение было выражением его сознательной позиции (когда должник не исполняет обязанности, лежащей на нем, и возражает против иска или не является в суд по вызову), во-вторых, чтобы такое поведение должника было «ответом» на предъявленное к нему в исковом порядке требование кредитора.

Конфликтность ситуации воспринимается как наличие угрозы, внутреннее восприятие того, что ситуация может угрожать интересам одной из сторон взаимодействия. Практическое значение установления конфликтности отношений сторон можно показать на следующем примере. Косарев обратился в суд с иском к Косаревой о признании за ним права собственности на половину дома. Ему было отказано

⁷ Резниченко И. М. Спор и конфликт, с. 79.

⁸ Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса: Лекции для студентов. Томск, 1979, с. 5.

⁹ Абова Т. Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., 1975, с. 112.

¹⁰ Воложанин В. П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. Свердловск, 1974, с. 10.

¹¹ Жеруолис И. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969, с. 93.

в принятии искового заявления по тем основаниям, что он является собственником всего домовладения и это его право никто не оспаривает¹². Судья необоснованно отказал в принятии искового заявления, так как полагал, что к суду можно обратиться с просьбой о защите только уже нарушенного или открыто оспоренного права. Если бы судья под спорностью отношений понимал в первую очередь их конфликтность, то подобной ошибки скорее всего не произошло бы. Исходя из конкретных обстоятельств защите права собственника в приведенном примере мог бы послужить негаторный иск. Конфликтность ситуации, как мы уже отмечали, воспринимается субъектом как наличие угрозы, которая может объясняться и тем, что ситуация приобретает черты неопределенности в отношении распределения позиций по крайней мере для одного из участников взаимодействия¹³. Оспаривание права может быть различным. Оно может выражаться словесно или в виде действий, хотя и не нарушающих прямо субъективное право, но создающих положение неуверенности, неопределенности для его обладателя. Оспаривание может заключаться и в различном понимании сторонами своих прав и обязанностей, их действительного содержания и объема. Однако в любом случае может иметь место конфликт, переросший в спор о праве. Если причина конфликта не правонарушение, а неопределенность в положении заинтересованных лиц, то такие споры разрешаются путем предъявления исков о признании.

Правовой конфликт есть, по нашему мнению, обязательная основа спора. Поэтому нам трудно согласиться с утверждением И. М. Резниченко, что «выполнение ст. 164 ГПК РСФСР означает, что суд выявляет конфликтную или неконфликтную форму спора»¹⁴. Думается, что правило ст. 164 ГПК РСФСР предписывает для суда обязанность выяснить, действительно ли стороны стремятся решить свой конфликт в форме спора, т. е. с применением правовых средств.

¹² Иски о признании и спор о праве гражданском.— В кн.: Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979, вып. 4, с. 131.

¹³ Орлова Л. А., Филонов Л. Б. Взаимодействие в конфликтной ситуации. Некоторые факторы, определяющие ход взаимодействия.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 325—326.

¹⁴ Резниченко И. М. Основные проблемы психологии гражданского процесса, 1978, с. 14.

Сторона, обратившаяся за разрешением спора в суд, избирает в конфликтной ситуации стратегию борьбы. Для того чтобы добиться своей цели, она должна максимально мобилизовать имеющиеся у нее ресурсы, те правовые и неправовые средства, которые она может использовать в процессе для воздействия на формирование внутреннего убеждения судей. К их числу можно отнести не только лучшую юридическую осведомленность стороны, помощь представителя-адвоката, возможность представить суду большее число веских доказательств в обоснование своей позиции, но и определенные черты личности (или демонстрацию их): правдивость, коммуникабельность, решительность и т. д. Ресурсом могут быть и отрицательные личные качества стороны, если они помогают ей добиться вынесения решения в свою пользу. В зависимости от оценки стороной своих «боевых» ресурсов она в конфликтной ситуации судебного разбирательства спора может выбрать один из трех типов взаимодействия: уход от ситуации, отношение «переговоров» или собственно конфликтное взаимодействие, связанное с борьбой сторон. Тактика, избираемая сторонами в процессе, определяет в основном и тактику суда, то есть совокупность тех средств, которые суд сможет использовать для воздействия на участников судебного разбирательства с целью наиболее эффективного применения процессуальных норм.

Для определения тактики ведения судебного заседания судье важно установить характер возникшего между сторонами спора. Следует различать действительные, мнимые и притворные споры в зависимости от того, каков характер конфликта, лежащего в их основе. Необходимо заметить, что неприязненные отношения между сторонами еще не свидетельствуют о том, что у них действительный правовой конфликт. И наоборот, в реальных конфликтах сталкивающиеся между собой стороны далеко не всегда ощущают себя противниками, не всегда находятся во враждебных отношениях¹⁵.

Подавляющее большинство споров — это споры действительные, отражающие конфликтное взаимодействие сторон по поводу нарушенного или оспоренного права. Стороны спора и стороны действительного правового конфликта совпадают. Исключением являются случаи участия в процессе представителей недееспособных лиц. Стороной в таком споре

¹⁵ Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! Новосибирск, 1983, с. 11.

является недееспособное лицо, а стороной в конфликте — его представитель, так как в последнем случае требуется осознание конфликтности ситуации. Мнимый спор налицо в том случае, если стороны или одна из них заблуждаются, полагая реально существующими обстоятельства, которых в действительности нет. Причинами их возникновения могут быть неверные представления о сторонах конфликта, о его предмете, об отношении другой стороны к предмету конфликта. Примером таких мнимых споров могут служить споры с участием ненадлежащей стороны, когда скажем, истец ошибочно считает себя субъектом спорного права. Мнимый характер спора не всегда возможно установить на стадии возбуждения дела и подготовки его к судебному разбирательству. Однако даже если он сразу налицо, только от волеизъявления истца зависит, прекратить спор или настаивать на его рассмотрении в судебном заседании. Ст. 129 ГПК РСФСР не содержит оснований для отказа в принятии заявления от ненадлежащей стороны. Думается, что такое решение законодателя не случайно: суды ориентируются на ликвидацию даже мнимого конфликта, чтобы истец убедился в необоснованности своего требования, сознательно отказался от борьбы с ответчиком.

Притворные споры отличаются от действительных и мнимых тем, что стороны сознают отсутствие конфликта, но имитируют его. Распознать такой спор суду особенно важно, поскольку, как правило, он затрагивает интересы третьих лиц или государства, и особенно сложно, так как стороны притворного конфликта стремятся ввести суд в заблуждение, действуют обдуманно и согласованно. Притворный конфликт имеет место, например, в случае предъявления женой иска о взыскании алиментов с мужа, который уже выплачивает алименты на содержание ребенка от первого брака. Правовой конфликт между истицей и ответчиком отсутствует, и единственная цель предъявления такого иска — добиться снижения размера взыскиваемых алиментов. Суд, установив притворный характер требования, вправе отказать в его удовлетворении. Кроме того, привлечение в порядке ст. ст. 37 и 38 ГПК РСФСР действительно заинтересованных лиц в качестве третьих лиц способствует установлению притворного характера спора и защите нарушенного или оспоренного права.

Спор может основываться на любом из трех указанных видов конфликтов. Причем в ходе судебного разбирательства

возможен переход одного вида спора в другой. Например, мнимый спор становится действительным, если ошибка связана с предметом конфликта и сторона, осознав это, изменила предмет иска.

Установить характер спора помогает прежде всего внимательное изучение искового заявления. В нем, согласно ст. 126 ГПК РСФСР, должны быть указаны стороны спора и его предмет. Обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, являются по существу обстоятельствами возникновения правового конфликта. Стороны, предмет и обстоятельства возникновения конфликта должны находиться в определенном соответствии. Если, например, обстоятельства возникновения конфликта связаны не с действиями ответчика, а с действиями другого лица, то это уже может свидетельствовать о мнимом характере конфликта, но чаще характер конфликта с достаточной достоверностью выявляется только в ходе судебного разбирательства. Выявить же характер конфликта важно по возможности раньше, чтобы правильно определить тактику судебного разбирательства. Для разрешения действительного спора надо прежде всего обоснованно и убедительно разрешить вопрос о правах и обязанностях сторон, тем самым будет снят и конфликт, поскольку причина его — в неопределенности правового положения сторон. Особенность разрешения мнимого спора в том, что здесь надо добиваться прежде всего ликвидации межличностного конфликта сторон. Именно он, а не противоречивость юридических интересов послужили основанием спора. Мнимым в таких случаях является правовой конфликт, а действительным — межличностный. Притворный спор характеризуется тем, что между его сторонами нет конфликта, они его имитируют. Наоборот, в этом случае стороны предвзято согласовывают свои позиции и при обращении в суд преследуют одну и ту же цель (например, предъявляется иск о расторжении брака, чтобы закрепить за супругами две отдельные квартиры). Перед судом встает сложная задача: установить действительные взаимоотношения сторон, их действительные интересы.

Разрешение спора о праве должно быть в то же время и разрешением правового конфликта, но не следует забывать, что конфликт — это отношение между людьми. Изменить эти отношения можно только при помощи убеждающего воздействия, а такое воздействие присуще обоснованному, а следовательно, и убедительному решению. Если же стороны считают

решение несправедливым, то конфликт между ними сохраняется, он только лишается процессуальной оболочки. В результате в сферу правового конфликта могут оказаться вовлеченными и суды вышестоящих инстанций. В подобных случаях обжалование законного и обоснованного решения — прямое следствие неубедительности судебного решения.

Установление характера конфликта, лежащего в основе конкретного гражданско-правового спора, дает судье возможность правильно выбрать тактику ведения судебного заседания.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Гражданское и семейное право

Федоров И. В. Укрепление правовой основы планирования хозяйственных связей	5
Скутин А. Ф. Охраняемый законом интерес в гражданском праве	16
Чернов В. М. Договор на поставку и монтаж оборудования	29
Тен Л. В. Отгрузочная разрядка и заключение договора поставки	38
Этина Т. С. К вопросу о совершенствовании правового положения оптовых магазинов	44
Мисник В. И. Совершенствование правового регулирования порядка приемки продукции по количеству	51
Клименко Г. Я. Продовольственная программа СССР и вопросы правового регулирования реализации плодоовощной продукции	58
Сухинин В. И. Ответственность железной дороги за нарушение сроков уборки и подачи вагонов на подъездные пути	67
Титов Н. Д. Вопросы совершенствования претензионного порядка разрешения споров, возникающих из перевозки грузов	77
Хаскельберг Б. Л. Стабильность пользования жилым помещением и ее обеспечение в новом жилищном законодательстве	98
Кузьмина И. Д. Гарантии жилищных прав временно отсутствующих граждан	107
Моршинин В. А., Слесарев В. Л. Судебная практика по спорам между предприятиями бытового проката и гражданами	107
Панкратова Н. А. Интересы колхозников и их правовое опосредование в свете Конституции СССР	127
Матусевич А. В., Тагунов Д. Е. Правовые проблемы преобразования системы сельского расселения и развития личных подсобных хозяйств граждан	135
Симанчев А. Ф. Содержание договора на шефмонтаж	145
Мананкова Р. П. Понятие и признаки семьи	154
Блинова Т. В. О сущности и функциях некоторых юридических фактов в советском семейном праве	165
Невзгодина Е. Л. Личные неимущественные права и обязанности супругов в брачном правоотношении	176

Раздел II. Трудовое право

Савич В. И. Функции управления трудом на предприятии	188
Каневская Е. М. Правовое положение администрации предприятия как структурного элемента трудового коллектива	199

Бондаренко Э. Н. Совершенствование материального стимулирования нормирования труда	208
Бондаренко Э. Н. Нормирование труда как институт трудового права	218
Скобелкин В. Н. Правовые средства воздействия на нарушителей трудовой дисциплины	228
Юрьева А. Г. Классификация мер защиты по механизму воздействия на субъектов трудового правоотношения	236
Аракчеев В. С. Сущность и виды юридической процедуры в трудовом праве	240
Субботенко В. К. Понятие семейного пособия по праву социального обеспечения	247
Аракчеев В. С. К вопросу о методах обеспечения трудовой дисциплины	259

Раздел III. Гражданский процесс

Щеглов В. Н. Вопросы совершенствования состязательного начала гражданского судопроизводства	268
Грицанов А. С. Секретарь судебного заседания как субъект гражданского процесса	279
Меренкова Л. К. Системно-функциональные связи гражданского процессуального права с материальными отраслями	286
✓ Осокина Г. Л. Процессуальное положение прокурора, предъявившего иск в гражданском процессе	296
Баришпольская Т. Ю. О процедурных нормах гражданского права	307
Цихоцкий А. В. Цель и пределы действия стадии подготовки дела к судебному разбирательству	317
Чиганова С. Д. Гражданско-правовой спор — правовой конфликт, разрешаемый в процессуальной форме	323

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ

ИБ 1653

Редактор Т. В. Зелева

Технический редактор Г. Н. Гридина

Корректор Л. П. Бородич

Сдано в набор 30.10.85 г. Подписано к печати 10.07.87 г. К302198
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Печ. л. 21; усл. печ. л. 19,5; уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 500 экз. Заказ 6240. Цена 2 р. 80 к.

* Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя», 634050, ГСП, Томск,
пр. Фрунзе, 103.

1-650922

2 р. 80 к.

Томский государственный университет

Научная библиотека 00217956

